

Н. БУХАРИН

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ
РАНТЬЕ**

**Теория ценности
и прибыли
австрийской школы**

«ОРБИТА»

МОСКОВСКИЙ ФИЛИАЛ

1988

Н. БУХАРИН

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ
РАНТЬЕ**

**ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ И ПРИБЫЛИ
АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3–7
Введение. Буржуазная политическая экономия после Маркса	7–28
1. Историческая школа в Германии. Социологическая характеристика исторической школы. Её логическая характеристика. 2. Австрийская школа. Социологическая характеристика австрийской школы. Краткая логическая характеристика её. 3. Англо-американская школа. 4. Предшественники «австрийцев»	
Глава I. Методологические основы теории предельной полезности и марксизма	29–59
1. Объективизм и субъективизм в политической экономии. 2. Историческая и неисторическая точки зрения. 3. Точка зрения производства и точка зрения потребления. 4. Итоги	
Глава II. Теория ценности	60–79
1. Значение проблемы ценности. 2. Ценность субъективная и объективная; определения. 3. Полезность и ценность. 4. Величина ценности. Единица оценки	
Глава III. Теория ценности (продолжение)	80–117
1. Учение о субституционной пользе. 2. Величина предельной пользы и количество благ. 3. Величина ценности благ при различных способах употребления. Субъективная меновая ценность. Деньги. 4. Ценность комплементарных благ. Ценность производительных благ. Издержки производства. 6. Итоги	
Глава IV. Теория прибыли	118–139
1. Значение проблемы распределения. Постановка вопроса. 2. Понятие капитала. «Капитал» и «прибыль» в «социалистическом государстве». 3. Общая характеристика капиталистического производственного процесса; образование прибыли	
Глава V. Теория прибыли (продолжение)	140–169
1. Две причины переоценки настоящих благ: а) различное отношение между потребностями и средствами их удовлетворения в разное время; б) систематическая недооценка будущих благ. 2. Третья причина переоценки настоящих благ: техническое их производство. 3. «Фонд существования» (der Subsistenzfonds). Спрос на настоящие блага и их предложение. Образование прибыли	
Заключение	170–175
Приложение. Теоретическое примиренчество. (Теория ценности г. Тугана-Барановского)	176–185
Указатель имён и цитированных сочинений	187–191

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа была закончена уже осенью 1914 года, то есть в начале великой мировой войны, и предполагавшееся предисловие было подписано августом — сентябрём этого года.

Меня давно занимала мысль дать систематическую критику теоретической экономии новейшей буржуазии. С этой целью я поселился в Вене, когда мне посчастливилось бежать из ссылки, и стал слушать Бём-Баверка, теперь уже покойного, в венском университете. В библиотеке венского университета мне пришлось проработать в основном литературу австрийских теоретиков. Закончить работу в Вене, однако, не удалось, так как австрийское правительство перед войной засадило меня в крепость, при чем рукопись тщательно просматривалась охранниками. В Швейцарии, куда я был выслан, библиотека лозаннского университета дала мне возможность на месте работать над «лозаннской школой» (Вальрас) и над старыми экономистами, прослеживая корни теории предельной полезности. Там же я начал изучать и англо-американских экономистов. Политическая работа перебросила меня затем в Швецию, где стокгольмская «Королевская Библиотека», а также специальная экономическая библиотека Высшей Торговой Школы позволили мне продолжать работу по изучению новейшей буржуазной экономии. Арест и высылка в Норвегию пересадили меня в библиотеку нобелевского института в Христиании, а затем, после моего переезда в Америку, я более подробно — опять-таки на месте — ознакомился в нью-йоркской «Публичной Библиотеке» с американской экономической литературой.

Рукопись долгое время пропадала неизвестно где в Христиании, и только благодаря энергичным поискам со стороны моего друга, норвежского коммуниста Арвида Гансена (Arvid G. Hansen) она была найдена и привезена в феврале 1919 г. в Советскую Россию. Теперь я включаю в неё лишь некоторые замечания и примечания, имеющие, главным образом, касательство к англо-американской школе и к изданиям последних годов вообще.

Такова *внешняя* «история» этой работы.

Что касается существа дела, то оно сводится к следующему. До сих пор в марксистском лагере критика новейших буржуазных экономистов сводилась, главным образом, к двум типам критики: либо это была только социологическая критика, либо критика исключительно методологическая. Устанавливалось, например, что данная теоретическая система имеет родство с определённой классовой психологией, и этим дело кончалось. Или указывалось, что некоторые методологические основания, подход к вопросу неправилен, а потому считалась излишней подробная критика «внутренней» стороны системы.

Конечно, если считать, что только классовая теория пролетариата может быть объективно правильной, то уже одно разоблачение буржуазности данной теории, строго говоря, достаточно для того, чтобы эту теорию отмести. По существу дела, оно так и есть. Ибо марксизм претендует на общезначимость как раз потому, что он является теоретическим построением наиболее прогрессивного класса, познавательные «посягательства» которого гораздо более дерзки, чем консервативное, а следовательно, и ограниченное мышление господствующих классов капиталистического общества. Тем не менее, однако, ясно, что в борьбе идеологий эту истину нужно как раз и обнаруживать на примере логической критики враждебных нам систем. Таким образом, их социологическая характеристика вовсе не снимает с нас обязанности вести борьбу и в плоскости чисто логической критики.

То же нужно сказать и о критике метода. Конечно, установление неправильности исходных методологических оснований опрокидывает все теоретическое построение. Но борьба идеологий требует, чтобы неправильность метода была продемонстрирована на неправильности частных выводов системы, то есть либо на её внутренней противоречивости, либо на её недостаточности, «органической» неспособности охватить ряд для данной дисциплины важных явлений.

Отсюда мы приходим к выводу, что марксизм обязан дать *развёрнутую* критику новейших теорий, которая бы включала и социологическую критику, и критику метода, и критику всей системы во всех её разветвлениях. Так ставил вопрос и Маркс по отношению к буржуазной политической экономии (ср. его «Theorien über den Mehrwert»).

Если марксисты ограничивались обычно только социологической и методологической критикой «австрийской» теории, то её буржуазные противники могли критиковать её главным

образом, с точки зрения неправильности *частных* выводов. Только стоящий почти особняком R. Stolzmann пытался дать именно развёрнутую критику Бём-Баверка. И постольку, поскольку некоторые основные положения этого автора имеют теоретическое родство с марксизмом, постольку обнаруживалось и сходство в критике «австрийцев». Я считал необходимым отмечать это совпадение даже в тех случаях, где приходил к таким же выводам, как и Штольцман, ещё до знакомства с его работами. Однако, при всех достоинствах Штольцмана, он опирается на совершенно неправильный взгляд на общество, как на «целовое образование» («Zweckgebilde»). И недаром один весьма остроумный последователь австрийской теории, весьма углубивший её и заостривший все её особенности, R. Liefmann, защищается от Штольцмана, нападая как раз на его телеологию. Эта телеологическая точка зрения, наряду с ясно выраженными апологетическими нотами, не позволяет Штольцману ввести критический разбор австрийцев в надлежащие теоретические рамки. Такую работу могут выполнить только марксисты, и попытку её представляет печатаемый очерк.

Самый выбор объекта критики не нуждается в длинных объяснениях. Общеизвестно, что наиболее сильным врагом марксизма является как раз австрийская теория.

Может показаться странным, что я решаюсь выпускать эту работу во время клокоущей в Европе гражданской войны. Однако, марксисты никогда не обязывались приостанавливать теоретическую работу даже среди самых жестоких классовых битв, если только для этого есть просто физическая возможность. Гораздо серьёзнее было бы возражение, что нелепо разбирать капиталистическую теорию, раз и её объект и её субъект гибнут сейчас в пламени коммунистической революции. Но и такое рассуждение было бы неправильно, ибо и для понимания текущих событий крайне важно понимание капиталистической системы. А постольку критика буржуазной теории прокладывает путь к такому пониманию, постольку сохраняется и её познавательная ценность.

Я скажу ещё только несколько слов о способе изложения. Я старался быть наивозможно более кратким, и этим, быть может, объясняется сравнительная трудность изложения. С другой стороны, я вводил много цитат как из самих австрийцев, так и из математиков, англо-американцев и т. п. Против такого способа существует в наших марксистских кругах большое предубеждение, как против показной, специфической «учёности».

Тем не менее я считал, что нужно дать здесь некоторый историко-литературный комментарий, который походя вводил бы читателей в литературу предмета и позволял бы в ней, хотя бы приблизительно, ориентироваться. А *знать* своих врагов вовсе не предосудительно, тем более, что их у нас знают до чрезвычайности мало. К тому же в примечаниях in puse содержится параллельная и систематическая критика других ответвлений буржуазной теоретической мысли.

Я считая необходимым выразить здесь благодарность своему другу, Юрию Леонидовичу *Пятакову*, с которым мы неоднократно обсуждали вместе разного рода вопросы, касающиеся теоретической экономики, и ценные указания которого всегда принимались мною во внимание.

Книжка посвящается товарищу Н. Л.

Н. Бухарин.

Москва, конец февраля 1919 г.

ВВЕДЕНИЕ

БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ПОСЛЕ

МАРКСА

1. Историческая школа в Германии. Социологическая характеристика истории школы. Её логическая характеристика. 2. Австрийская школа. Социологическая характеристика австрийской школы. Краткая логическая характеристика её. 3. Англо-американская школа. 4. Предшественники «австрийцев»

Прошло уже тридцать лет с тех пор, как «пламенные очи» великого мыслителя XIX века, идеи которого служат рычагом мирового пролетарского движения, закрылись навсегда, а между тем, вся экономическая эволюция за последние десятилетия — бешеная концентрация и централизация капитала, вытеснение мелкого производства даже в самых медвежьих углах, появление коронованных золотым венцом могущественных «королей промышленности» с одной стороны, рост армии пролетариата, «вышколенного, объединённого и организованного механизмом самого капиталистического производства» ¹⁾ — с другой, — всё это в гигантском масштабе подтверждает правильность теоретической системы Маркса, поставившего своею целью «открыть экономический закон *движения* современного капиталистического общества». Тот прогноз, который впервые дан был в «Коммунистическом Манифесте», а затем, в своём полном и развитом виде, в «Капитале», блестяще оправдался уже на девять десятых. Одна из самых важных частей этого прогноза — теория концентрации — сделалась теперь общим местом, вошла в качестве общепризнанной истины в научный обиход. Правда, её подают обычно под другим теоретическим соусом, и она лишается той стройности, которая отличает теорию *Маркса*; но тот «экономический романтизм», который видел в ней лишь фантазию утописта, окончательно потерял почву, когда в последнее время тенденции, вскрытые и объяснённые Марксом, прорвались наружу с такой бурной стремительностью и в таком грандиозном размере, что лишь слепые не могли отметить победного шествия *крупного производства*. Если некоторые прекраснодушные люди в *акционерных обществах* видели лишь «демократизацию капитала»

¹⁾ *К. Маркс*, «Капитал», т. I. стр. 651 перевода Струве (2-е издание).

и в своей сентиментальности считали их за гарантию социального мира и всеобщего благополучия (а такие люди, к сожалению, находились и в рядах пролетарского движения), то «экономический материал» сегодняшнего дня самым грубым образом разрушает эту мещанскую идиллию, превращая акционерный капитал в могучее орудие кучки узурпаторов, беспощадно подавляющих всякое стремление вперёд со стороны «четвёртого сословия». Уже это одно показывает, каким важным познавательным орудием служит теоретическая конструкция Маркса. Но даже такие явления капиталистической эволюции, которые выступили на сцену лишь теперь, могут быть поняты только на основе *марксова* анализа ¹⁾. Образование могучих предпринимательских организаций, синдикатов и трестов, возникновение невиданных по своим размерам банковых организаций, проникновение банкового капитала в промышленный и гегемония «финансового капитала» во всей экономической и политической жизни развитых капиталистических стран, — всё это лишь усложнение тенденций развития, анализированных Марксом. Господство финансового капитала лишь ускоряет во много раз движение концентрационного винта и превращает производство в производство *обобществлённое*, созревшее для перехода под общественный контроль. Правда, не так давно буржуазные учёные провозглашали, что организации промышленников положат конец анархии производства и уничтожат кризисы. Но увы! Капиталистический организм по-прежнему периодически бьётся в судорогах, и только уж совсем наивные люди могут говорить о возможности исцеления при посредстве «розового масла» реформистских заплат. Историческая миссия *буржуазии*, которая уже «обегала» весь земной шар, приходит к концу. Настаёт период широчайших выступлений *пролетариата*, борьба которого уже теперь выходит из национально-государственных границ, принимает всё более форму массового давления на командующие классы и подходит вплотную к реализации конечной цели движения. И недалеко то время, когда сбудется основное предсказание теории Маркса, и «пробьёт час капиталистической собственности»... Как убедительно, однако, ни говорят все эти факты о правильности марксистской концепции, всё же успех её в среде официальных учёных не только не увеличивается, но быстро сводится на нет. Если раньше в отсталых странах

¹⁾ В этом отношении чрезвычайно поучительна книга *R. Hilferding'a: «Das Finanzkapital»* (русский перевод *И. Степанова*, «Финансовый капитал»).

(напр., в России, отчасти в Италии) даже университетские профессора не прочь были пококетничать с Марксом, внося, разумеется, свои «поправки» и «поправочки», но теперь весь ход общественной жизни, обозрение классовых противоречий и консолидации всех оттенков буржуазной мысли против идеологии пролетариата вышвыривает такие «промежуточные типы» из обращения и на их место ставит «чисто европейского», «современного» учёного в теоретическом сюжете прусского, австрийского или (более модного) англо-американского образца ¹⁾. Два *основных* направления экономической мысли смогла противопоставить буржуазия стальной системе К. Маркса: мы разумеем так называемую «историческую школу» (Рошер, Гильдебранд, Книс, Шмоллер, К. Бюхер и др.) и получившее за последнее время громадное распространённое учение «австрийской школы» (Карл Менгер, Бём-Баверк, Визер). Оба эти направления знаменуют собой *банкротство* политической экономии буржуазии. Но это банкротство выражено в двух полярно-противоположных формах. А именно, в то время, как у первого направления банкротство буржуазной абстрактной теории выразилось в отрицательной позиции по отношению ко всякой подобной теории *вообще*, второе направление, наоборот, сделало попытку построения именно такой теории, но привело лишь к целому ряду необычайно искусно продуманных «кажущихся объяснений», которые терпят крах прежде всего как раз в тех вопросах, где оказалась наиболее сильной теория Маркса, а именно, в вопросах *динамики* современного капиталистического общества. Экономисты классической школы стремились, как известно, найти формулировку наиболее общих, т. е. «абстрактных» законов экономической жизни, и такой выдающийся её представитель, как *Рикардо*, дал удивительные образцы абстрактно-дедуктивного исследования. Наоборот, «*историческая школа*» возникла, как

¹⁾ Успех «новых» теорий коренится, таким образом, в изменившихся отношениях социальной психологии, а не в логическом совершенстве этих теорий. *Одной* из причин отвращения к трудовой теории со стороны буржуазии является, несомненно, отвращение к социализму. Сам *Бём-Баверк* признает это отчасти, когда пишет: «Правда, первоначальная теория трудовой ценности, как мне кажется, в течение нескольких лет распространялась весьма быстро в связи с распространением идеи социализма, но в последние годы она, без сомнения, упала в глазах теоретиков всех стран, и, главным образом, под влиянием теории «предельной полезности», число приверженцев которой растёт всё более и более». См. «Капитал и прибыль», перевод под ред. Тугана-Барановского, стр. 415, примечание. Почему отвращение от социализма нашло себе положительное выражение именно в «австрийской» теории — будет сказано ниже.

реакция против «космополитизма» и «перпетуализма» (Книс) классиков ¹⁾. Это различие имело свои глубокие социально-экономические корни. Теория классиков, с её проповедью свободной торговли, была, несмотря на свой «космополитизм», весьма «национальной»: это был необходимый теоретический продукт *английской* промышленности. Англия, в силу целого ряда обстоятельств получившая исключительное господство на мировом рынке, не боялась ничьей конкуренции, не нуждалась ни в каких «искусственных», т. е. законодательных мероприятиях для победы над остальными соперниками; английской промышленности незачем было поэтому взывать к «истинно-английским» условиям развития, чтобы ими оправдывать какие-либо таможенные рогатки; теоретикам английской буржуазии не приходилось поэтому концентрировать внимания на специфических *особенностях* английского капитализма: несмотря на то, что они были выразителями интересов *английского* капитала, они говорили о законах хозяйственной жизни *вообще*. Совершенно другую картину представляло из себя экономическое развитие на континенте Европы и Америки ²⁾. По сравнению с Англией, Германия, колыбель «исторической школы», была отсталой, в значительной степени аграрной страной; поднимающаяся германская промышленность страдала самым чувствительным образом от конкуренции Англии; в особенности терпела от неё тяжёлая индустрия Германии. Таким образом, если английская буржуазия не нуждалась в подчёркивании национальных особенностей, немецкая буржуазия должна была обратить на них сугубое внимание, чтобы на «своеобразии», «самобытности» etc. немецкого развития теоретически обосновать мудрую политику «воспитательных» пошлин. Теоретический интерес сосредоточивался, именно, на выяснении исторически конкретного и национально ограниченного; в теории шёл подбор и выдвигание на первый план именно этих сторон экономической жизни. С социологической точки зрения *историческая школа* и явилась идеологическим выражением роста немецкой буржуазии, боявшейся английской

¹⁾ Под «космополитизмом» *Книс* понимает взгляд классиков на политико-экономические законы, как на законы, пригодные для всякой страны и всякой национальности; под «перпетуализмом» — аналогичный взгляд по отношению к различным историческим эпохам. Ср. *Kalr Knies*: «Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte», Neue Auflage, 1883, S. 24

²⁾ Первым теоретиком историзма можно считать немца *Фридриха Листа* (его книга — «Das nationale System der politischen Oekonomie» вышла в 1841 г.), выдвинувшего требование протекционной политики.

конкуренции, требовавшей защиты национальной промышленности и потому усиленно подчёркивавшей «национальные» и «исторические» особенности Германии, а затем — обобщая — и других стран. Социально-генетически *и* классики *и* историческая школа «национальны», ибо и то и другое направления суть продукты исторически и территориально ограниченного развития; с логической точки зрения классики — «космополитичны», «историки» — «национальны». Таким образом, колыбелью исторической школы явился *германский протекционизм*. В своём дальнейшем развитии историческая школа выдвинула целый ряд оттенков, при чем её наиболее важное направление с Густавом Шмоллером во главе (так называемая «jüngere historische» или «historisch-ethische Schule») приняли консервативно-*аграрную* окраску. Идеализация промежуточных производственных форм, особенно «патриархальных» отношений между аграриями и сельскохозяйственными рабочими, боязнь «язвы пролетариата» и «красной опасности» с головою выдают этих «объективных» профессоров и показывают социальные корни их «чистой науки» ¹⁾. Из подобной социологической характеристики вытекает и соответствующая логическая характеристика исторической школы. С логической стороны «историки» характеризуются, прежде всего, своей отрицательной позицией по отношению к абстрактной теории. Основным настроением их стало глубокое отвращение к таким исследованиям; даже самая возможность последних подвергалась сомнению, а иногда и прямо отрицалась; слово «абстрактный» приобрело у учёных этого типа значение «бессмысленного»; некоторые стали скептически относиться к наиболее важному понятию всякой науки — понятию «закона», в лучшем случае принимая лишь так называемые «эмпирические законы», открываемые историко-экономическим и статистическим исследованием ²⁾.

¹⁾ Вот, напр., перечень «деяний» Г. Шмоллера, сделанный *А. Миклашевским*: «он хотел отсрочить введение госуд. страхования рабочих, был против распространения защиты рабочего законодательства для земледельческих и ремесленных рабочих... Для земледельческих рабочих он считал возможным применение уголовного закона при нарушении договора, был против признания правом профессиональных и рабочих союзов, высказывался за закон против социалистов...» («История политической экономии. Философские, исторические к теоретические начала экономики XIX века». Юрьев 1909, стр. 578).

²⁾ Один из весьма умеренных сторонников исторической школы, *F. Neumann* говорит, напр., что «die Möglichkeit *exakter* Gesetze aus wirtschaftlichem Gebiete ausgeschlossen ist» («Naturgesetz und Wirtschaftsgesetz» в «Zeitschrift für gesamte Sozialwissenschaft», hg. v. Schäffle 1892, Jahrg. 48, S. 435). Относительно понятия «типического» тот же автор пишет: «Dort (т. е. в естественных науках. *Н. Б.*)

На сцену выступил, таким образом, узкий эмпиризм, боящийся широких обобщений; крайние представители школы провозгласили своим лозунгом накопление конкретного исторического материала, а обобщающую теоретическую работу предлагали отложить на неопределённое будущее. Вот как характеризует «младшее поколение» исторической школы его признанный глава Г. Шмоллер: «Отличие молодой исторической школы от него (т. е. от Рошера. *Н. Б.*) состоит в том, что она стремится к менее поспешным обобщениям, что она чувствует более сильную потребность перейти от собирания общеисторических данных к специальному исследованию отдельных эпох, народов и хозяйственных явлений. Она требует, прежде всего, историко-экономических монографий, она с большой охотой выясняет раньше всего развитие отдельных хозяйственных учреждений чем развитие всего народного хозяйства. Она примыкает к строгому методу историко-правового исследования, стремится, однако, дополнить книжное знание при помощи путешествий и собственных вопросов, а также привлечь данные философского и психологического исследования» ¹⁾.

Такая принципиально враждебная абстрактному методу позиция продолжает в Германии задавать тон и по сие время. Совсем недавно ещё (в 1908 г.) тот же Г. Шмоллер заявил, что «wir stecken noch vielfach in der Vorbereitung und Materialsammlung» ²⁾.

В связи с требованием конкретности стоит и другая особенность «исторического» направления: а именно, у него социально-экономическая жизнь совершенно не отделяется от других сторон жизненного процесса, особенно от права и *морали*,

besteht Typisches, aus dem wieder Typisches hervorgehen und als Typisches erforscht werden kann. Hier (т. е. в общественных науках. *Н. Б.*) soll... Typisches gedacht d. h. *fingiert* werden» (Ibid. S. 442).

¹⁾ «Der Unterschied der jüngeren historischen Schule vom ihm ist der, dass sie weniger rasch generalisieren will, dass sie ein viel stärkeres Bedürfnis empfindet, von der polyhistorischen Datensammlung zur Specialuntersuchung der einzelnen Epochen, Völker und Wirtschaftszustände überzugeben. Sie verlangt zunächst wirtschaftliche Monographien... Sie will lieber zunächst den Werdegang der einzelnen Wirtschaftsinstitutionen als den der ganzen Volkswirtschaft und der universellen Weltwirtschaft zu erklären. Sie knüpft an die strenge Methode rechtsgeschichtlicher Forschung an, sucht aber durch Reisen und eigenes Befragen das Bücherwissen zu ergänzen, die philosophische und psychologische Forschung heranzuziehen». (*G. Schmoller*, «Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre». Leipzig 1903, S. 119).

²⁾ *G. Schmoller*, l. c., S. 123.

хотя это (теоретическое) отделение настоятельно диктуется целями познания ¹⁾. Подобная точка зрения вытекает именно из отвращения к абстракции: в самом деле, ведь жизненный процесс человеческого общества есть *единый* поток, в действительности есть только *одна* история, а не различные истории хозяйства, истории права, истории морали, etc. Только научная абстракция рассекает единую жизнь на части, искусственно выделяя различные ряды явлений, группируя их по известным признакам. Поэтому тот, кто протестует против абстракции, должен протестовать и против выделения экономической жизни из жизни правовой и этической. Такая точка зрения, конечно, совершенно несостоятельна. Конечно, верно, что общественная жизнь есть единство; но не следует забывать и того, что познание вообще *невозможно* без абстракций; уже самое *понятие* есть отвлечение от «конкретного»; всякое описание то же самое предполагает известный отбор явлений по признакам, считаемым почему-либо важными. Абстракция является, таким образом, необходимым признаком познавательной деятельности; она перестаёт быть допустимой тогда — и только тогда, — когда отвлечение от конкретных признаков делает абстракцию совершенно пустой, т. е. познавательно бесполезной.

Познание *требует* разложения единого жизненного процесса. Последний настолько сложен, что его необходимо разложить для изучения на некоторые отдельные ряды явлений. В самом деле, что случилось бы с изучением хозяйственной жизни, если бы сюда входили на равных правах с элементами хозяйственной жизни также и элементы, изучаемые филологией только потому, что экономическая жизнь творится людьми, связанными друг с другом речью? Ясно, что каждая данная наука может пользоваться результатами других, поскольку они способствуют пониманию собственного объекта данной науки, но при этом эти чуждые элементы сами должны рассматриваться с точки зрения именно *этой* науки; это лишь некоторый подсобный материал — не более.

Таким образом, сваливание в одну кучу разнородного материала не облегчает, а, наоборот, затрудняет познание. В довершение всего этого в исследованиях «историков» последней формации их «psychologisch-sittliche Betrachtung» принимает

¹⁾ Шмоллер выдвигает три «основные мысли» школы: «1) die Anerkennung der Entwicklungsgedankens... 2) eine psychologisch-sittliche Betrachtung... 3) ein kritisches Verhalten gegenüber der individualistische Naturlehre, wie gegen den Sozialismus...» (l. c., 123).

форму моральных оценок и поучений. В науку, задача которой раскрывать *причинные* соотношения, вторгается совершенно не идущий к делу элемент *моральных норм* (отсюда и название школы: «историко-этическая»¹⁾).

В результате деятельности исторической школы появилась масса работ описательно-исторического характера: по истории цен, заработной платы, кредита, денег и т. п.; но разработка *теории* цены и ценности, *теории* заработной платы, *теории* денежного обращения не подвинулась вперед ни на шаг. А между тем для всякого ясно, что это две совершенно различные вещи: «Действительно, одно дело — статистика цен на рынках Гамбурга или Лондона за последние тридцать лет; другое — *общая теория ценности и цены*, какая находится в трудах Галиани, Кондильяка, Рикардо»²⁾... И как раз отрицание «общей теории» есть отрицание политической экономии, как самостоятельной теоретической дисциплины, есть признание её *банкротства*.

Наука, вообще говоря, может ставить себе две цели. Или она занимается описанием того, что было или есть в определенное время в определенном месте; или же она старается вывести *законы* явлений, которые всегда укладываются в формулу: если имеется А, В, С, то необходимо наступает D. В первом случае наука носит *идиографический*, во втором — *номографический* характер³⁾. Ясно, что *теория* политической экономии принадлежит ко второму типу наук; она выдвигает на первый план номографические задачи познания. Таким образом, историческая школа, относясь пренебрежительно к выведению «общих законов», тем самым уничтожала в сущности политическую экономию вообще, заменяя её «чистым описанием» идиографического характера, растворяя её в истории хозяйственного быта и экономической статистике,

¹⁾ По поводу этике очень метко говорит *H. Dietzel*: «Genau ebenso gut wien von einer «ethischen» *Wirtschaftstheorie* oder *Wirtschaftsgeschichte* konnte man von einer «ethischen» Anthropologie, Physiologie u. s. w. sprechen» («Theoretische Sozialökonomik», S. 31). Ср. также *E. Sax*, «Das Wesen und die Aufgaben der National-Oekonomie», Wien 1884, S. 52. Точно так же и *Leon Walras* смеётся над «моралью» в теории, приравнивая попытки морализирования к попыткам «spiritualiser la géometrie» (*Leon Walras*, «Etudes d'économie sociale. Théorie de la repération de la richesse sociale», Lausanne-Paris, 1896, p. 40).

²⁾ «Altra cosa e infatu la stansuca del prezzi sul mercati d'Amburgo di Londra nell'ultimo trentennio, altra cosa la *teoria generale del valori* e del *prezzo* quale si trova nelle opere del Galiani, del Condillac, del Ricardo...» (*Luigi Cossa*: «Introduzione allo studio dell'economia politica», 5-e edizione, Milano 1892, p. 15).

³⁾ Терминология, предложенная *А. А. Чупровым* (сыном). См. его «Очерки по теории статистики». СПб. 1909. Несколько иное значение имеют сходные термины у *Риккерта* и *Виндельбанда*.

этой по существу идиографической науке. Вставить свою единственно верную идею — идею развития (*Entwicklungsgedanke*)— в рамки *теоретического* исследования она не могла и в результате оказалась бесплодной, как евангельская смоковница. Её положительное значение свелось к *доставке материала* для теоретической разработки, и в этом смысле труды «историков» представляют весьма ценную величину: стоит вспомнить хотя бы о грандиозной работе, произведённой «Союзом социальной политики» (*Verein für Sozialpolitik*) по вопросу о немецком ремесле, мелкой торговле, сельскохозяйственном пролетариате и т. д.¹⁾

Вполне верную характеристику историков даёт родоначальник австрийской школы Карл Менгер: «Внешняя связь положительного *исторического* знания с трудолюбивым, но бессистемным эклектизмом в области *нашей* науки (Менгер разумеет теорию политической экономии. *Н. Б.*) образует исходный и в то же время наивысший пункт её (т. е. исторической школы. *Н. Б.*) развития»²⁾.

Совсем иную картину представляет из себя *австрийская школа*. Она выступила на научной сцене как резкая оппозиция «историзму». В горячей полемической схватке, которая нашла себе наиболее яркое выражение в полемике между Карлом Менгером и Шмоллером, новые теоретики буржуазии вскрыли основные недостатки своих предшественников с большою полнотой; они вновь стали требовать для *теоретика* познания «типичных явлений» и «общих законов» («точных законов», «exakte Gesetze», как их назвал К. Менгер). Одержав ряд побед над историками, австрийская школа, в лице Бём-Баверка, напала на марксизм и вскоре объявила о его полной теоретической несостоятельности. «Теория Маркса не только не верна, но, если смотреть на неё

¹⁾ Особенно обстоятельно обследовано ремесло. Почему — на это даёт ответ следующее заявление *Г. Шмоллера*: «Nur die Erhaltung eines breiten Mittelstandes kann... uns davor bewahren in letzter Instanz einen politischen Entwicklung entgegen zugehen, die in einer abwechselnden Herrschaft der Geldinteressen und des 4. Standes beatehen wird... nur sie (соц. реформа, *Н. Б.*) erhält die Aristokratie der Bildung und des Geistes an der Spitze des Staates» (*G. Schmoller*, «Ueber einige Grundfragen der Sozialpolitik u. d. Volkswirtschaftslehre», Leipzig 1898, S. 5 и 6).

²⁾ «Die äusserliche Verbindung gediegenen *historischen* Wissens mit einem sorgfältigen aber führerlosen Eklekticismus auf dem Gebiete *unserer* Wissenschaft bildet den Ausgangspunkt, zugleich aber den Höhepunkt ihrer Entwicklung». (*Carl Menger*, «Die Irrtümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie» Wien 1884, Vorwort, S. I)

с точки зрения теоретической ценности, занимает одно из последних мест...» — таков приговор Бём-Баверка ¹⁾.

То, что новая попытка буржуазных идеологов ²⁾ так резко столкнулась с идеологией пролетариата, не представляется удивительным. Острота этого конфликта с неизбежностью вызывалась тем, что эта новая попытка абстрактной теории, будучи *формально* сходной с марксизмом, поскольку последний пользуется точно так же абстрактным методом, *по существу* представляет полную противоположность марксизму. Это же обстоятельство, в свою очередь, объясняется тем, что новая теория является детищем буржуазии одной из *последних* формаций, — буржуазии, жизненный опыт, а, следовательно, и идеология которой наиболее далеки от жизненного опыта рабочего класса.

Мы оставляем на время дальнейшую *логическую* характеристику «австрийцев», чтобы вернуться к этому впоследствии. Здесь же мы попытаемся дать основные черты её *социологической* характеристики.

В своей последней книге о происхождении «капиталистического духа» Вернер Зомбарт ³⁾ исследует характерные черты предпринимательской психологии; но он рисует только одну *восходящую* линию в развитии буржуазии; перед его глазами — исключительно победное шествие «третьего сословия»; он не видит и не исследует буржуазной психологии в её *деградации*. Но и у него можно найти всё же очень любопытные образчики подобной психологии, правда, не последнего времени. Вот как характеризует он «haute finance» во Франции и Англии 17 и 18 столетия.

«Это были очень богатые люди, большею частью буржуазного происхождения, которые в качестве откупщиков налогов и государственных кредиторов разбогатели и плавали теперь, как блёстки жира на супе, *стоя совершенно в стороне от хозяйственной жизни*» ⁴⁾.

¹⁾ Бём-Баверк, «Капитал и прибыль», стр. 517.
²⁾ Не имеющий никакого отношения к социализму H. Dietzel пишет о ней: «Wenn Hohoff sagt, dass nicht dem Verstande, sondern dem Willen die Politik gegen die Arbeitswerttheorie ihren Ursprung verdanke, so trifft dies zu...» («Theoretische Sozialökonomik», S. 211).
На той же странице говорится об апологетических упражнениях *Коморжинского* и столпа австрийцев, Бём-Баверка.
³⁾ Werner Sombart, «Der Bourgeois», München und Leipzig, 1913.
⁴⁾ «Der Bourgeois», S. 46: «Das waren die ganz reichen Leute meist bürgerlicher Herkunft, die sich als Steuerpächter oder Staatsgläubiger bereichert hatten und nun als Fettaugen auf der Suppe schwammen, den Wirtschaftsleben aber ferne standen». Курсив наш.

«В связи с упадком «капиталистического духа» в Голландии XVIII столетия буржуа, правда, не «феодализируется», как в других странах, но, если так можно выразиться, он начинает страдать ожирением. Он живёт со своих доходов... *интерес к какому бы то ни было капиталистическим предприятиям всё более падает*» ¹⁾.

Ещё один пример. Английский писатель второй половины XVIII века, Defoe, пишет о процессе образования рантье из купцов: «Прежде он (т. е. купец. H. Б.) должен был раньше всего быть прилежным и деятельным, чтобы добывать себе своё *состояние*; теперь же ему не приходится делать ничего иного, как только принять решение *быть ленивым и бездеятельным* (to determine to be indolent and inactive). Государственная рента и владение землёй суть единственно подходящее место для его сбережений» ²⁾.

Нельзя ни в коем случае думать, что такого рода психология чужда современности. Как раз наоборот. Капиталистическое развитие последних десятилетий с необыкновенной быстротой аккумулирует громадные массы «капитальных ценностей». Накопленная прибавочная ценность притекает — благодаря развитию всевозможных форм кредита — и к лицам, не имеющим отношения к производству; число этих лиц всё возрастает и образует целый общественный класс — класс *рантье*. Эта группа буржуазии не составляет, правда, общественного класса в настоящем смысле этого слова; она есть лишь известная *группа* в рядах капиталистической буржуазии; но тем не менее она развивает некоторые, только ей свойственные черты «общественной психологии». С развитием акционерных компаний и банков, с созданием целой грандиозной отрасли торговли ценными бумагами, появляется и укрепляется эта общественная группа. Сфера её экономической жизни есть по преимуществу сфера обращения, главным образом, обращения ценных бумаг, фондовая биржа. Но — что для нас наиболее важно — и внутри этой группы лиц, живущих на доход от владения ценными бумагами, имеется ряд оттенков, причём

¹⁾ «Der Bourgeois wird zwar nicht, wie in anderen Ländern, «feodalisiert», aber wie man es neimen könnte — er verfettet. Er lebt von seinen Revenuen. Das Interesse an kapitalistische Unternehmungen irgendwelcher Art verringert sich immer mehr» (Ibid., S. 188). Курсив наш.
²⁾ «Vorher *musste* er allerdings, um seine Vermögen zu erwerben, fleissig und tätig sein; jetzt hat er aber nichts zu tun, als den Entschluss zu fassen, *faul und untätig* zu sein (to determine to be indolent and inactive). Staatsrenten und Landbesitz sind die einzig richtige Anlage für seine Ersparnisse» (Ibid., S. 201). Последний курсив наш.

крайним типом является слой, который стоит не только вне производственной жизни, но и вне процесса *обращения*. Это — прежде всего, владельцы ценных бумаг с твёрдым курсом: государственной ренты, облигаций различных видов и т. д., а затем лица, употребившие свои капиталы на покупку земли и имеющие постоянный и прочный доход. Тут уже нет участия и в тревоге биржевой жизни; если владельцы акций, которые так тесно связаны с тревожностями спекуляции, каждый день могут потерять всё, или, наоборот, быстро взлететь вверх; если они, поэтому, живут жизнью *рынка*, начиная от активной деятельности на бирже и кончая чтением биржевых бюллетеней и коммерческих газет, то группы, имеющие *твёрдый* доход, перестают быть связанными и с этой стороной общественно-экономической жизни, они выходят уже и из сферы обращения. И опять-таки: чем сильнее развита система кредита, чем она эластичнее, тем большая возможность имеется «ожиреть» и «быть ленивым и бездеятельным». Об этих возможностях заботится сам капиталистический механизм; делая социально бесполезными организаторские функции значительного числа предпринимателей, он выбрасывает в то же время из непосредственной хозяйственной жизни эти «бесполезные элементы» — они откладываются на её поверхности, по очень меткому сравнению Зомбарта, как «блёстки жира на супе».

При этом нужно заметить, что владельцы бумаг с твёрдым курсом представляют не только не уменьшающийся, но всё растущий слой рантьеерской буржуазии: «Буржуазия превращается в рантье, которые вступают в подобные же соотношения с крупными финансовыми учреждениями, как и с государством, чьи долговые обязательства они получают; там и здесь им платят, и они ни о чем более не беспокоятся. Поэтому, конечно, весьма сильно должно увеличиться стремление буржуазии передавать своё имущество государству... Государство выказывает при этом признанное преимущество большой надёжности. Акция, во всяком случае, обладает такими шансами на прибыль, каких не знают государственные бумаги, но зато у неё есть и грандиозная возможность проигрыша. Необходимо констатировать, что буржуазия ежегодно производит значительный *излишек капитала*; но даже во время высокой промышленной конъюнктуры только незначительная часть из него идёт на эмиссию акций, гораздо большая же часть находит себе приложение в государственных

долгах, коммунальных долгах, ипотеках и прочих ценностях, приносящих твёрдый процент»¹⁾.

Этот слой буржуазии является паразитической буржуазией по преимуществу и развивает такие «душевные особенности», которые сильно роднят его с разлагающимся дворянством конца «старого режима» и с верхушками финансовой аристократии того же периода²⁾. Самой характерной чертой этого слоя, резко отделяющей его как от пролетариата, так и от буржуазии иного типа, является, как мы видели, его отчуждённость от хозяйственной жизни; он не принимает непосредственного участия ни в производственной деятельности, ни в торговле: его представители часто даже не стригут купонов. Наиболее обще можно поэтому определить сферу «деятельности» таких рантье, как *сферу потребления*. Потребление есть основа всей их жизни, и психология «чистого потребления» сообщает этой жизни её особый «стиль». «Потребляющий» рантье имеет перед глазами исключительно верховых лошадей, ковры, душистые сигары, токайское вино. Если ему случится говорить о труде, то он говорит наиболее охотно о «труде» по срыванию цветов или о «труде», затраченном на покупку театрального билета³⁾. Производство, труд, затраченный на получение материальных благ,

1) «Die Bourgeoisie wird in Rentner verwandelt, die zu den grossen Finanzinstituten in ein ähnliches Verhältnis treten, wie zu dem Staat dessen Schuldscheine sie erwerben: hier wie dort werden sie ausgezahlt und kümmern sich um nichts weiter. Infolgedessen muss der Drang der Bourgeoisie, ihr Vermögen dem Staat zu übertragen, sich offenbar erst recht steigern... wobei... der Staat den anerkannten Vorzug der grösseren Sicherheit aufzuweisen hat. Die Aktie gewährt allerdings Gewinnchancen die das Staatspapier nicht kennt, dafür aber auch gewaltige Verlustmöglichkeiten. Es ist festzuhalten, dass die Bourgeoisie jährlich einen bedeutenden *Kapitalüberschuss* entstehen lässt; aber selbst zu Zeit der industrieller Hochkonjunktur wird nur ein geringer Teil davon von der Aktienemissionen absorbiert, der weitaus grösste Teil findet in Staatsschulden, Kommunalschulden, Hypotheken und sonstig fest verzinslichen Werten Anlage». *Parvus*, «Der Staat, die Industrie und der Sozialismus». Verl. v. Kaden und Komp, Dresden, S. 103–104.

2) Характеристику последних классов можно найти у *Зомбарта*. См. его: «Luxus und Kapitalismus», Verl. v. Duncker und Humb 1903. Passim, особенно стр. 103, 105 и сл. Всё это не мешает *Шарлю Жиду* утверждать, что «праздность есть только хорошо понятое разделение труда», ибо и «древние считали необходимым, чтобы у граждан всё время было свободно для занятий общественным делом» (*Ш. Жид*, «Основы полит. экономии», пер. Шейниса, изд. Павленкова, СПб. 1896, стр. 288). Как известно, «древние» считали поэтому и *рабство* «необходимым институтом» и «хорошо понятым разделением труда». В смысле воспевания рабства г.г. экономисты буржуазии, как видно, нисколько не отстают от «древних».

3) Примеры взяты исключительно те, которыми Бём-Баверк иллюстрирует свою теорию ценности.

лежит вне поля зрения и представляется поэтому чем-то случайным; о настоящей активной деятельности нет и речи; вся психология окрашена в пассивные тона: философия, эстетика таких буржуа чисто созерцательна: в ней нет действенных элементов, которые так типичны для идеологии пролетариата. Последний живёт именно в сфере производства, непосредственно сталкиваясь с «материей», которая для него превращается в «материал», в объект *труда*; он непосредственно наблюдает гигантский рост производительных сил капиталистического общества, новую, всё развивающуюся машинную технику, которая позволяет выбрасывать на рынок всё большие массы товаров, цена которых на рынке тем больше падает, чем шире и глубже идёт процесс технических усовершенствований. Для пролетария, таким образом, характерна его психология *производителя*. Наоборот, *психология потребителя* — *такова основная характеристика жизни рантье*.

Далее. Выше мы видели, что тот общественный класс, о котором идёт речь, является продуктом деградации буржуазии, деградации, стоящей в связи с утратой ею социально-полезных функций. Это своеобразное положение класса «в производственном процессе», когда он стоит вне производственного процесса, влечёт за собой создание особого социального типа, который характеризуется своей, так сказать, асоциальностью. Если буржуазия с детских пелёнок была индивидуалистична, ибо основа её жизни — хозяйственная ячейка, борющаяся с другими за своё самостоятельное существование в жестокой конкурентной борьбе, — то этот индивидуализм у рантье ещё более обостряется. Рантье не живёт вовсе общественной жизнью — он стоит в стороне от неё; социальные связи распадаются, даже общие задачи класса не могут спаять распылённые «социальные атомы». Пропадает интерес не только к «капиталистическим предприятиям», но и ко всему «социальному» вообще. Идеология такого слоя по необходимости глубоко индивидуалистична; его эстетика особенно резко выражает этот индивидуализм: всё, что затрагивает социальные темы, eo ipse становится «нехудожественным», «грубым», «тенденциозным».

Совершенно иначе складывается психология пролетариата. Он быстро сбрасывает с себя индивидуалистическую шелуху тех классов, откуда он выходит: городской и сельской мелкой буржуазии. Запертый в каменных мешках больших городов, концентрированный на местах общей работы и общей борьбы, пролетариат вырабатывает психологию коллективизма, максимального

чувствования социальных связей; только на самых ранних ступенях развития, когда пролетариат ещё не сложился как особый класс, заметны индивидуалистические тенденции, — затем они исчезают бесследно. Таким образом, пролетариат развивается здесь в направлении, прямо противоположном развитию рантьерской буржуазии: если у него психология формируется, как психология коллективизма, то развитие индивидуалистических настроений есть один из основных признаков буржуазии. *Обострённый индивидуализм — вторая характерная особенность рантье*.

Наконец, третьей чертой рантье, как и всякого буржуа, является боязнь пролетариата, *боязнь близящихся социальных катастроф*. Смотреть вперёд рантье не может; его «житейская философия», наоборот, сводится к лозунгу: «лови момент», «*carpe diem*»; его горизонт не простирается дальше настоящего; если он «мыслит» о будущем, то он строит его исключительно по типу настоящего; он или не может психологически представить себе таких времён, когда ему подобные не будут получать никакого дохода от своих ценных бумаг, или в ужасе закрывает глаза перед такой перспективой, бежит от грядущего и старается не видеть в настоящем зародышей будущего; его мышление глубоко неисторично. Ничего общего с этим консерватизмом мышления не имеет психология пролетариата. Развёртывающаяся классовая борьба ставит перед ним задачу *преодоления* теперешней общественно-хозяйственной системы; он не только не заинтересован в сохранении социального status quo, но, наоборот, заинтересован в его нарушении; он живёт в значительной степени будущим, и даже задачи настоящего оценивает с точки зрения будущего. Его мышление вообще и его научное мышление в частности носит поэтому ярко выраженный динамический исторический характер. *Такова третья антитеза рантьерской и пролетарской психологии*.

Эти три черты «общественного сознания» рантье, вытекающие непосредственно из его «общественного бытия», отражаются и на высших ступенях «сознания», на его *научном* мышлении. Психология всегда является базисом для логики: чувства и настроения определяют общий уклон мысли, те точки зрения, с которых рассматривается и логически обрабатывается окружающая действительность. Если отдельное положение какой-нибудь теории, взятое изолированно, даже при самом внимательном анализе может не обнаруживать своей социальной подкладки, то последняя всегда становится ясной, если мы выделим отличительные

признаки данной теоретической системы, её общие углы зрения; тогда каждое отдельное положение получит новый смысл как необходимое звено общей цепи, которая облегает жизненный опыт того или другого класса, той или другой общественной группировки.

Если мы обратимся теперь к австрийской школе и, в частности, к наиболее выдающемуся её представителю, Бём-Баверку, то найдём, что выведенные выше психологические свойства рантье имеют здесь свой логический эквивалент.

Прежде всего, впервые появляется на сцене последовательно проведённая точка зрения *потребления*. Начальная стадия развития буржуазной политической экономии, слагавшейся в эпоху торгового капитала (меркантилизм), характеризовалась тем, что рассматривала экономические явления с точки зрения обмена. «Узости буржуазного кругозора» — писал Маркс, — «где всё внимание поглощается практическими операциями, как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующего способа обмена, а наоборот»¹⁾. Последующая стадия соответствовала той эпохе, когда капитал сделался организатором производства; идеологическим выражением этих отношений и была «классическая школа», которая стала рассматривать экономические проблемы именно с точки зрения производства («трудовые теории» Смита и Рикардо) и сюда перенесла центр тяжести теоретического исследования. Эту точку зрения унаследовала от классиков пролетарская политическая экономия. Наоборот, буржуа-рантье ставит своей задачей разрешить прежде всего проблему потребления, и точка зрения потребления есть самая основная, самая характерная и *новая* теоретическая позиция австрийской школы и родственных ей течений. Если раньше и намечалась теоретическая линия, продолжением которой является теория «австрийцев», то всё же никогда теории, кладущие в основу анализа потребление и

¹⁾ *К. Маркс*, «Капитал», т. II, стр. 89, пер. Базарова и Степанова. На меркантилистах особенно ясна связь между теорией и практикой, т. к. выдающиеся идеологи были в то же время и выдающимися практиками: Gresham, напр., был советником Елизаветы и вёл непосредственную борьбу с Ганзой; Thomas Mun был членом дирекции знаменитой Ост-Индской кампании; Dudley North являлся одним из крупнейших купцов, ведших громадную по тем временам торговлю в интернациональном масштабе и т. д. Ср. *Oncken*, «Geschichte der Nationalökonomie». Об обмене, как исходном пункте исследования, см. *К. Pribram*, «Die Idee des Gleichgewichtes in der älteren national-ökonomischen Theorien» в «Zeitschrift für Volkswirtschaft, Soz.-Pol u. Verw.», 17. Band, S. 1, там же и литература.

потребительную ценность «благ», не пользовались таким всеобщим успехом в официальной науке. Только новейшее развитие создало для них прочную базу в рантьерской психологии современного буржуа¹⁾.

Обострённый индивидуализм имеет точно так же свою параллель в «субъективно-психологическом» методе нового направления. Правда, индивидуалистическая позиция и раньше была свойственна теоретикам буржуазии; они всегда любили «робинзонады», и даже сторонники «трудовых теорий» обосновывали свою позицию индивидуалистически: у них трудовая ценность была не общественным, «объективным» *законом цен*, а субъективной *оценкой* «хозяйствующего субъекта», который оценивает вещь в зависимости от большей или меньшей неприятности своих трудовых усилий (ср., напр., А. Смит); только у Маркса трудовая ценность приобрела характер независимого от воли агентов современного строя общественного, «естественного» закона, регулирующего товарообмен. Но, несмотря на это, лишь теперь, в учении австрийцев, психологизм в политической экономии, т. е. экономический индивидуализм, получил обоснование, принял наиболее законченную и совершенную теоретическую формулировку²⁾.

Наконец, *боязнь переворота* выражается в глубочайшем отвращении сторонников теории предельной полезности ко всему историческому; их экономические категории (по мнению авторов) пригодны для всех времён, всех и всяких эпох; об исследовании законов развития современного капиталистического производства, как некоей специфически исторической категории (точка зрения Маркса), нет и речи. Наоборот, такие явления, как прибыль, процент на капитал и т. д. считаются вечной принадлежностью человеческого общежития. Здесь уже совершенно ясно выступает оправдание современных отношений. И чем слабее элементы теоретического *познания*, тем громче звучит голос апологета капиталистического строя. «В *существо* процента на капитал (т. е. прибыли. *Н. Б.*), таким образом, не

¹⁾ Вышеприведённую схему нужно рассматривать именно, как *схему*, т. е. как построение, выводящее наиболее крупные типы и опускающее всё более или менее второстепенное. *T. R. Kaulla*, который в своей книге: «Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien», Tübingen, 1906, пытается дать, между прочим, анализ происхождения австрийской школы, абсолютно не понимает значения отмеченных в тексте явлений.

²⁾ См. *Albert Schatz*, «L'individualisme économique et social». 1907, p. 3. note.

лежит ничего, что делало бы его несправедливым или заслуживающим порицания» — таков конечный результат (а с нашей точки зрения, и цель) огромного исследования Бём-Баверка ¹⁾.

Мы рассматриваем «австрийскую» теорию, как идеологию буржуа, уже выброшенного из производственного процесса, *деградирующего* буржуа, который черты своей разлагающейся психологии навеки воплотил в своей — как мы увидим ниже — познавательной совершенно бесполезной теории. Этому взгляду нисколько не противоречит то обстоятельство, что в современном научном обороте сама теория предельной полезности в том виде, как она разработана австрийцами, вытесняется ещё более модной «англо-американской школой», наиболее выдающимся теоретиком которой является Кларк. Текущая фаза капиталистического развития есть эпоха последнего напряжения всех сил капиталистического мира. Экономический процесс превращения капитала в «финансовый капитал» ²⁾ вновь вовлекает в *производственную* сферу часть буржуазии, которая стояла раньше в стороне (поскольку банковый капитал становится промышленным и делается организатором производства), — таковы организаторы и руководители трестов; это в высокой степени активный тип, политической идеологией которого является боевой империализм, а философией — действенная философия прагматизма. Этот тип гораздо *менее индивидуалистичен*, ибо он вырос в предпринимательских организациях, которые, как-никак, представляют из себя всё же коллектив, где личная воля отступает до известной степени на второй план. Соответственно этому и идеология такого типа буржуазии будет отличаться от идеологии рантье; она считается с производством, она прибегает даже к «социально-органическому» методу исследования всего общественного хозяйства в целом ³⁾. Американская школа представляет из себя продукт прогрессирующей, а отнюдь не деградирующей буржуазии; из двух тенденций, имеющих теперь — тенденции продолжающегося восхождения и начинающегося разложения — она выражает только первую; недаром эта школа проникнута американским духом,

¹⁾ *Böhm-Bawerk*, «Positive Theorie des Kapitaless», III Auflage, I. Halbband, S. 574. («Im Wesen des Zinses liegt nichts, was ihn an sich unbillig oder ungerecht erscheinen liesse»).

²⁾ Мы принимаем терминологию *R. Hilferding*'a, см. его «Das Finanzkapital», особ. стр. 282–284.

³⁾ См. разбор американцев с точки зрения теории австрийцев *J. Schumpeter*'a: «Die neuere Wirtschaftstheorie in den Vereinigten Staaten» в «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich», hg. v. Schmoller, 34. Jahrg., 3. Heft, особенно стр. 10, 13, 15.

духом страны, о которой певец капитализма Зомбарт говорит: «Всё, что капиталистический дух носит в зародыше, достигло теперь в Соединённых Штатах своего наибольшего развития. Здесь его сила пока что ещё не иссякла. Здесь до сих пор ещё всё — буря и водоворот» ¹⁾.

Таким образом, именно тип рантье является предельным типом буржуа, а теория предельной полезности — идеологией этого предельного типа. С психологической точки зрения она, поэтому, более интересна; точно так же она более интересна и с логической точки зрения, так как ясно, что американцы являются по отношению к ней *эклетики*. И именно потому, что австрийская школа является идеологией предельного типа буржуазии, она является полнейшей антитезой идеологии пролетариата: объективизм — субъективизм, историческая — неисторическая точка зрения, точка зрения производства — точка зрения потребления, — таково методологическое различие между Марксом и Бём-Баверком. Логическому анализу этого методологического различия, как основ теории, а затем и всей теоретической конструкции Бёма будет посвящено дальнейшее изложение.

Нам остаётся сказать только несколько слов о предшественниках «австрийцев».

Уже у *Кондильяка* в его «Le Commerce et le Gouvernement» (1795) мы находим изложение основных идей будущей «теории предельной полезности». Кондильяк усиленно подчёркивает «субъективный» характер ценности, которая является у него не общественным законом цен, а индивидуальным суждением, покоящимся на полезности («utilité») с одной стороны и на редкости («rareté») — с другой. Этот же автор настолько близко подходил к «современной» постановке вопроса, что проводил даже разграничение между «настоящими» и «будущими» потребностями («besoin présent et besoin éloigné») ²⁾, разграничение, которое, как известно, играет основную роль в переходе от теории ценности к теории прибыли у главнейшего представителя «австрийцев» — Бём-Баверка.

¹⁾ *W. Sombart*, «Der Bourgeois», S. 193: «Alles, was der kapitalistische Geist an Konsequenzen in sich trägt, ist heute am höchsten in den Vereinigten Staaten zur Entwicklung gelangt. Hier ist seine Stärke einstweilen auch noch nicht gebrochen. Hier ist einstweilen noch alles Stürr und Wirbel». Курсив наш. Не нужно забывать, что даже многие американские миллиардеры — self made man'ы, которые ещё не успели «состариться духом».

²⁾ *L'Abbé de Condillac*, Le Commerce et le Gouvernement, considéré relativement l'un à l'autre, Paris, an III (1795), p. 6–8.

Приблизительно в то же время аналогичные идеи мы находим у итальянского экономиста *графа Верри*¹⁾, который тоже рассматривает ценность как соединение полезности и редкости.

В 1831 г. вышла книга *Auguste'a Walras'a*, отца знаменитого *Léon'a Walras'a*: «De la nature de la richesse et de l'origine de la valeur», в которой автор выводит ценность из редкости полезных благ и даёт опровержение взглядов тех экономистов, которые обращали внимание *только* на полезность предметов, образующих «богатство». По ясности основных мыслей книга заслуживала бы гораздо большего признания со стороны сторонников нового направления.

В 1854 г. *Герман Госсен* с замечательной выпуклостью изложил детальное обоснование теории предельной полезности, дав ей математическую формулировку в своей книге: «Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs und darans fließenden Regeln für menschliches Handeln». Госсен не только нащупывал «новые пути», но и дал весьма продуманное и законченное выражение своей теории; многие положения, приписываемые обычно австрийцами (К. Менгеру), имеются уже у Госсена в разработанном виде, так что отцом теории предельной полезности нужно считать именно его. Книга Госсена прошла совершенно незамеченной, и автору грозило бы полное забвение, если бы в 70-х годах он не был вновь открыт, причём дальнейшие последователи идей, аналогичных идеям Госсена, тотчас же признали его «основоположником» школы. (Сам Госсен весьма высоко ставил свою работу, называя себя Коперником в области политической экономии).

Приблизительно одновременно в Англии, Швейцарии и Австрии был заложен прочный фундамент нового направления трудами Stanley Jevons'a, Léon'a Walras'a и K. Menger'a. Они же и обратили внимание на книгу своего забытого предшественника²⁾.

¹⁾ См. французский перевод: *Comte de Verri*: «Economie politique ou Considerations sur la valeur de l'argent et les moyens d'en faire baisser les interets, sur les Banques, la balance de Commerce, l'Agriculture, la population, les impôts etc. etc.», Paris, an III (особенно страницы 14–15).

²⁾ Книга *Jevons'a* вышла в 1871 г. (*Stanley Jevons*, «The theory of political economy», London and New-York 1871); книга *Menger'a* — в том же году (*K. Menger*, «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre», Wien 1871); наконец, «Principe d'une théorie mathématique de l'échange» Walras'a было напечатано в «Journal des Economistes» в 1874 г. Относительно «приоритета» см. переписку между Вальрасом и Джевансом: «Correspondence entre M. Jevons et M. Walras», приведённую у последнего в «Théorie mathématique de la richesse sociale», Lausanne, 1883, p. 26–30.

Какое значение имеет Госсен, яснее всего видно из оценки его Джевансом и Вальрасом. Изложив теорию Госсена, Джеванс пишет: «Из этого изложения вытекает, что Госсен совершенно опередил меня и в общих принципах и в методе экономической теории. Насколько я могу судить, его манера трактовать основы теории даже более обща и более глубока, чем моя»¹⁾.

Аналогичен и отзыв Вальраса: «Речь идёт, — пишет он, — о человеке, который прошёл совершенно незамеченным и который, на мой взгляд, является одним из самых значительных когда-либо существовавших экономистов»²⁾. Как-никак, но Госсену не удалось вызвать нового течения. Последнее возникло лишь вместе с работами позднейших экономистов: только начиная с семидесятых — восьмидесятых годов прошлого столетия, теория полезности нашла себе достаточную опору в общественном мнении правящих научных кругов и быстро стала делаться *communis doctorum opinio*. Школа Джеванса, а особенно Вальраса, подчёркивающая математический характер и математический метод политической экономии, стала вырабатывать несколько отличный от австрийской теории цикл идей, равно как и американская школа во главе с Кларком. «Австрийцы» же дали наиболее чисто и ясно сформулированную теорию *субъективизма* (психологизма) на основе анализа *потребления*. Бём-Баверку выпало при этом на долю быть самым ярким выразителем «австрийской» теории. Он дал критику марксизма, систематическую критику всех более или менее важных теорий прибыли, дал одно из лучших обоснований теории ценности с точки зрения школы, наконец, построил почти заново теорию распределения, исходя из теории предельной полезности. Он является признанным главой школы, которая, в сущности, не была и не есть *австрийская* (как мы это видели уже из беглого указания на предшественников), которая, наоборот, стала научным орудием интернациональной рантьерской буржуазии. Только развитие последней дало точку опоры «новым» веяниям — до тех пор были лишь научные «одиночки». Быстрое развитие капитализма, сдвиг

¹⁾ См. *Léon Walras*, «Études d'économie sociale», Lausanne — Paris 1896, статья «Un économiste inconnu», где приводится этот отзыв Джеванса: «Il ressort de cette exposition que Gossen m'a complètement devancé quand aux principes généraux et à la méthode de la théorie économique tant que je puis l'entrevoir, sa manière de traiter la théorie fondamentale est même plus générale et va plus au fond. que la mienne», p. 360–361.

²⁾ «Il s'agit d'un homme qui a passé complètement inaperçu et qui est à mon sens, un des plus remarquables éconoimstes qui aient existé» (Ibidem, p. 354–355).

общественных группировок и рост рантье создали в последние десятилетия XIX века все социально-психологические предпосылки для того, чтобы превратить слабые ростки в махровые цветы. Рантье, интернациональный рантье, нашёл в Бём-Баверке своего научного вождя, в его теории — научное орудие в борьбе не столько со стихийными силами капиталистического развития, сколько с всё более грозным рабочим движением. В лице Бём-Баверка мы критикуем, таким образом, это новое орудие.

ГЛАВА I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ
ПРЕДЕЛЬНОЙ ПОЛЕЗНОСТИ И МАРКСИЗМА

1. Объективизм и субъективизм в политической экономии 2.
Историческая и неисторическая точки зрения. 3. Точка зрения
производства и точка зрения потребления. 4. Итоги

Каждая сколько-нибудь стройная теория представляет из себя определённое единство, все части которого связаны между собой крепкою логическою цепью. Поэтому последовательная критика неизбежно наталкивается на основу теории, на её метод, ибо метод теории и есть то, что связывает воедино отдельные положения всей теоретической системы. Мы начинаем, таким образом, с критики методологических предпосылок теории предельной полезности, подразумевая при этом отнюдь не её *дедуктивный* характер, а её *особенности* в рамках абстрактно дедуктивного метода. Для нас всякая теория экономии, поскольку она есть *теория*, является абстрактной — тут марксизм всецело сходится с австрийской школой ¹⁾. Но это сходство является чисто формальным; если бы не было его, нельзя было бы даже противопоставлять учение австрийцев учению Маркса, как теорию. Нас интересует здесь то конкретное выражение абстрактного метода, которое свойственно австрийской школе и которое ставит её в такую резкую противоположность к марксизму. Дело в том что политическая экономия есть *общественная наука*, и в основе её — сознают или не сознают это экономисты, в данном случае для нас безразлично — лежит то или иное представление об

¹⁾ *Маркс* в предисловии к I т. «Капитала» называет свой метод дедуктивных методом классической школы. С другой стороны, нелепо думать, — как это думают представители исторического направления, — что всякий абстрактный закон не имеет ничего общего с конкретной действительностью. «Ein exaktes wissenschaftliches Gesetz», говорит один из представителей австрийской школы, *Emil Sax*, «ist ein Induktionsschluss höchster und allgemeinsten Art: als solcher, nicht als apriorisches Axiom ist er der Ausgangspunkt der Deduktion». («Conrad's Jahrbücher f. Nat. Oek. u. Statistik», 1894, III Folge, 8. Band, S. 116.)

Подробный разбор этой стороны дела см. у *Ammon'a*. «Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie», Wien u. Leipzig 1911.

обществе и о законах его развития вообще. Другими словами, в основе всякой экономической теории имеются известные предпосылки *социологического* характера, с точки зрения которых и рассматривается *экономическая* сторона общественной жизни. Эти предпосылки могут быть ясными или смутными, выработанной системой или «неопределёнными взглядами», но они должны всё же быть в наличности. Марксистская политическая экономия имеет такое обоснование в социологической *теории исторического материализма*. Что же касается австрийской школы, то она не имеет законченной и более или менее точной социологической подосновы; зародыши последней приходится конструировать из экономической теории австрийцев. При этом следует заметить, что здесь нередко общие положения о природе «народного хозяйства» вступают в конфликт с положениями, *действительно* лежащими в основе экономической теории австрийцев¹⁾. Мы поэтому обращаем внимание, главным образом, на последние положения. Для марксизма характерны следующие социологические основы экономической науки: признание примата общества над личностью, признание исторически преходящего характера всякой экономической структуры, наконец, признание доминирующей роли производства. Наоборот, для австрийцев характерен методологический индивидуализм, неисторическая точка зрения, постановка во главу угла анализа потребления. Во «Введении» мы пытались дать социально-генетическое объяснение этого коренного расхождения между австрийцами и марксизмом: это расхождение, вернее, эта противоположность была охарактеризована нами как противоположность *социально-психологическая*. Здесь мы постараемся разобрать её с *логической* стороны.

1. ОБЪЕКТИВИЗМ И СУБЪЕКТИВИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В своей известной статье по поводу III тома «Капитала» Маркса Вернер Зомбарт, противопоставляя два метода в политической экономии, метод субъективный и метод объективный, охарактеризовал систему Маркса как проявление «крайнего объективизма»; наоборот, австрийская школа, по мнению Зомбарта,

¹⁾ Ср., напр., стр. 259 «Untersuchungen» *K. Menger'a*, где даны довольно правильные определения, с действительным исходным пунктом теории. Своё полное самопознание теория пред. полезности нашла у *Liefmann'a*: «Ueber Objekt Wesen und Aufgabe der Wirtschaftswissenschaft», «Conrad's Jahrb.», 13, 106.

есть «наиболее последовательное развитие» противоположного течения¹⁾. Эта характеристика, на наш взгляд, совершенно правильна. В самом деле, к изучению общественных явлений, вообще, и экономических явлений, в частности, можно подходить двояко: с одной стороны, можно считать, что наука должна исходить из анализа общества, как некоего целого, которое определяет собою в каждый данный момент явления индивидуально-хозяйственной жизни, — в таком случае задача сводится к тому, чтобы вскрыть различные связи и закономерности, существующие между разнообразными явлениями *общественного* порядка, которые определяют явления *индивидуального* порядка; с другой стороны, можно полагать, что наука должна исходить из анализа закономерностей индивидуальной жизни, так как общественное явление есть некоторый результат явлений индивидуального порядка, — в таком случае задача состоит в том, чтобы из явлений и закономерностей индивидуально-хозяйственной жизни вывести явления и закономерности социального хозяйства.

В этом смысле, несомненно, Маркс — «крайний объективист» и в социологии, и в политической экономии. Поэтому его основное экономическое учение — «учение о ценности» — необходимо строго отличать от учения о ценности классиков, в особенности Смита. У Смита трудовая ценность базируется на индивидуальной оценке блага по количеству и качеству затраченного труда, — это есть *субъективная* трудовая теория; у Маркса же, наоборот, трудовая ценность есть объективный, т. е. общественный, закон цен, — его теория является, таким образом, *объективной* трудовой теорией, которая отнюдь не базируется на каких-либо индивидуальных оценках, а выражает лишь связь между ростом производительных сил общества и товарными ценами, как они устанавливаются на рынке²⁾. Зомбарт как раз на примере теории

¹⁾ *W. Sombart*, «Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx Braun's «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik», B. VII, S. 591–592. Ср. там же *R. Liefmann*, 1. с., S. 5: «Das künftige methodologische Hauptproblem scheint mir der Gegensatz von individualistischer und sozialer Betrachtungsweise oder vom privaten und volkswirtschaftlichen Gesichtspunkt zu sein». Мы рекомендуем вниманию читателей работу Лифмана, как наиболее последовательно и сознательно проводящую индивидуалистический метод.

²⁾ См., напр., *A. Smith*, «An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations», London 1895, vol. I, p. 129: «Equal quantities of labour, at all times and places, may be said to be of equal value to the labourer. In his ordinary state of health, strength, and spirits; in the ordinary degree of his skill and dexterity, he must always lay down the same portion of his ease, his liberty, and his

ценности и цены очень хорошо уясняет различие этих двух методов. «Маркс» — говорит он — «вовсе и не думает исследовать индивидуальные мотивы обменивающихся или исходить из вычислений издержек производства. Нет, его ход мысли таков: цены образуются конкуренцией, как — это остаётся в стороне. Но конкуренция, в свою очередь, регулируется нормой прибыли, норма прибыли — нормой прибавочной ценности, эта последняя — ценностью, которая сама является выражением общественно обусловленного факта, общественной производительной силы. В системе это изображается в обратной последовательности: ценность — прибавочная ценность — прибыль — конкуренция — цены. Если мы захотим выразить это в одном слове, то мы можем сказать: у Маркса никогда не идёт речь о мотивации, но всегда лишь о лимитации (ограничении), в данном случае об ограничении индивидуального произвола хозяйствующих субъектов»¹⁾. Наоборот, у субъективной школы «повсюду мотивация индивидуального хозяйственного акта выступает в центре системы»²⁾.

Это различие весьма верно. В самом деле, в то время, как Маркс «рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами ещё определяющие его волю, сознание

happiness» (курсив наш). Можно привести ряд аналогичных цитат. В виду этого представляется совершенно неверным утверждение G. Charasoff'a, полемизирующего с Каутским: «Für uns kann kein ernstlicher Zweifel bestehen, das die klassische Schule in ihrer Lehre von dem Wertgesetze keineswegs eine individualistischen, sondern einen konsequenten gesellschaftlichen Standpunkt, ganz so wie Marx selbst vertrat...» (см. Charasoff, «Das System des Marxismus», Berlin, 1910, S. 253). С другой стороны, совершенно верно утверждение автора, что и среди марксистских работ имеются субъективистские толкования теории Маркса. Но это вопрос совсем другого порядка.

¹⁾ «Nicht als ob Marx auch nur daran dächte, nach den individuellen Motiven der Tauschenden zu forschen oder auch nur von der Produktionskostenberechnung auszugehen. Nein, sein Gedankengang ist dieser: die Preise werden gebildet durch die Konkurrenz, wie, bleibt dahingestellt. Aber: die Konkurrenz ihrerseits wird geregelt durch die Profitrate, die Profitrate durch die Mehrwertrate, diese aber durch den Wert, der selbst der Ausdruck einer gesellschaftlich bedingten Tatsache, der gesell. Produktivkraft ist. Das stellt sich nun im System in umgekehrter Folge dar Wert — Mehrwert — Profit — Konkurrenz — Preise u. s. w. Wollen wir ein Schlagwort haben, so können wir sagen: es handelt sich nie bei Marx um Motivation sondern immer um Limitation, sc. der individuellen Willkür der Wirtschaftssubjekte» (W. Sombart, l. c., S. 591. Курсив наш).

²⁾ «Ueberall ist die «Motivation» der (individuellen) wirtschaftlichen Handlung in den Mittelpunkt des Systems getreten» (Ibid, S. 592).

и намерения»¹⁾, для Бём-Ваверка исходная точка анализа есть индивидуальное сознание хозяйствующего субъекта.

«Социальные законы, — пишет он, — исследование которых составляет задачу политической экономии, являются результатом игры согласующихся между собой мотивов... А раз это так, то не подлежит никакому сомнению, что при объяснении социальных законов необходимо добираться до движущих мотивов, которыми определяются действия индивидуумов, или принимать эти мотивы за исходный пункт»²⁾. Итак, противоположность между объективным и субъективным методами есть противоположность между методом социальным и индивидуалистическим³⁾. Однако, вышеприведённое определение двух методов нуждается в более отчётливой характеристике. Прежде всего, нужно ближе определить, во-первых, ту независимость от воли, сознания и намерения человека, о которой идёт речь у Маркса; во-вторых, того «хозяйствующего индивидуума», который является исходным пунктом австрийской школы. «Определённые общественные отношения», писал Маркс в «Нищете философии», «являются точно так же продуктами людей, как и холст, лён и проч.»⁴⁾. Но из этого отнюдь не следует, чтобы общественный результат, тот «продукт», о котором говорит Маркс, входил, как цель или как движущий мотив, в сознание индивидуумов. Современное анархически построенное общество — а теория политической экономии и изучает именно это общество — со своими стихийными силами рынка (конкуренции, падения и повышения цен, биржей и т. д.) доставляет бесчисленное количество иллюстраций той мысли, что «общественный продукт» господствует над своими творцами, что *результат* мотивов индивидуальных (но не изолированных) хозяйствующих субъектов не только не соответствует этим мотивам, но и может быть с ними в резком противоречии⁵⁾. Это явление очень хорошо выясняется на

¹⁾ К. Маркс, «Капитал», т. I, пер. Струве, стр. XIII–XIV. Цитируемые слова взяты из рецензии Кауфмана, приводимой самим Марксом, который вполне с нею соглашается (см. стр. XV).

²⁾ Бём-Ваверк, «Основы теории ценности хозяйственных благ»: Пер. А. Санина, Спб., стр. 116. То же у Менгера в «Untersuchungen über die Methoden der Sozialwissenschaften», etc., у Liefmann'a l. c., S. 40.

³⁾ Cp. R. Stolzmann, «Der Zweck in der Volkswirtschaftslehre», Berlin, 1909, S. 59.

⁴⁾ C. Marx, «Misère de la philosophie», Paris, éd. Giard et Brière, 1908, p. 136 (стр. 72 русского перевода Алексеева).

⁵⁾ Уже одно это обстоятельство совершенно разрушает телеологическую точку зрения на общество, как на «целевое образование» — точку зрения, усиленно

примере образования цен. Множество покупателей и продавцов вступает в область рыночных отношений с некоторой (приблизительной) оценкой своих и чужих товаров; в результате их борьбы устанавливается известная рыночная цена, которая отнюдь не совпадает с индивидуальными оценками громадного большинства контрагентов. Более того, эта установившаяся цена оказывается прямо губительной для целого ряда «хозяйствующих субъектов», которые под давлением низких цен принуждаются оставить свою предпринимательскую деятельность, — они «разоряются». Ещё резче то же явление проявляется на рынке ценных бумаг, на чем и основан весь «азарт» биржевой игры. Во всех этих случаях, которые *типичны* для современной социально-хозяйственной организации, можно говорить о «независимости» общественных явлений от воли, сознания и намерения человека; но эта независимость вовсе не есть абсолютная независимость двух ничего между собой общего не имеющих явлений; смешно предполагать, что человеческая история творится не *через* волю людей, а *помимо* людей (такое «материалистическое понимание истории» есть буржуазная карикатура на марксизм); наоборот, оба ряда явлений — индивидуальные акты и общественные явления, *генетически* связаны друг с другом ближайшим образом. Эту «независимость» следует понимать исключительно в том смысле, что объективирующиеся результаты индивидуальных действий господствуют над каждой из своих частей в отдельности, «продукт» господствует над своим «творцом», причём во всякий данный момент времени индивидуальная воля определяется уже сложившимся результатом волевых отношений отдельных «субъектов хозяйства»; побеждённый в конкурентной борьбе предприниматель или обанкротившийся денежный капиталист *принуждены* уйти с поля битвы, хотя они и выступали раньше в качестве активных величин, «творцов» общественного процесса, который, в конце концов,

разрабатываемую *Штольцманом*. «Как в жизни природы не только не видно прицела, систематической подготовки, сбережения, экономии сил... так же и в человеческих отношениях» (Проф. *P. Vunper*, «Очерки теории исторического познания», Москва, 1911, стр. 162). См. также прекрасное описание «независимости» результата от индивидуальных действий у *Энгельса*, «Людвиг Фейербах», пер. Г. Плеханова, Женева, 1905, стр. 39–40. *B. Liefmann*, в своей критике «социального», т. е. объективного метода, как раз ухватывается за критику телеологической концепции, утверждая, что она логически обязательна для всякого сторонника этого метода. Он обвиняет даже марксистов (напр., Гильфердинга) в телеологии, над которой потом одерживает лёгкие победы. На самом деле, у марксистов речь идёт об обществе, как о бессубъектной системе.

обратился против них самих ¹⁾. Это явление есть выражение иррациональности, «стихийности» экономического процесса в рамках товарного хозяйства, что так отчётливо проявляется в психологии товарного фетишизма, вскрытой впервые Марксом и блестяще им анализированной. Именно, в товарном хозяйстве происходит процесс «овеществления» отношений между людьми, при чем эти «вещные выражения» начинают, в силу стихийного характера развития, жить особой «самостоятельной» жизнью, подчиняющейся специфическим, только этой жизни свойственным закономерностям.

Мы имеем, таким образом, различные ряды явлений индивидуального характера и слагающиеся из них ряды явлений общественного характера; несомненно, что имеются некоторые закономерности как между этими двумя категориями (индивидуального и социального характера), так и между различными рядами одной категории, в частности, между различными рядами общественных явлений, которые находятся в зависимости друг от друга. Установление закономерной связи между различными явлениями *общественного* порядка и есть метод Маркса. Другими словами, Маркс исследует закономерности *результатов* индивидуальных волей, не занимаясь исследованием *их самих*; он исследует закономерность *общественных* явлений *безотносительно к их связи с явлениями из области индивидуального сознания* ²⁾.

¹⁾ «В хозяйственном общении» — пишет г. *Струве*: — «хозяйствующий субъект всегда рассматривается в его отношениях к другим таким же субъектам, и между-хозяйственные категории (т. е. категории товарного хозяйства. *Н. Б.*) выражают объективные (или объективирующиеся) результаты этих отношений: в них нет ничего «субъективного», хотя они и происходят из «субъективного»; с другой стороны, в них непосредственно не выражается также отношения хозяйствующих субъектов к природе, к внешнему миру, в них нет ничего «объективного», или «естественного» в этом смысле слова» (*П. Струве*, «Хозяйство и цена», Москва, 1913, стр. 25, 26). Г. Струве, ссылаясь, с другой стороны, на «натуралистический» элемент в теории ценности («сгусток труда»), выводит противоречие между ним и элементом «социологическим». Ср. с этим *Marx*, «Theorien über den Mehrwert», I, S. 277: «*Die Materialisation der Arbeit* ist jedoch nicht so schottisch zu nehmen, wie A. Smith es fasst. Sprechen wir von der Ware als *Materiatur der Arbeit* — in dem Sinne ihres Tauschwertes — so ist dies selbst nur eine eingebildete, d. h. bloss soziale Existenzweise der Ware, die mit ihrer körperlichen Realität nichts zu schaffen hat. Hier kommt die Täuschung daher, dass sich ein gesellschaftliches Verhältnis in der Form eines Dinges darstellt».

²⁾ Подобный «универсалистический» метод г. *Струве* сближает с логическим реализмом (в противоположность «сингуляристическому» методу, сближаемому с номинализмом в логике). «В общественной науке реалистический уклон мысли —

Обратимся теперь к «хозяйствующим индивидуумам» Бём-Баверка.

В своей статье о книге К. Менгера (Untersuchungen etc.) Бём-Баверк вполне соглашается как с противниками австрийской школы, так и самим Менгером в том, что «хозяйствующие индивидуумы», представители нового направления, суть *атомы* общества. Задача новой школы есть «смещение исторического и органического методов, как господствующих методов теоретического исследования в социальных науках, ...восстановление точного, *атомистического* (курсив наш. *Н. Б.*) направления» ¹⁾.

Здесь исходным пунктом анализа делается не индивидуум данного общества, обладающий социальной связью со своими «сочеловеками», а изолированный «атом», хозяйствующий Робинзон. В полном соответствии с этим представлением находятся те примеры, которые приводит Бём-Баверк для доказательства своих положений.

«У обильного источника пригодной для питья воды сидит человек» — так начинает наш автор свой анализ ценности ²⁾. Затем

пишет г. Струве — сказывается, прежде всего, в том, что самая система психических отношений между людьми, каковою является общество, рассматривается не только как реальное целое, не только как сумма или (!) система, но мыслится, как особое живое единство, как существо. Такие понятия, как общество, класс, являются, во всяком случае, легко становятся (!!) как бы «универсалиями» социологического мышления. Они легко «гипостасируются» (I. с., стр. XI). Всё это долженствует служить для доказательства непригодности *марксова* метода исследования, который г. Струве отождествляет с «логически онтологическим реализмом Гегеля и... схоластиков» (стр. XXVI). Ясно, однако, что у *Маркса* нет и намёка на то, чтобы рассматривать общество и общественные группировки как «существо» (выражение «живое единство» есть нечто иное и гораздо более неопределённо). В этом отношении достаточно сравнить метод Маркса хотя бы с методом «социально-органического» направления, последним проявлением которого являются книги *Штольцмана*. Сам Маркс прекрасно сознавал ошибочность логического реализма Гегеля: «Hegel geriet... auf die Illusion, das Reale als Resultat des sich in sich zusammenfassender, in sich vertiefenden und aus sich selbst eich bewegenden Denkens zu fassen, während die Methode vom Abstrakten zum Konkreten aufzusteigen, nur die Art für das Denken ist, sich das Konkrete anzueignen, es als ein Konkretes geistig zu reproduzieren. Keinesswegs aber ist es der Entstehungsprozess des Konkreten selbst». (*K. Marx*, «Einleitung zu einer Kritik der politischen Oekonomie» во 2-ом изд. «Zur Kritik», Stuttgart 1907, S. XXXVI).

¹⁾ «... die Absetzung der historischen und der organischen Methode als herrschender Methoden der theoretischen Forschung in den Sozial, wissenschaften... und... die Wiedereinsetzung der exakten, atomistischen Lichtung» (*Böhm-Bawerk* в «Zeitschrift für Privat-u-öffentliches Recht der Gegenwart», Wien 1884, B. XI, S. 220).

²⁾ Бём-Баверк: «Основы теории ценности хозяйств. благ», стр. 14.

перед нами проходят: путешественник в пустыне ¹⁾, изолированный от всего мира сельский хозяин ²⁾, поселенец, избушка которого одиноко стоит в первобытном лесу ³⁾ и т. д. Такие же примеры мы видим и у К. Менгера: «обитатель первобытного леса» ⁴⁾, «житель оазиса» ⁵⁾, «близорукий индивидуум на уединённом острове» (!) ⁶⁾, «изолированно-хозяйствующий земледелец» ⁷⁾, «потерпевшие кораблекрушение» ⁸⁾ и т. д. и т. д.

Мы видим здесь ту же самую точку зрения, которая когда-то была отчётливо формулирована «сладчайшим» из экономистов, Бастиа. В своих «Экономических гармониях» он писал: «Экономические законы действуют одинаковым образом, идёт ли речь о совокупности многих людей, о двух индивидуумах или даже об одном человеке, вынужденном обстоятельствами жить изолированно. Индивидуум, если бы он мог жить некоторое время изолированно, был бы зараз капиталистом, предпринимателем, рабочим, производителем и потребителем. Вся экономическая эволюция совершалась бы в нём. Наблюдая каждый составной элемент её — потребность, усилие, удовлетворение, даровую полезность и полезность, стоящую труда, он мог бы составить себе понятие обо всём механизме в целом, хотя бы последний и был сведён к его наипростейшему выражению» ⁹⁾.

И раньше: «Я утверждаю, что *политическая экономия* достигла бы своей цели и исполнила бы свою миссию, если бы она окончательно показала следующее: то, что правильно по

¹⁾ Ibidem.
²⁾ Ibid., 23.
³⁾ Ibid., 45.
⁴⁾ *K. Menger*, «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre», Wien, 1871.
⁵⁾ Ibid., 85.
⁶⁾ Ibid., 95.
⁷⁾ Ibid., 96.
⁸⁾ Ibid., 104.
⁹⁾ *Fr. Bastiat*, «Harmonies économiques», Bruxelles, 1850, p. 213: «Les lois économiques agissent sur le même principe, qu'il s'agisse d'une nombreuse agglomeration d'hommes, de deux individus, ou même d'un seul, condamné par les circonstances à vivre dans l'isolement. L'individu s'il pouvait vivre quelque temps isole serait à la fois capitaliste, eutreprenneur, ouvrier, producteur et consommateur. Toute l'évolution économique s'accomplirait en lui. En observant chacun des éléments, qui le composent: le besoin, l'effort, la satisfaction, l'utilité gratuite et l'utilité onéreuse, il se ferait une idée du mécanisme tout entier, quoique réduit à sa plus grande simplicité».

отношению к (одному) человеку, то правильно и по отношению к обществу»¹⁾.

Буквально то же говорит и Джевонс: «Общая форма законов политической экономии одинакова для индивидуумов и для наций»²⁾.

Как, однако, ни стара и как ни почтенна эта точка зрения, она абсолютно неверна. Общество не есть (как — сознательно или бессознательно — предполагается здесь) арифметическая сумма изолированных индивидуумов; наоборот, хозяйственная деятельность индивидуума предполагает, как своё условие, определённую общественную среду, в которой выражается социальная связь отдельных хозяйств. Мотивы изолированного человека совершенно отличны от мотивов человека, как «общественного животного», ибо в то время как для первого внешней средой является только природа, мир вещей в их первобытной неприкосновенности, для второго внешней средой является не только «материя», но и особая *социальная* среда. Перейти от изолированного человека к обществу можно только перейдя через эту социальную среду. В самом деле, если бы у нас была лишь сумма отдельных хозяйств, но не было бы никаких точек соприкосновения между ними, не было бы особой среды, которую Родбертус удачно назвал «хозяйственным общением», то тогда у нас не было бы и общества. Теоретически можно, конечно, охватить и простую сумму разрозненных и разобшённых хозяйств единым понятием, сжать их в одну «совокупность». Но эта совокупность будет нечто совершенно иное, чем та совокупность, которую

¹⁾ «...J'affirme que l'économie politique aura atteint son but et rempli sa mission quand elle aura définitivement démontré ceci: Ce qui est vrai de l'homme est vrai de la société» (ibid, p. 74).

Нужно заметить, что *Бастия* говорит об изолированном человеке как методологически полезной абстракции. Исторически же и для него он — «химическое видение Руссо» (см. также стр. 93, 94).

²⁾ «The general form of the laws of Economy is the same in the case of individuals and nations». *W. Stanley Jevons*: «The theory of political economy», London and New-York, 1871, p. 21, У «математиков» и «американцев» это, в значительной степени, исчезает. Ср. *Walras*, Etudes d'économie sociale (théorie de la repartition de la richesse sociale), Lausanne-Paris, 1896: «Il ne faut pas dire que l'individu est la base et la fin de toute société sans ajouter immédiatement que l'état social est aussi la base et le milieu de toute individualité» (p. 90). У *Clark'a* доминирует объективизм. Насколько, однако, всё здесь не осознано, видно, напр., из такого определения американского экономиста *Thomas'a Nixon'a Carver'a*: «The method pursued is that of an analytical study of the motives which govern men in business and industrial life»: (The distribution of wealth. New-York, 1904, p. XV). Но, с другой стороны, тот же *Карвер* «объективирует» теорию ценности.

представляет из себя общество, как система хозяйств, тесно связанных между собою и находящихся в постоянном взаимодействии. В то же время, как в первом случае, связь создаётся нами самими, во втором случае она нам *дана в действительности*¹⁾. Таким образом, только как член социальной хозяйственной системы, а не как изолированный «атом», может быть рассматриваем отдельный «хозяйствующий субъект». Последний действует *приспосабливаясь к данному состоянию общественных явлений*; они ограничивают, «лимитируют» (Зомбарт) его индивидуальные мотивы²⁾. Это нужно сказать не только об «экономической структуре общества», т. е. не только о производственных отношениях, но и о социально-экономических явлениях, возникающих *на основе данной структуры*. Например, индивидуальные оценки всегда приспосабливаются к уже сложившимся ценам, стремление вложить капитал в банк зависит от высоты процента в данный момент, вложение капитала в ту или иную отрасль производства определяется сложившейся здесь нормой прибыли, оценка земельного участка зависит от величины дохода с него и от высоты процента и т. д., и т. д. Правда, индивидуальные мотивы оказывают «обратное влияние»; но нам важно установить, что сами они *уже заранее имеют социальное содержание*, а следовательно, из мотивов *изолированного субъекта нельзя вывести никаких «социальных законов»*³⁾. Если же мы возьмём в качестве отправного

¹⁾ «Таким совокупностям, создаваемым нами и не существующим вне нашего сознания, могут быть противопоставлены совокупности реальные, создаваемые жизнью. Между грудными младенцами Европейской России нет иной связи, кроме той, что порождается нашими статистическими таблицами; деревья в лесу стоят в прочных взаимоотношениях друг к другу и образуют нечто единое, не зависимо от того, подвергаются они объединению в групповое понятие или нет» (*А. А. Чупров*, «Очерки по теории статистики», СПб, 1909, стр. 76).

²⁾ «Gehen wir also induktiv vom Gegebenen aus, so stossen wir bei der Betrachtung der Volkswirtschaftlichen Wirklichkeit... auf ganze Berge von Tatsachen, die uns vor Augen führen, wie das wirtschaftende Individuum bei all seinem Wägen und Handeln vom gegebenen Bestande eines objektiven Gefüges bestehenden Wirtschaftsordnung abhängig ist» (*R. Stolzmann*, I. c., 35).

³⁾ «Исходным пунктом всякого хозяйственного явления является постоянно индивидуум, но не изолированный индивидуум, которого анализируют критики Маркса, равно как исследователи XVIII столетия... а индивидуум в соединении с другими индивидуумами, *масса индивидуумов*..., в которой каждый отдельный развивает иную психическую деятельность, чем в своей изолированности». — *L. Boudin*, «Das theoretische System von K. Marx», Stuttgart, 1909, Vorwort von K. Kautsky S. XIII (есть русский пер. В. И. Засулич). *Маркс* не раз с необыкновенной выпуклостью доказывал необходимость общественной точки зрения «in Gesellschaft produzierende individuen daher gesellschaftlich bestimmte Produktion:

пункта исследования не изолированного индивидуума, а предположим социальный момент в его мотивах данным, то в таком случае у нас получится порочный круг: желая вывести «социальное», т. е. «объективное», из «индивидуального», т. е. «субъективного», мы будем выводить его из социального же, т. е. отсылать от Понтия к Пилату.

Как мы видели выше, австрийская школа (Бём-Баверк) исходит из мотивов изолированного субъекта. Правда, в сочинениях её представителей мы можем найти и довольно правильные суждения о природе общественного целого. Но *на деле* она с самого начала ведёт анализ мотивов хозяйствующих субъектов абстрагируя от всяких связей социального характера; именно такая точка зрения типична для новых теоретиков буржуазии, и как раз эту точку зрения австрийская школа последовательно проводит во всех своих теоретических построениях. Отсюда ясно теперь, что она неминуемо *должна* будет контрабандным путём ввести «социальное» в индивидуальные мотивы своих «общественных атомов», если только она захочет вывести какой-нибудь *социальный* феномен. Но тогда она неминуемо *должна* будет описать громадный порочный круг.

И, действительно, эта неизбежная логическая ошибка обнаруживается уже при анализе теории субъективной ценности австрийской школы, того краеугольного камня всей теоретической системы, которым так гордятся её представители. А между тем только *одна* эта ошибка уничтожает смысл построенной с необычайными ухищрениями научно-экономической идеологии современного буржуа, «ибо, конечно», — как правильно замечает сам Бём-Баверк, — «это смертный методологический грех, если

er Individuen ist natürlich der Ausgangspunkt. Der einzelne und vereinzelte Jäger und Fischer... gehört zu phantasielosen Einbildungen des XVIII Jahrhunderts». («Einleitung» etc., S. XIII). «Die Produktion der vereinzelt Einzelnen ausserhalb der Gesellschaft... ist ein ebensolches Unding als Sprachentwicklung ohne *zusammen* lebende und *zusammen* sprechende Individuen» (ibid). Очень хорошо замечает Р. Гильфердинг: «Из мотивов действий субъектов хозяйства, которые, в свою очередь, определяются природою хозяйственных отношений, никогда нельзя вывести чего-либо большего, кроме тенденции к установлению равенства экономических отношений: равная цена за одинаковые товары, равная прибыль на равные капиталы, равная заработная плата и равная норма эксплуатации при равенстве труда. Но, исходя из субъективных мотивов, я никогда не дойду таким способом до самих количественных отношений» («Финансовый капитал» стр. 266, русск. пер., примечание).

кто в научном исследовании игнорирует именно то, что следует объяснить»¹⁾.

Итак, мы пришли к заключению, что «субъективизм» австрийской школы, намеренное изолирование «хозяйствующего субъекта», абстракция от социальных связей²⁾ с неизбежностью приводят к логическому краху всей системы; последняя оказывается столь же мало удовлетворительной, как старая теория издержек, беспомощно вертевшаяся в заколдованном кругу.

Возникает, однако, вопрос, возможно ли тогда вообще теоретическое познание хозяйственной жизни, установление её закономерностей помимо закономерностей индивидуальных мотивов. Возможен ли, говоря другими словами, тот «объективизм», который лежит в основе теории Маркса.

На этот вопрос даже Бём-Баверк отвечает утвердительно. «Невозможны» — говорит он — «законосообразные действия без законосообразной мотивации, но вполне возможно познание законосообразных действий без знания соответствующей мотивации»³⁾. Но, по мнению Бёма, этот «объективистический источник знания в состоянии, в лучшем случае, доставить только очень скудную и притом, самое по себе, совершенно недостаточную часть общего знания», т. к. в хозяйственной среде «мы имеем дело

1) Проф. Бём-Баверк, «Теория Карла Маркса и её критика», пер. проф. Георгиевского, СПб. 1897, стр. 90. (Книжка переведена безграмотно и снабжена глупейшим предисловием истинно-русского профессора).

2) Что речь идёт лишь об абстракции, понимают, конечно, и сами австрийцы. «Der Mensch wirtschaftet nicht als isolirtes Wesen; eine Einzelwirtschaft im strikten Sinne des Wortes ist eine Abstraction» (Emil Sax, «Das Wesen und die Aufgaben der Nationalökonomie», Wien, 1884, S. 12). Однако, не всякая абстракция допустима: сам Бём замечает: «в науке к «мыслям», как и «логике», не следует удаляться совсем беззаботно от фактов... отвлекаться можно только от тех особенностей, которые не имеют значения для исследуемого явления, *действительно, в самом деле* не имеют значения» (Бём-Баверк, «Теория К. Маркса и его критика», etc., стр. 114–115. Курсив автора).

3) Бём-Баверк, «Теория К. Маркса и её критика», стр. 123, подстроч. прим.). Г. Струве, называя такой метод познания схоластикой (стр. XXV цит. сочин.), в другом месте (стр. XXXII и сл.) говорит об «эмпирически правомерных применениях универсалистического мотива». Это, в свою очередь, ничуть не мешает тому же автору заявлять, что «социологическая точка зрения, необходимая в политической экономии, в конце концов, может исходить только от человека (т. е. «индивидуума». Н. Б.) и только от его психологии» (стр. 26). При этом г. Струве не придаёт «особенного значения тонкостям психологического субъективизма», как будто эти «тонкости» не связаны необходимой логической связью с «основами». Как видит читатель, г. Струве выбирает себе весьма удобную позицию. На вопрос Бём-Баверка отрицательно отвечает Лифман, l. с.

преимущественно с сознательно рассчитанными человеческими действиями» ¹⁾.

Однако, мы видим выше, что скудный урожай должен получиться именно на ниве той тощей абстракции индивидуально-психологического характера, которая пропагандируется австрийской школой ²⁾. И не просто в абстракции здесь дело. Мы уже имели случай упоминать, что абстракция есть необходимый элемент познавательной деятельности. Ошибка австрийцев состоит в том, что они абстрагируют при исследовании общественных явлений от этих самых явлений. Очень хорошо формулирует данный пункт Р. Штольцман. «Путём изолирования и абстрагирования», — говорит он — «можно создать хозяйственные типы, настолько простые, насколько это возможно, но типы эти должны быть социальными, они должны иметь своим предметом социальное хозяйство» ³⁾. Ибо нельзя перейти от чисто индивидуального к социальному; даже если бы в действительности имелся исторический процесс такого перехода, т. е. если бы люди переходили от изолированного состояния к «общественному бытию», то и тогда бы можно было лишь описать исторически и конкретно этот процесс, разрешить, таким образом, проблему чисто идиографического (кинематографического) характера; но и тогда нельзя было бы построить теорию номографического типа. В самом деле, вообразим, что отдельные и изолированные производители сталкиваются друг с другом, связываются постепенно обменом и, наконец, превращаются в современное развитое меновое общество. Возьмём теперь субъективные оценки человека нашего времени. Они исходят (ниже мы будем доказывать это подробнее) от заранее сложившихся цен; эти цены, в свою очередь, слагаются из мотивов хозяйствующих субъектов, в некоторый более или менее отдалённый период времени; но они в своё время зависели от цен, которые сложились ещё раньше; эти последние

¹⁾ Бём-Баверк, «Теория К. Маркса и т. д.», стр. 122.
²⁾ Даже сторонник теории пред. полезности Джон Кейнс признаёт, что «явления промышленной жизни во всем своём объёме не могут быть объяснены единственным путём дедукции из немногих элементарных законов человеческой природы» (Смолт. «Предмет и метод полит. экон.», пер. под ред. Мануйлова, Москва 1889, стр. 70).
³⁾ «Mag man die Wirtschaftstypen durch Isolieren und Abstrahieren so ein fach gestalten, wie es nur angeht, aber socia müssen sie sein, eine sociale Wirtschaft müssen sie zum Gegenstande haben» (R. Stolzmann, l. c., S. 63, также «Sociale Kategorie». S. 291, 292). Ср. также D. Lifschitz, «Zur Kritik der Böhm-Bawerkschen Werttheorie», Leipzig 1908, Kap. IV, особ. стр. 90–91.

явились опять-таки, как результат субъективных оценок, основанных на ещё более ранней цене и т. д., и т. д. В конечном счёте мы дойдём, таким образом, до оценок изолированных производителей, оценок, которые, действительно, уже не содержат в себе элемента цены, так как за ними не скрывается уже никакой общественной связи, никакого общества. Но анализ этих субъективных оценок, начиная с оценок современного человека и кончая гипотетическим Робинзоном, будет не чем иным, как историческим описанием процесса превращения мотивов изолированного человека — в мотивы человека современного, причём этот процесс будет изображён в обратном порядке. Ничего, кроме этого описания, подобный анализ дать не может, и никакой общей теории цены или теории меновой ценности на этой основе построить нельзя. Попытки же такого построения с неизбежностью должны приводить к порочным кругам в теоретической системе, потому что, поскольку мы хотим оставаться в рамках общей теории, постольку мы должны признать социальный элемент за данную величину, вместо того, чтобы объяснить этот элемент; с другой стороны, выйти за пределы этой величины — это, как мы видели, означает превратить теорию в историю, т. е. перейти в совершенно другую плоскость научного исследования.

Нам остаётся только один метод исследования, именно, соединение абстрактно-дедуктивного метода с методом объективным, соединение, которое является одной из самых характерных черт марксистской политической экономии. Только таким путём можно построить теорию, которая не представляла бы вечного противоречия в себе самой, а была бы действительным орудием научного познания капиталистической действительности.

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ И НЕИСТОРИЧЕСКАЯ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В «Теориях прибавочной ценности» Маркс писал о физиократах: «Было большой их заслугой, что они рассматривали эти формы (формы буржуазного способа производства Н. Б.), как физиологические формы общества, как формы, вытекающие из естественных нужд самого производства, которые независимы от воли, политики и т. д... Это материальные законы. Ошибка же физиократов состоит в том, что материальный закон определённой общественной формации рассматривается, как закон абстрактный,

одинаково господствующий над всеми общественными формами»¹⁾.

Здесь очень хорошо проводится различие между просто-общественной и общественно-исторической точкой зрения. Можно рассматривать «общественное хозяйство в целом», но не понимать всего значения специфически исторических общественных форм. Правда, в новейшее время неисторической точки зрения обычно соответствует и непонимание значения социальных связей, но тем не менее следует различать эти два методологических вопроса, ибо возможность «объективизма» отнюдь не является необходимой гарантией исторической постановки вопроса. Это мы видим на примере физиократов. В современной литературе мы находим то же самое у Тугана-Барановского, «социальная теория распределения» которого годится (а потому ничего не объясняет) для всякого расслоённого на классы общества²⁾.

Маркс самым резким образом подчёркивал исторический характер экономической теории и относительность её законов. «По его мнению... каждый исторический период имеет свои законы... но, как только жизнь пережила период данного развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами»³⁾. Из этого, конечно, отнюдь не вытекает, что Маркс отрицал все и всяческие общие законы, которые бы определяли ход общественной жизни на различных ступенях развития. Теория исторического материализма, например, открывает законы, пригодные для общественного развития вообще. Но это отнюдь не исключает специфических исторических законов политической экономии, которые, в противоположность социологическим законам, выражают

¹⁾ «Es war ihr grosses Verdienst, dass sie diese Formen als physiologische Formen der Gesellschaft auffassten: die aus der Naturnotwendigkeit der Produktion selbst hervorgehende Formen, die von Willen, Politik u. s. w. unabhängig sind. Es sind materielle Gesetze. Der Fehler der Physiokraten ist nur der, dass das materielle Gesetz einer bestimmten historischen Gesellschaftsstufe als abstraktes alle Gesellschaftsformen gleichmässig beherrschendes Gesetz aufgefasst wird» (K. Marx, «Theorien über den Mehrwert» I. Band, S. 34).

²⁾ См. Туган-Барановский, «Основы политической экономии». Нужно заметить, однако, что в то время, как физиократы в действительности объясняли капитализм, хотя и не сознавали этого, Туган хочет сознательно объяснить его, но «вырабатывает» одни ничего не говорящие формулы. Об этом см. N. Bucharin, «Eine Oekonomie ohne Wert», «Neue Zeit», 1914, №№ 22 и 23.

³⁾ К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. XIV; цитата взята из рецензии Кауфмана, приводимой самим Марксом.

сущность одной из общественных структур, капиталистической общественной структуры¹⁾.

Здесь уместно будет предупредить одно могущее быть сделанным возражение. А именно, нам могут сказать, что признание историчности с неизбежностью влечёт за собой идиографический, чисто описательный тип теории, т. е. ту точку зрения, которую защищает так называемая «историческая школа». Однако, такое возражение покоилось бы на смешении совершенно различных вещей. Возьмём какое-либо общее положение идиографической науки par excellence статистики. Статистика населения выводит, например, такой «эмпирический закон»; на 100 девочек — рождается 105–108 мальчиков. Этот «закон» — чисто описательного характера, на нём непосредственно не выражено никакого общего, причинного, соотношения. Наоборот, теоретический закон в политической экономии укладывается, как мы видели, в формулу причинности: если имеется А, В, С, то наступает D; другими словами, наличность определённых условий, «причин», ведёт за собой наступление определённого следствия. Ясно, что эти «условия» могут быть и исторического характера, т. е., что они в действительности встречаются только в определённое время. С чисто логической точки зрения, вполне безразлично, где и когда встречаются эти условия в действительности, и даже встречаются ли они вообще, — в этом смысле перед нами «вечные законы»; с другой точки зрения, их реального проявления, они суть «исторические законы», ибо они связаны с «условиями», встречающимися лишь на исторически определённой ступени развития²⁾. Но раз эти условия даны, даны тем самым и их следствия. Именно на этом характере теоретических экономических законов возможно их «применение» к странам и эпохам, где общественное развитие достигло соответствующей высоты

¹⁾ Этого не понимают даже «благожелательные» критики. См. Charasoff, I. c., S. 260–261.

²⁾ Проф. Онкен в своей «Geschichte der Nationalökonomie» различает три метода: die exakte oder philosophische, die historische oder besser historisch-statistische und endlich die historisch-philosophische, welche einen synthetischen Charakter besitzt (S. 9). И дальше: «Auf sozialistischen Gebiete hat die historisch-philosophische Methode einestheils durch Saint Simon und sodann in extrem materialistischer Richtung durch Karl Marks und Friedrich Engels Vertretung gefunden... Erfolgreich bekämpft werden kann er (историч. материализм. H. Б.) nur auf dem gleichen, d. h. historisch-philosophischen Boden» (ibid). Здесь, таким образом, признаётся плодотворность именно марксова метода, который, конечно, следует по Онкену «соединить» с кантовским идеализмом, в целях более удобной борьбы с марксизмом, как зловерной материалистической теорией.

(поэтому, например, русские марксисты могли удачно предсказать «судьбы капитализма в России»), хотя анализ Маркса исходил из конкретного эмпирического материала, касавшегося Англии ¹⁾.

Таким образом, «исторический» характер законов политической экономии отнюдь не превращает последнюю в науку идиографического типа. С другой стороны, только историческая точка зрения может быть познавательно ценной в этой области.

Политическая экономия, как наука, может иметь своим объектом исключительно товарное (resp. товарно-капиталистическое) общество. В самом деле, если бы мы имели перед собой какой-либо вид организованного хозяйства, будь это ойкосное хозяйство Родбертуса, первобытная коммуна, феодальное поместье или организованное общественное хозяйство социалистического «государства» — мы бы не нашли там ни одной проблемы, разрешение которой составляет задачу теоретической экономии; эти проблемы касаются товарного хозяйства, в особенности его капиталистической формы: таковы проблемы ценности, цены, капитала, прибыли, кризисов и т. д. Это, конечно, не случайность: как раз теперь, при системе большей или меньшей «свободной конкуренции», наиболее ясно выражается стихийность экономического процесса, где индивидуальная воля и цель отходит на задний план перед объективно развивающейся цепью общественных явлений; только товарному производству и его высшей форме производству капиталистическому, свойственно то явление, которое Маркс назвал «товарным фетишизмом» и блестящий анализ которого он дал в «Капитале». Именно здесь личные отношения людей в производственном процессе выражаются в безличных отношениях между вещами, и эти последние принимают форму «общественного иероглифа» ценности (Маркса). Отсюда та «загадочность», которая свойственна капиталистическому производству, и то своеобразие проблем, которые впервые появляются здесь для теоретического исследования. «Не вследствие «*caractère typique de la liberté économique*», а в силу теоретико-познавательного своеобразия системы конкуренции, которая приводит с собой как наибольшее число теоретических задач, так и наибольшую трудность их решения» ²⁾, анализ капиталистической действительности

¹⁾ Этого совершенно не понимает г. Булгаков. См. его критику марксистских прогнозов в «Философии хозяйства».

²⁾ «Nicht wegen des «*caractère typique de la liberté économique*», sondern wegen der *erkenntnisstheoretischen* Eigart des Konkurrenzsystems, welches

представляет особый интерес и придаёт особый логический вид экономической науке, которая исследует закономерность стихийной жизни современного общества, выводит законы, независимые от сознания людей, «регулирующие естественные законы, на манер закона тяжести, когда над вашей головою обрушивается дом» ¹⁾. И вот эта стихийность, вытекающая притом из весьма сложных отношений, есть сама историческое явление, свойственное лишь товарному производству ²⁾. Только в неорганизованном общественном хозяйстве создаются специфические явления, когда взаимоприспособление различных отдельных частей «производственного организма» идёт помимо сознательно на это приспособление направленной воли людей. При планомерном ведении общественного хозяйства распределение и перераспределение производительных сил общества есть сознательный, основанный на статистических выкладках, процесс; при современной анархии производства этот процесс совершается посредством целого передаточного механизма цен, их падения или повышения, путём давления этих цен на прибыль, путём целого ряда кризисов и т. д.; словом, не сознательный расчёт коллектива, а слепая сила общественной стихии, проявляющаяся в целом ряде общественно-экономических явлений — в первую голову рыночной цены — вот что характерно для современного общества и вот что составляет предмет экономической науки. При социалистическом строе политическая экономия потеряет свой смысл: останется одна лишь «экономическая география» — наука идиографического типа и нормативная наука «экономической политики», ибо отношения между людьми будут простыми и ясными, устранился всякая их вещная, фетишизированная формулировка, а на место закономерностей стихийной жизни станет закономерность сознательных действий коллектива. Уже из одного этого ясно, что при

sowohl die grösste Zahl der theoretischen Rätsel, als die grösste Schwierigkeit, sie zu lösen, mit sich führt» (*Heinrich Dietzel*, «Theoretische Sozialökonomik», S. 90).

¹⁾ *К. Маркс*, Капитал, I, стр. 31, перев. Струве (III изд.).
²⁾ «Gesetzmässige Erscheinungen heutiger Art... erst entstanden, als jede Isolierung, aber auch diejenige örtliche Abgeschlossenheit überwundene Dinge waren» (*Neumann*, «Naturgesetz und Wirtschaftsgesetz», «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», hg. v. Schöffle, 1892, Jahrg. 48, Heft 3, S. 446). *П. Струве* очень хвалит Маркса за анализ товарного фетишизма, но он считает, что Маркс и вся школа научного социализма ошибались, приписывая этому явлению исторический характер. Последнее обстоятельство не помешало, впрочем, тому же автору ставить фетишизм в связь с товарным хозяйством, которое, по его же собственному мнению, является исторической категорией (см. у него о «системе хозяйства», I. с.).

исследовании капитализма нужно принимать во внимание основные его черты, отличающие капиталистический «производственный организм» от всякого иного: ибо исследование капитализма и есть исследование того, что отличает капитализм от всякой другой общественной структуры; если мы отвлекаемся от этих особенностей, которые типичны для капитализма, то мы будем иметь дело лишь со всеобщими категориями, пригодными для всяких общественных производственных отношений и потому не объясняющими исторически определённого, совершенно своеобразного процесса развития «современного капитализма». Как говорит Маркс, именно в забвении этого положения и заключается «вся мудрость» современной буржуазной экономики, которая стремится доказать прочность теперешних отношений ¹⁾. При этом нужно иметь в виду, что анализ капитализма, как развитого товарного производства, характеризующегося не обменом вообще, но капиталистическим обменом, где на рынке появляется рабочая сила в качестве товара, и где производственные отношения («экономическая структура общества») включают в себя не только отношения между товаропроизводителями, но и отношение между классом капиталистов и классом наёмных рабочих, — что этот анализ капитализма требует, кроме исследования общих условий товарного хозяйства (наличность лишь одного этого элемента соответствовала бы теории простого товарного производства), также и исследования специфической структуры капитализма. Только такая постановка вопроса может создать действительно научную экономическую теорию. Если заниматься не апологией и увековечиванием капиталистических отношений, а их теоретическим исследованием, то необходимо выделить их типичные черты и эти черты анализировать. Так именно и поступает Маркс. Его «Капитал» начинается словами:

«Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, является «огромным скоплением товаров», а отдельный товар — его элементарной формой. Наше исследование поэтому начинается с анализа товара» ²⁾.

Таким образом, с первых же строк всё исследование поставлено на исторические рельсы. В дальнейшем анализ Маркса

¹⁾ «In diesem Vergessen liegt zum Beispiel die ganze Weisheit der modernen Oekonomen, die Ewigkeit und Harmonie der bestehenden socialen Verhältnissen beweisen...» («Einleitung zu einer Kritik» etc., S. XVI). Писано в 1857 г., но буквально приложимо к «двадцатому веку».

²⁾ К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 1.

показывает, что все основные понятия экономической науки носят исторический характер ¹⁾.

«Продукт труда, — пишет Маркс о ценности, — при всяких общественных условиях есть предмет потребления; но лишь исторически определённая эпоха, делающая затраченный на производство какого-либо полезного предмета труд его «объективным» свойством, т. е. его ценностью, превращает продукт труда в товар» ²⁾.

То же самое говорит Маркс о капитале:

«Капитал — это не вещь, а определённое общественное, принадлежащее определённой исторической формации, отношение производства, которое проявляется в вещи и придаёт этой вещи специфически общественный характер. Капитал не есть сумма материальных и произведённых средств производства, которые сами по себе так же не суть капитал, как золото и серебро сами по сути не суть деньги» ³⁾.

Любопытно рядом привести то определение капитала, которое даёт Бём-Баверк:

«Капиталом вообще, — говорит он, — мы называем совокупность продуктов, которые служат как средство добывания благ. Из этого общего понятия капитала вытекает более узкое понятие социального капитала. Социальным капиталом мы называем совокупность продуктов, которые служат как средство социально-хозяйственного добывания благ... или... говоря кратко, совокупность промежуточных продуктов» ⁴⁾.

¹⁾ Сводку методологических взглядов Маркса можно найти в не раз цитированной нами «Einleitung». По поводу исторических и неисторических «условий производства» Маркс следующим образом резюмирует свои мысли: «Zu resumieren: es gibt allen Produktionsstufen gemeinsame Bestimmungen die von Denken als allgemeine fixiert werden, aber die sogenannten *allgemeinen Bedingungen* aller Produktion sind nichts als diese abstrakten Momente, mit denen keine wirkliche geschichtliche Produktionsstufe begriffen ist» (S. XX)

²⁾ К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 21.

³⁾ К. Маркс, «Капитал», т. III, часть II, стр. 343, 344, перевода Базарова и Степанова.

⁴⁾ «Kapital überhaupt nennen wir einen Inbegriff von Produkten, die als Mittel der Gütererwerbes dienen. Aus diesem allgemeinen Kapitalbegriff löst sich als engerer Begriff der des *Socialkapitales* ab. Socialkapital nennen wir einen Inbegriff von Produkten, die als Mittel *socialwirtschaftlichen* Gütererwerbes dienen; oder... kurz gefasst, einen *Inbegriff von Zwischenprodukten*» (Böhm-Bawerk, «Kapital u. Kapitalzins», Bande II, Teil I, S. 54–59, издания 1909 г. Г-н Струве, прошедший школу Маркса, стоит тоже на этой крайне поверхностной точке зрения: «Чистое хозяйствование, — пишет он, — знает и такие категории, как издержки производства, капитал, доход, рента» (I. с., стр. 17), причём под чистым хозяйством подразумеваются

Таким образом, налицо полная противоположность исходной точки зрения. Где у Маркса выделяется, как основной признак, историчность данной категории, там у Бёма — абстракция от исторического элемента; где у Маркса исторически-определённые отношения людей, там у Бёма всеобщие формы отношения человека к вещам. В самом деле, ведь, если отвлечься от исторически-изменчивых отношений между людьми, тогда останутся лишь отношения между человеком и природой, вместо историко-социальных категорий — категории «естественные» («natürliche Kategorien»). Однако, ясно, что «естественные» категории ни в малейшей степени не объясняют категорий историко-социальных, ибо, как совершенно правильно замечает Штольцман: «Естественные категории дают только технические возможности для образования экономических феноменов»¹⁾.

В самом деле, процесс труда, процесс «добывания благ» и их распределения проходит всегда в известных исторически-различных формах, которые только и вызывают известные социально-экономические явления. Нельзя же видеть, подобно «полковнику Торренсу», а также Бём-Баверку «в камне дикаря — начало капитала»²⁾, а в самом дикаре — капиталиста. Только когда на основе товарного производства³⁾ средства производства становятся монопольной собственностью одного класса и в качестве таковой противопоставляются собственности рабочего на единственный находящийся в его распоряжении товар — рабочую

«экономические отношения всякого хоз. субъекта ко внешнему миру» (Ibidem). Более утончённый вариант сходных мыслей ведёт своё начало от Родбертуса, различавшего логическое понятие капитала от исторического. На деле такая терминология прикрывает апологетические ноты у буржуазных экономистов, будучи совершенно излишня по существу, ибо для «логических категорий» имеются такие термины, как, напр., средства производства. Об этом придётся говорить подробнее ниже, при разборе теории прибыли.

1) «Die natürlichen Kategorien geben nur technische Möglichkeiten für die Ausbildung von ökonomischen Phänomenen». (R. Stolzmann: «Der Zweck etc.» S. 131).

2) К. Маркс: «Капитал». I, 114, подстрочн. примеч.: «В первом камне, который дикарь бросает в дичь, в первой палке, которую он берёт, чтобы бить плоды... мы видим присвоение одного предмета с целью приобретения другого и открываем, таким образом, начало капитала» (R. Torgens, «An Essay on the Production of Wealth etc», p. 70, 71). Определение капитала, как совокупности «промежуточных продуктов», которое даёт Бём-Баверк, совпадает, таким образом, с мнением Торренса, жестоко осмеянным Марксом ещё в первом томе «Капитала». Ср. Böhm-Bawerk: «Kapital und Kapitalzins», Band II, Teil I, S. 587.

3) Последнее условие часто упускается критиками Маркса. Ср., напр., Fr. Oppenheimer: «Die soziale Frage und Sozialismus», особ. главу: Robinson-Kapitalist.

силу, — только тогда и возникает то своеобразное отношение, которое называется капиталом, а следовательно, только тогда возникает и «прибыль капиталиста». То же и с рентой. Один факт различия в плодородии почвы на разных земельных участках или же пресловутый «закон убывающего плодородия почвы» (даже если бы он существовал в той форме, в какой его признают самые крайние мальтузианцы) — отнюдь не вызывали бы появления на свет божий поземельной ренты. Последняя возникает лишь тогда, когда на основе товарного производства земля монополизирована классом поземельных собственников. Различие же в плодородии разных участков и вышеупомянутый «закон» являются лишь техническими условиями, «возможностями» социального феномена — ренты¹⁾. Поэтому напрасны жалобы Бём-Баверка на некоторых его критиков, где Бём обвиняет последних, что они не различают «сущности дела» от «формы проявления» («Erscheinungsform»). «Сущность» капитала состоит не в том, что он — «совокупность промежуточных продуктов» (это есть «сущность» средств производства), а в том, что он есть своеобразное общественное отношение, влекущее за собой целый ряд совершенно неизвестных другим эпохам экономических явлений. Можно сказать, конечно, что капитал есть Erscheinungsform для средств производства в теперешнем обществе, но нельзя сказать, что современный капитал есть форма проявления капитала вообще, который идентичен со средствами производства.

Историческим характером обладает и явление ценности. Даже если признать правильным индивидуалистический метод австрийской школы и стараться вывести ценность из «субъективной ценности», т. е. из индивидуальных оценок единичных лиц, то и тогда должно принять во внимание то обстоятельство, что в психике теперешнего «производителя» и в психике производителя в натуральном хозяйстве (а тем более в психике «человека, сидящего у ручья» или голодающего в пустыне) имеется совершенно различный материал. Современного капиталиста — будь то представитель промышленного или торгового капитала — совершенно не интересует потребительная ценность продукта: он «работает» при помощи нанятых «рук» исключительно ради прибыли, его интересует лишь меновая ценность.

1) Ср. Штольцман, I. с., 26, также Джон Кейнс, I. с., стр. 66: «...даже закон убывающего плодородия, рассматриваемый как чисто естественное явление, строго говоря, едва ли может считаться экономическим законом».

Отсюда ясно, что даже основного для политической экономии явления, явления ценности, нельзя объяснить, «вывести» из того общего всем векам и народам положения, что вещи могут удовлетворять какую-либо человеческую потребность. А последнее и есть «метод» австрийской школы ¹⁾.

Итак, мы приходим к заключению, что австрийская школа, отвлекаясь от особенностей капитализма, стоит на совершенно ложном методологическом пути. Политическая экономия, которая хочет объяснить общественно экономические отношения, т. е. отношения между людьми, должна быть исторической наукой. «Поэтому» — как весьма метко и ядовито говорит Энгельс: «кто пожелает объединить одними законами экономику Огненной Земли и экономику современной Англии, тот, очевидно, не извлечёт на свет божий ничего, кроме самых банальных общих мест» ²⁾. Под эти «общие места» можно подвести более или менее остроумный фундамент, но даже последнее обстоятельство не поможет объяснить заранее исключённые особенности капиталистического строя. Таким образом, то гипотетическое «хозяйство», которое «строит» Бём-Баверк и «законы» которого он исследует, оказывается настолько удалённым от нашей грешной действительности, что перестаёт быть с нею соизмеримым.

Это начинают отчасти сознавать и творцы нового направления. Так, например, Бём-Баверк в последнем издании своего сочинения о капитале пишет:

«В особенности охотно я хотел бы заполнить один пробел... речь идёт об исследовании того, что означает и что в состоянии сделать влияние т. н. «социальной категории» — силовые отношения, возникающие из социальных учреждений... Эта глава социальной экономии не написана ещё удовлетворительным образом... Не написана она и сторонниками теории предельной полезности» ³⁾.

¹⁾ «Den Ausgangspunct, die Grundlage des «Systems» bildet die Analyse der *elementaren Erscheinungen* des Gesamtgebietes: der ökonomischen Betätigung des Menschen in abstracto, abgesehen also von Besonderheiten der sozialen Beziehungen» (*Emil Sax*: «Das Wesen und die Aufgaben der Nationalökonomie», S. 68).

²⁾ *Фридрих Энгельс*: «Анти-Дюринг», пер. Яковенко, СПб. 1906, стр. 15. Неисторический характер объективизма у «математиков» и «англо-американцев» приводит их к чисто механическому воззрению, где, в сущности, нет даже общества, а есть движущиеся вещи.

³⁾ «Insbesondere hätte ich gerne eine Lücke ausgefüllt... es handelt sich um die Untersuchung, was die Einflüsse der sogenannten «sozialen Kategorie», was die aus den sozialen Einrichtungen stammenden Macht und Gewaltverhältnisse, bedeuten

Впрочем, можно заранее предсказать, что эта «глава» сторонниками теории предельной полезности «удовлетворительно» написана быть не может, т. к. они рассматривают «социальное» не как органическую часть «чисто-экономического», а как вне экономики стоящую внешнюю величину.

В противовес Бёму Штольцман, один из представителей «социально-органического метода», на которого мы часто ссылались, замечает (по поводу, разумеется, *своих* работ): «Объективизм... вступает в новую стадию, он делается не только социальным, он делается «историческим»; не остаётся более никакой пропасти между систематико-логическим и историко-реалистическим исследованием...» ¹⁾. Однако, эта задача соединения абстрактного метода классиков с «объективизмом» и «историчностью» была решена — и притом без всяких этических благоглупостей — задолго до Штольцмана *Карлом Марксом*.

Таким образом, и здесь впереди всех идёт «устаревшая» теория пролетариата ²⁾.

und vermögen... Dieses Kapitel der Sozialökonomie ist noch nicht befriedigend geschrieben worden... Auch von der Grenzwerttheorie nicht». (Vorwort zur dritten Auflage des «Kapitales», II, S. XVI–XVII).

¹⁾ «Der «Objektivismus» tritt damit in ein neues Stadium, er wird nicht nur sozial, er wird «historisch»; es bleibt keine Kluft mehr zwischen der systematisch-logischen und der historisch-realistischen Forschung, das Arbeitsfeld wird für beide gemeinsam, sie haben beide die Erkenntnis der geschichtlichen Wirklichkeit zum Gegenstande» (*R. Stolzmann*, I. c., Vorwort, S. 2). Ср. с этим *R. Liefmann*, I. c., S. 5: «die sogenannte soziale Betrachtungsweise... schon vor einem halben Jahrhundert von Karl Marx... angewandt worden ist». Тут же Лифман совершенно справедливо отмечает особенности марксова метода.

²⁾ Штольцман видит необходимость в рассматривании социальных явлений как социально этических. При этом он путает этику, как совокупность норм, с точки зрения которых рассматривается экономическая действительность, и этику, как факт, стоящий в связи с фактом экономических явлений. В первом случае говорить о политической экономии, как об этической науке, значило бы превращать науку в рецепты и не более; во втором случае, если действовать по образцу Штольцмана, можно было бы говорить о политической экономии, как и о филологической науке, на том «достаточном основании», что явление языка тоже стоит в связи с экономической жизнью. До каких колоссальных пошлостей может доходить «этика» господ «критиков», видно хотя бы из следующей выписки: «...Заработная плата означает моральную величину» («der Lohn bedeutet eine moralische Grösse»), курсив автора, стр. 198. Она определяется не только обычаем и правовыми институтами, «но также голосом совести и внутренним принуждением, т. е. императивом сердца»: «sondern auch durch die Stimme des Gewissens und den Zwang von innen, d. h. durch den eigenen Imperativ des Herzens», S. 198. И такие кисло-сладкие рассуждения встречаются довольно часто (ср. стр. 199, 201 и т. д.). «Практический разум» г. Штольцмана предлагает ему спасти людей от объятий социализма, смотр. 17). Для сего он

3. ТОЧКА ЗРЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ТОЧКА ЗРЕНИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ

«Первая теоретическая разработка современного способа производства — писал Маркс — необходимо исходила из поверхностных явлений процесса обращения... Действительная наука современной политической экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства»¹⁾. Наоборот, Бём и вся австрийская школа ставят во главу угла анализ потребления.

В то время как Маркс рассматривает общество, прежде всего, как «производственный организм», хозяйство — как «производственный процесс»²⁾, у Бём-Баверка производство отступает на задний план, и на первое место выдвигается анализ потребления, потребностей и желаний хозяйствующего субъекта³⁾. А раз это так, то не мудрено, что исходным пунктом этого анализа являются не хозяйственные блага, как продукты, а (a priori) данное их количество, их «запас», неизвестно откуда взявшийся. Этим, в свою очередь, совершенно предопределяется и всё учение о ценности, как центральный пункт теоретической системы.

не прочь пуститься в демагогию: «конечно», пишет он о марксистах: «много проще и менее ответственно ограничиваться дискредитированием существующего и, давая камни вместо хлеба, утешать голодающих будущим переворотом... Но рабочий не захочет ждать» и проч. Эта чепуха продиктована нашему тайному советнику, очевидно, тоже «императивом сердца». Поскольку Штольцман представляет интересное явление, он связан с теорией и методом Маркса. Его же не в меру разбухшая этика способна прельщать лишь г.г. Булгаковых, Франков и Туган-Барановских.

¹⁾ К. Маркс: «Капитал», т. III, ч. I, стр. 313.
²⁾ К. Маркс: «Капитал», т. II, стр. 88 и 89.
³⁾ То же у Джевонса: «Political Economic must be founded upon a full and accurate investigation of the conditions of utility; and, to understand this element, we must necessarily examine the character of the wants and desires of men. We, first of all, need a *theory of the consumption of wealth*» («The theory of politic. economy», London and New-York. 1871, p. 46 — подчеркнуто нами Н. Б.). У L. Walras («Etudes d'écon. sociale», p. 51) к *чистой* экономике относится лишь рассмотрение «de la richesse», тогда как анализ производства составляет уже область прикладной экономики (économie politique appliquée); у Carver'a ещё большее приближение к производственной точке зрения, здесь он солидаризируется с Marshall'ом: «In other words, economic activities, rather than economic goods form the subject-matter of the science» (XI). В другом месте того же сочинения «The distribution of wealth» он располагает эти «activities» в таком порядке: «производство» (production), потребление (consumption), оценка (valuation). У приведённых авторов мы видим разные оттенки, причём по отношению к Бём-Баверку, с одной стороны, Марксу — с другой, эти оттенки являются эклектизмом.

Если заранее устранён производственный фактор, то ясно, что должна быть построена «внепроизводственная» теория ценности. В связи с этим стоит и оригинальное приложение метода «изолирующей абстракции»: так, Бём-Баверк при анализе ценности заставляет своих Робинзонов не производить блага, а терять или «лишаться» их; при этом самая возможность производства или воспроизводства рассматривается лишь, как «осложняющий момент», а не как такое явление, которое подлежит анализу в первую голову¹⁾. Вполне логично, что основным понятием австрийской школы является «полезность», из которой выводится и понятие субъективной, а затем и объективной ценности. Понятие полезности отнюдь не предполагает никаких «трудовых затрат», никакого производства; оно выражает не активное, а чисто пассивное отношение к вещам, не «предметную деятельность», а отношение к неизменному данному. Поэтому понятие полезности с успехом может функционировать в примерах, где действующими лицами являются «потерпевшие крушение», «близорукие» на необитаемом острове, голодающие «путники» и прочие порождения профессорской фантазии.

Однако, ясно, что такая точка зрения заранее исключает какую бы то ни было возможность понять общественные явления в их развитии. Последнее имеет своим двигателем рост производительных сил, рост производительности общественного труда, расширение производительных функций человеческого общества. Без потребления нет производства — это несомненно: потребности всегда являются движущим мотивом хозяйственной деятельности. Но, с другой стороны, производство самым решительным образом влияет на потребление. Маркс различает троякого рода влияние: во-первых, поскольку производство создаёт *материал* для потребления; во-вторых, поскольку оно определяет его *вид*, его качественный характер (Weise); и, наконец, в-третьих, поскольку оно создаёт *новые потребности*²⁾.

¹⁾ Прав, поэтому, Каутский, когда он говорит, что австрийская школа «улучшает робинзонады XVIII столетия тем, что её Робинзон не производит путём труда своих предметов потребления, а находит их упавшими с неба» (L. Boudin, I. c. Vorwort von Kautsky, S. X); знаменитые уравнения обмена Леона Вальраса целиком берут этот пункт. Ср. L. Walras: «Principe d'une théorie mathématique de l'échange», p. 9. «Etant données les quantités des marchandises, formuler le système d'équations dont les prix des marchandises sont les racines», так формулирует он свою задачу. Производства здесь, как видит читатель, тоже нет.

²⁾ «Die Produktion produziert die Konsumtion... 1. indem sie ihr das Material schafft; 2. indem sie die Weise der Konsumtion bestirmt; 3. indem sie die erst

Так представляется дело, если мы рассматриваем соотношение между производством и потреблением вообще, т. е. вне зависимости от исторически определённой структуры. Если же мы будем рассматривать капитализм, то сюда присоединится ещё один важный момент. А именно, говоря словами Маркса, «общественная потребность, т. е. то, что регулирует принцип спроса, существенно обуславливается отношением различных классов друг другу и их взаимным экономическим положением, а следовательно, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которую распадается прибавочная стоимость (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т.п.)»¹⁾. Это же отношение классов друг к другу, в свою очередь, формируется и изменяется под влиянием роста производительных сил.

Итак, прежде всего: *динамика потребностей обуславливается динамикой производства*. Отсюда вытекает: во-первых, что при анализе динамики потребностей необходимо исходить из динамики производства; во-вторых, что данное количество продукта, предполагающее статику в области производства, предполагает и статику в области потребления, т. е. статику во всем комплексе экономической — а, следовательно, и всякой другой — жизни²⁾.

Маркс поставил во главу угла именно «развитие производительных сил»: ведь целью всей гигантской теоретической работы, которую произвёл Маркс, было, по его же собственным словам, «открыть экономический закон движения современного общества»³⁾. Но открыть «закон движения» там, где нет никакого движения, где предполагается данным «упавшее с неба» количество продуктов, довольно мудрено⁴⁾. Поэтому можно заранее

von ihr als Gegenstand gesetzten Produkte als Bedürfnis im Konsumenten erregt». (*K. Marx: «Einleitung» etc... S. XXV*).

1) *Маркс: «Капитал», т. III, ч. I, стр. 156–157.*
2) По Марксу, производство есть «der wirkliclie Ausgangspunkt und darum auch das übergreifende Moment» («Einleitung», S. XXVII). Здесь ясна связь экономической теории Маркса и его социологической теории (к сведению тех, кто считает возможным «соглашаться» с одной стороной учения и «не соглашаться» с другой).
3) *Маркс: «Капитал», т. I, стр. VII, пер. Струве (2 изд.).*
4) Г. Франк не понимает, почему труд выделяется из остальных «условий производства»: ««Вечной необходимостью для человека» служит ведь и, напр., обладание землёй, и известная форма распределения продуктов и т. д. Почему именно труд должен служить конститутивным признаком экономических явлении, — это остаётся совершенно недоказанным» («Теория ценности Маркса и её значение», стр. 147–148). Формы распределения — величина производная от «способа

ожидать, что точка зрения потребления, лежащая в основе построения австрийцев, найдёт себе выражение в бесплодии теории во всех тех вопросах, которые касаются общественной динамики, т. е. самых важных вопросов, разрабатываемых политической экономией. «Как развивается техника в капиталистическом обществе, откуда происходит капиталистическая прибыль, — все эти вопросы они (т. е. представители австрийской школы. *Н. Б.*) не в состоянии правильно поставить, не говоря уже о том чтобы разрешить»¹⁾.

Любопытны в этом отношении те признания, которые сделал один из горячих сторонников теории предельной полезности, Иосиф Шумпетер. Он имел мужество открыто заявить, что во всех случаях, где речь идёт о развитии, австрийская школа не может сказать *ничего*.

«...Наша статическая система» — пишет он — «объясняет не все хозяйственные явления (она не объясняет, например, процента и предпринимательской прибыли...)»²⁾.

«...Наша теория, поскольку она солидно обоснована, отказывается от объяснения важнейших явлений современной жизни»³⁾.

«...Она не годится по отношению ко *всякому* (курс. автора. *Н. Б.*) явлению, которое... можно понять только с точки зрения развития. Сюда принадлежат проблемы образования капитала и другие, в особенности проблема экономического прогресса и кризисов»⁴⁾.

производства»; что же касается земли и проч., что в данном случае гораздо важнее, то из статического момента «обладания землёй» невозможно объяснить никаких изменений, никакой динамики.

1) *G. Charasoff: «Das System des Marxismus», Berlin, 1910. S. XIX: «Wie sich die Technik in einer kapitalistischen Gesellschaft entwickelt, woher der kapitalistische Profit stammt — all diese grundlegenden Fragen sind sie nicht imstande richtig zu stellen, geschweige denn zu lösen».* Упомянутые «уравнении обмена» Вальраса статичны. Тоже у *Vilfredo Pareto: «Cours d'Economie politique, tome I, Lausanne, 1896, p. 10.*

2) *Josef Schumpeter: «Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie». Leipzig 1908, S. 564: «Sodann sehen wir, dass unser statisches System bei weitem nicht alle wirtschaftlichen Erscheinungen erklärt, nicht z. B. Zins u Unternehmervergewinn...»*

3) «...unsere Theorie, soweit sie fest begründet ist, den wichtigsten Erscheinungen des modernen Wirtschaftslebens versagt» (*ibid., S. 578*).

4) «Weiter versagt sie *jeder* Erscheinung gegenüber, welche sich... nur vom Standpunkt der Entwicklung verstehen lässt. Dahin gehören die Probleme der Kapitalbildung und andere, so besonders das des ökonomischen Fortschritts und der Krisen» (*Ibid., 587*).

Таким образом, оказывается, что новейшая теория буржуазных «гелертеров» пасует перед самыми коренными вопросами, задаваемыми современностью. Гигантское и стремительное накопление капиталов, их концентрация и централизация, неимоверно быстрый технический прогресс, наконец, специфическое капиталистическое явление — цикличность промышленных кризисов, до основания потрясающих всю общественно-хозяйственную систему, — всё это, по признанию Шумпетера, — «книга за семью печатями». И как раз в этой области, где отказывается работать мысль учёного буржуа, теория Маркса сделала особенно много, настолько много, что искалеченные части марксова учения у свирепых врагов марксизма часто считаются последним словом премудрости ¹⁾.

4. Итоги

Мы разобрали 3 неправильных исходных пункта австрийской школы: её субъективизм, неисторичность и точку зрения потребления. Эти три логические черты, которые связаны с тремя основными психологическими чертами буржуа-рантье, влекут с неизбежностью три основных недостатка теории австрийской школы, постоянно повторяющихся в различных частях общей теоретической «системы»: порочные круги, которые связаны с субъективным методом; неумение объяснить специфически исторические формы капитализма, которое вытекает из неисторической точки зрения и, наконец, полное банкротство во всех вопросах экономического развития, банкротство, которое необходимо связано с точкой зрения потребления. Не нужно думать, однако, что все эти «мотивы» действуют независимо друг от друга; как психические, точно так же и логические комплексы являются величинами сложными, где различные элементы переплетаются друг с другом, и где их действие выступает в усиленном или ослабленном виде в зависимости от других сопутствующих элементов.

Поэтому каждая из конкретных ошибок, которые обнаружатся при дальнейшем детальном анализе теории Бём-Баверка, сможет «опираться» не на один, а сразу на несколько «мотивов»

¹⁾ Так обстоит дело с г. Туганом-Барановским, который является «авторитетом» в области теории кризисов.

мышления новых теоретиков рантье. Это не мешает, однако, тому, что из ряда переплетающихся моментов мы выделяем три основных, к сочетаниям которых сводится бесчисленное множество «промахов» Бёма, ясно показывающих полную неспособность буржуазии «конца века» к теоретическому мышлению.

—————

ГЛАВА II

ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ

1. Значение проблемы ценности. 2. Ценность субъективная и объективная; определения. 3. Полезность и ценность. 4. Величина ценности. Единица оценки.

1. ЗНАЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТИ

Основным вопросом политической экономии, начиная с самого её возникновения и до последнего времени, был и есть вопрос о ценности. Все остальные вопросы — о заработной плате, о капитале и ренте, о накоплении капиталов, о борьбе крупного и мелкого производства, о кризисах и т. д. — прямо или косвенно связаны с этим коренным вопросом.

«Учение о ценности стоит, так сказать, в центре всей политико-экономической доктрины» — совершенно справедливо говорит Бём-Баверк¹⁾. Это и понятно. Для товарного производства вообще и товарно-капиталистического производства, детищем которого является политическая экономия, в частности, основной, всеохватывающей категорией служит цена, а следовательно, и её норма — ценность. Товарные цены регулируют распределение производительных сил капиталистического общества, а форма обмена, предполагающая категорию цены, является формой распределения общественного продукта между различными классами.

Движение цен приспособляет предложение товаров к спросу на них, путём повышения или понижения нормы прибыли, в зависимости от чего капиталы переливаются из одной отрасли производства в другую; низкие цены — орудие, которым капитализм прокладывает дорогу и, в конце концов, завоёвывает мир; низкими ценами капитал вытесняет ремесло, а крупное производство одерживает победу над мелким.

В форме *покупки* рабочей силы, то есть в форме ценностного отношения, совершается договор между капиталистом и рабочим — предварительное условие обогащения капиталиста. Прибыль, т. е. денежное, ценностное, а отнюдь не «натуральное», выражение

прибавочного продукта, является движущим мотивом современного общества, и именно на этом основан весь процесс накопления капитала, который разрушает старые формы хозяйственной жизни и в своём развитии резко отличается от них, как совершенно своеобразная историческая фаза хозяйственной эволюции, и т. д., и т. д. Поэтому вопрос о ценности привлекал и привлекает к себе внимание теоретиков-экономистов гораздо более, чем всякий другой вопрос из области политической экономии: Смит, Рикардо, Маркс — клали в основу своих исследований анализ ценности¹⁾. Учение о ценности сделала краеугольным камнем своей доктрины и австрийская школа; поскольку она, с одной стороны, выступала против классиков и Маркса, с другой — создавала свою собственную теоретическую систему, она занималась, главным образом, вопросом о ценности.

И вот, несмотря на то, что ещё Милль считал учение о ценности в основном уже законченным²⁾, оно стоит, действительно, в центре современных теоретических дискуссий. В противоположность Миллю, Бём-Баверк считает, что учение о ценности «было и оставалось одним из самых неясных, самых запутанных и всего менее разработанных отделов экономической науки»³⁾; однако, он надеется, что исследования австрийской школы положат конец такому состоянию науки, ибо «внесена, наконец, в хаотическое брожение идей творческая мысль, от плодотворного развития которой следует ожидать полного и окончательного разъяснения вопроса о ценности»⁴⁾.

¹⁾ «Bei einem Gesellschaftszustande... wo das System der Erwerbstätigkeit gänzlich auf Kaufen und Verkaufen beruht... ist die Frage vom Werte fundamental. Fast jede Ansicht in Bezug auf die commerciellen Interessen einer so constituirten Gesellschaft schliesst irgend eine Theorie des Wertesin sich, der geringste Irrtum in dieser Beziehung verbreitet den entsprechenden Irrtum über alle unsepe anderen Schlussfolgerungen» (*D. Stuart Mill: «Grundsätze der politischen Oekonomie», übers. v. Soetheer. III. Ausg., 1869, Band, S. 10*). Правда, за последнее время стали, с лёгкой руки г. Струве, раздаваться голоса, что проблема ценности вовсе не связана с проблемой распределения, которую Рикардо, напр., считал основной проблемой всей политической экономии (см. «Начала политич. экон.», пер. Рязанова, стр. 2). Такого взгляда держится и г. Туган-Барановский. Но его «теория распределения» есть сплошной аргумент против этого «новшества». У г. Струве вопрос поставлен в логически более чистой форме, которая приводит к невозможности построить теорию распределения. То же у г. Шапошникова (см. его «Теорию ценности и распределения», М. 1912, стр. 11).

²⁾ *D. St. Mill, l. c., S. 100.*

³⁾ Бём-Баверк: «Основы», стр. 13.

⁴⁾ *Ibidem*, 14.

¹⁾ Бём-Баверк: «Основы теории ценности хозяйствен. благ», стр. 13.

В дальнейшем мы постараемся дать должную оценку этой «творческой мысли»; предварительно же мы заметим следующее. Очень часто критики австрийской школы указывают на то, что она «смешивает» ценность и потребительную ценность, что её учение относится скорее к психологии, чем к политической экономии и т. д. Всё это, по существу, верно. Однако, нам кажется, что таких заявлений отнюдь недостаточно: необходимо стать на точку зрения авторов критикуемой теории, понять всю систему в её внутренней связи, а затем уже показать её противоречивость, её несостоятельность, вытекающую из *основных* ошибок. Существует, например, масса различных определений ценности. Определение Бём-Баверка будет самым резким образом отличаться от определения, скажем, Маркса. Но нельзя ограничиться указанием, что Бём-Баверк говорит не о том, о чем следует. Нужно показать, *почему* требуется говорить не об этом — во-первых. А во-вторых, нужно показать, что принятые критикуемой теорией предпосылки или приводят к противоречивым конструкциям, или просто не объясняют, не охватывают ряда важных экономических явлений.

Но где же в таком случае опорный пункт критики? Ведь если само понятие ценности совершенно разнородно у различных направлений, т. е. если ценность Маркса не имеет никаких общих точек соприкосновения с ценностью Бём-Баверка, то как же возможна критика вообще? Здесь нас выручает следующее обстоятельство. Как ни разнообразны, даже подчас противоположны определения ценности, всё же у *всех* есть нечто общее. Этим общим является то, что *ценность мыслится, как норма обмена*, что понятие ценности служит нам для объяснения *цен* ¹⁾. Правда, объяснением одних лишь цен дело не ограничивается, или, вернее, не *должно* ограничиваться, но всё же *непосредственно* теория ценности служит основанием для теории *цен*. Если данное учение о ценности разрешает вопрос о ценах без внутренних

¹⁾ Единственное исключение — теория ценности г. Струве, который сводит ценность к вычисленной статистической средней цен. Но это, в сущности, уничтожение *всякой теории*. С своей стороны, г. Булгаков в «Философии хозяйства» упрекает Маркса в том, что вопрос о труде и его роли переносится последним «с принципиальной высоты в меркантильную практику, на рынок» (100). Эта псевдо-принципиальность — обратная сторона вульгарности. Тот же «критик» пишет: «Полезна ли... общая теория капиталистического хозяйства? Я думаю, что да... Но можно ли признать такую же полезность разных теорий ценности, прибыли, капитала?... Я думаю, что нет...» (289). Глубокомысленный профессор предполагает, что возможна общая теория капитализма *без* теории «ценности, прибыли, капитала».

противоречий, оно является правильным; если этого нет, оно должно быть отвергнуто.

Исходя из этих соображений, мы и приступим к критике Бём-Баверка. В предыдущей главе мы видели, что цены, согласно Бёму, суть результаты индивидуальных оценок. Соответственно этому всё «учение» распадается на две части: первая изучает законы образования индивидуальных оценок — «теория субъективной ценности»; вторая — законы образования их равнодействующей — «теория объективной ценности».

2. ЦЕННОСТЬ СУБЪЕКТИВНАЯ И ОБЪЕКТИВНАЯ. ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Мы знаем, что, согласно воззрениям субъективной школы, основу социально-экономических явлений следует искать в явлениях индивидуальной психологии; по отношению к цене это выразится в том, что анализ цены должен быть сведён к анализу *индивидуальных оценок*. Если сравнить постановку вопроса о ценности у Бёма с постановкой того же вопроса у Маркса, то сразу видна принципиальная разница: у Маркса понятие ценности является выражением *общественной* связи между двумя *общественными* явлениями, производительностью труда и ценами, причём эта связь в капиталистическом обществе (в противоположность простому товарному хозяйству) представляется сложной связью ¹⁾; у Бёма понятие ценности служит выражением связи между *общественным* явлением цены и *индивидуально-психологическим* явлением единичной оценки.

Эта единичная оценка предполагает оценивающего субъекта и оцениваемый объект; результат соотношения между ними и есть субъективная ценность австрийской школы. Субъективная ценность не есть, таким образом, какое-либо свойство вещи: это лишь определённое психическое состояние оценивающего субъекта; если же говорить о вещи, то это будет значение её для данного лица. Итак, «*ценностью в субъективном смысле мы называем то значение, какое имеет известное материальное благо или совокупность известного рода материальных благ для благополучия субъекта*» ²⁾. Таково определение *субъективной ценности*.

¹⁾ Мы разумеем здесь то явление, что цена не совпадают с ценностью и даже непосредственно не колеблются около ценности, а тяготеют к так называемым «производственным ценам».

²⁾ Бём-Баверк: «Основы», стр. 7. То же у К. Менгера: «Der Wert ist... nichty den Gütern Anhaftendesb keine Eigenschaft derselben, sondern vielmehr lediglich jene Bedeutung, welche wir zunächst der Befriedigung unserer Bedürfnisse beziehungsweise

Нечто иное представляет из себя *объективная* ценность Бём-Баверка. «Ценностью в объективном смысле», говорит он, «мы называем... способность вещи давать какой-нибудь объективный результат. В этом смысле существует столько же видов ценности, сколько существует внешних эффектов, на которые мы хотим указать. Существует питательная ценность различных блюд, удобрительная ценность различных удобрительных веществ, эксплозивная ценность взрывчатых веществ, отопительная ценность дров и угля и т. д. Во всех подобных выражениях из понятия ценность изгоняется всякое представление о том, какое значение имеет она для счастья или несчастья субъекта»¹). К подобного же рода нейтральным по отношению к «счастью или несчастью субъекта» объективным ценностям Бём-Баверк относит объективные ценности, носящие экономический характер: «меновую ценность», «доходную ценность», «ценность производства», «наёмную ценность» и проч. Из них наиболее крупное значение имеет *объективная меновая ценность*. «Под меновой ценностью разумеется объективное значение материальных благ в сфере обмена, или, другими словами, когда говорят о меновой ценности материальных благ, то имеют в виду возможность получить в обмен на них известное количество других материальных благ, при чем эта возможность рассматривается, как сила или свойство, присущие самим материальным благам»²). Таково понятие *объективной меновой ценности*.

Последнее определение несостоятельно и по существу и даже с точки зрения последовательно проведённого взгляда самого Бём-Баверка. В самом деле, меновая ценность товара, как его «объективное свойство», ставится здесь на одну доску с физико-химическими свойствами товарных тел; другими словами, «полезный эффект» в *техническом* смысле слова отождествляется с *экономическим* понятием меновой ценности. Это — точка зрения грубого товарного фетишизма, который является отличительным

unserem Leben und unserer Wohlfahrt beilegen und in weiterer Folge auf die ökonomischen Güter, als die ausschliessenden Ursachen derselben, übertragen». («Grundsätze der Volkswirtschaftslehre», Wien, 1871, S. 81, Fussnote) — «Der Wert ist ein Urtheil» (ibid, S. 86). Ср. Wieser: «Ursprung des Wertes», S. 79: «Ценность есть человеческий интерес, мыслимый, как состояние внешнего предмета».

¹ Бём-Баверк: «Основы», стр. 8. Ср. также Böhm-Bawerk: «Kapital und Kapitalzins», II, III Auflage, Innsbruck, 1909, S. 214). Последний курсив принадлежит нам.

² Ibid, стр. 9. Иная терминология у К. Менгера. См. его «Grundsätze» S. 214–12.

признаком вульгарной политической экономии, ибо в действительности «товарная форма и отношение ценности продуктов, в котором она проявляется, не имеют абсолютно ничего общего с их физической природой и вытекающими из неё вещными отношениями»¹). С точки зрения самого Бём-Баверка нельзя, в сущности, утверждать того, что он утверждает. Если объективная ценность есть результат субъективных оценок, то она *не может* быть поставлена на одну доску с физико-химическими свойствами вещей; наоборот, она принципиально отлична от последних: в ней не может быть «ни атома материи», ибо она происходит и складывается из нематериальных элементов, каковыми являются индивидуальные оценки различных «хозяйствующих субъектов». Как это ни странно, но здесь приходится констатировать, что чистый «психологизм», который так характерен для австрийской школы и для Бём-Баверка, может ужиться с вульгарным ультра-материалистическим фетишизмом, взглядом по существу дела совершенно наивным и некритическим. Протестуя против понимания *субъективной* ценности, как чего-то присущего вещи самой по себе, вне зависимости от оценивающего субъекта, Бём-Баверк, при определении *объективной* ценности, приравнивает последнюю к нейтральным по отношению к «счастью или несчастью субъекта» техническим свойствам вещей, совершенно забывая, что в таком случае не может быть той генетической связи между субъективной и объективной ценностью, какая предполагается его же собственной теорией²).

¹ К. Маркс, «Капитал», т. I. стр. 29, пер. Струве.
² По поводу этого Neumann замечает: «...ob in Analogie zum Kauf und zum Ertragswerte in unserer Wissenschaft auch von Heiz-Nähr-Düngwert etc. gesprochen werden darf, ist strittig» («Wirtschaftliche Grundbegriffe», «Handbuch der Pol. Oeck.» hg. von Schönberg, IV Aufl., I. Band, S. 169). Решительнее выражается J. Lehr: он протестует против такого смешения и говорит, что политическая экономия не должна «aus dem Auge verlieren, dass der Wert immer für und durch den Menschen existiert» (Conrads «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», N. F., 19 Band, 1889, S. 22). Ср. также H. Ditzel: «Theoretische Sozialökonomik» S.S. 213, 214. Среди буржуазных учёных и их подголосков считается признаком хорошего тона указывать, что Маркс в своей теории ценности соорудил грубую механически-материалистическую стряпню. Однако, есть материализм и материализм. Материализм Маркса, поскольку он проявляется в его экономической системе, не только не приводит к товарному фетишизму, но, наоборот, делает впервые возможным его преодоление. В частности, ценность у Маркса есть одна из «получивших общественное признание и, следовательно, объективных мыслительных форм данного способа производства» («Капитал», I, 32). Но «объективный» здесь отнюдь не значит «физический»: это такая же физическая вещь, как, напр., язык. Ср. стр. 30 I тома «Капитала», также Stolzmann: «Der Zweck...» S. 58.

Итак, перед нами две категории ценности; из них первая является величиной основной, вторая — производной. Поэтому нам придётся прежде всего заняться разбором теории субъективной ценности. Эта часть теории к тому же является именно той её частью, где были сделаны наиболее оригинальные попытки обосновать учение о ценности на новом базисе.

3. ПОЛЕЗНОСТЬ И ЦЕННОСТЬ (СУБЪЕКТИВНАЯ)

Для австрийской школы «руководящим понятием является полезность» ¹⁾; в то время, как у Маркса полезность является лишь *условием* для возникновения ценности и не играет никакой роли в образовании той или иной величины её, у Бём-Баверка ценность *выводится* из полезности, служит её непосредственным проявлением ²⁾.

Бём-Баверк различает, однако (по его мнению, в противоположность старой терминологии, для которой полезность и потребительная ценность якобы всегда были синонимами), полезность *вообще* и *ценность*, которая является, так сказать, квалифицированную полезностью. «Отношение к человеческому благополучию, — говорит Бём-Баверк, — может выражаться в двух существенно различных формах. Низшую форму мы имеем тогда, когда данная вещь обладает вообще *способностью* служить для человеческого благополучия. Напротив, для высшей формы требуется, чтобы данная вещь являлась не только причиной, но вместе с тем и *необходимым условием* человеческого благополучия... Низшая форма называется *полезностью*, высшая — *ценностью*» ³⁾.

¹⁾ W. Sombart: «Zur Kritik des ökonomischen Systems von K. Marx» Braun's Archiv B. VII, S. 592.
²⁾ На этом основании многие эклектики считают, что теория классиков и Маркса отнюдь «не противоречит», а «лишь дополняет» теорию австрийцев. Ср., напр., Dietzel «Theoretische Sozialökonomik», Leipzig, 1895, S. 23). Эти господа не понимают даже того, что у Маркса нет, вообще, понятия, аналогичного субъективной ценности австрийцев. (Об этом см. превосходную брошюру R. Hilferding'a «Böhm-Bawerks Marx-Kritik», Wien 1904, S. 52, 53 u. passim). Особенно забавен г. Туган-Барановский, который в своих «Основах» устанавливает закон пропорциональности между трудовой стоимостью, которая имеет смысл только по отношению ко всему обществу и абсолютно неприменима к отдельному хозяйству, и предельною полезностью, которая, наоборот, «пригодна» для оценок индивидуума и лишена (даже с точки зрения Бёма) смысла по отношению к «народному хозяйству».
³⁾ Бём-Баверк, «Основы», стр. 15. Это положение особенно важно для австрийцев. «Ihr (т. е. теория предельной полезности) Eckstein ist die Unterscheidung

Это различие иллюстрируется двумя примерами: в первом — перед нами «человек», сидящий «у обильного источника пригодной для питья воды»; во втором — «другой человек, который путешествует по пустыне». Ясно, что стакан воды будет иметь различное «значение для благополучия». В первом случае он отнюдь не является «необходимым условием», во втором же случае полезность выступает в своей «высшей» форме, так как потеря каждого стакана из запаса нашего путника может отразиться на нём весьма внушительно.

Отсюда вытекает такая формулировка относительно «происхождения ценности». «Ценность материальные блага приобретают тогда, когда имеющийся налицо запас материальных благ этого рода оказывается настолько незначительным, что для удовлетворения соответствующих потребностей его или не хватает вовсе, или же хватает в обрез, так что, если отбросить ту часть материальных благ, об оценке которой именно и идёт дело в том или ином случае, то известная сумма потребностей должна будет оставаться без удовлетворения» ¹⁾.

zwischen Nützlichkeit im Allgemeinen und demjenigen ganz bestimmten, konkreten Nutzen, der in einer gegebenen wirtschaftlichen Sachlage von der Verfügung über das zu schätzende bestimmte Gut abhängt» (Böhm-Bawerk, «Der letzte Massstab des Güterwertes», Zeitschrift für Volksw., Soz.-pol. u. Verw., III., S. 187).
¹⁾ Бём-Баверк, «Основы...» стр. 22. «Все блага имеют полезность, но не все блага имеют ценность. Чтобы возникла ценность, к полезности должна присоединиться также и *редкость* (Seltenheit); не абсолютная, а относительная редкость по сравнению со спросом на блага данного рода» (Böhm-Bawerk, «Kapital», II, S. 224). То же у Menger'a: «Ist nämlich der Bedarf an einem Gute grösser, als die verfügbare Quantität desselben, so steht zugleich fest, dass, nachdem ein Theil der bezüglichen Bedürfnisse ohnehin wird unbefriedigt bleiben müssen, die verfügbare Quantität des in Rede stehenden Gutes um keine irgend wie praktisch beachtenswerthe Theilquantität verringert werden kann, ohne dass hierdurch irgend Bedürfniss, für welches bis dahin vorgesorgt war, nicht, oder doch nur minder vollständig befriedigt werden könnte, als dies ohne den Eintritt der obigen Eventualität der Fall sein würde». (K. Menger, «Grundsätze», S. 77).
Творцы теории предельной полезности никоим образом не имеют права утверждать, что это положение выдуманно ими. Уже у графа Beppu (ср. Comte de Verri, «Economie politique etc.», Paris, an VIII), мы находим его, правда, в объективированной форме: «Quels sont donc les éléments qui constituent le prix? Il n'est certainement point basé sur la seule utilité. Pour nous en convaincre, il suffit de réfléchir que l'eau, l'air, et la lumière du soleil n'ont aucun prix, et cependant y a-t-il rien de plus utile et de plus nécessaire?... donc l'utilité simple et pure d'une chose ne suffit pas pour lui en donner. Néanmoins la seule rareté lui en donne» (14). «Deux principes reunis constituent le prix des choses: le besoin et la rareté» (15). То же у Condillac'a («Le Commerce et le gouvernement etc». Paris, an III, t. I. 1795). Но Кондильяк ставит вопрос в субъективной формулировке («nous estimons»,

Итак, в основу анализа товарных цен — ибо всякая теория ценности служит ближайшим образом для объяснения цен — кладётся «квалифицированная полезность» благ, т. е. как раз то, что Маркс исключает из своего анализа, как не относящуюся к делу величину.

Рассмотрим этот вопрос ближе. Мы не должны забывать, что поле зрения австрийской школы — это мотивы хозяйствующих субъектов в их «чистом», т. е. наиболее простом виде. «Наша задача — пишет сам Бём-Баверк — и должна именно заключаться в том, чтобы отразить как бы в зеркале житейскую практику казуистических решений и возвести те правила, которыми инстинктивно с такой уверенностью владеет простой человек-практик, на степень столь же верных, но уже вместе с тем и сознательных, научных принципов»¹⁾. Посмотрим, как отражает «житейскую практику» теоретическое «зеркало» главы новой школы.

Современный способ производства характеризуется, прежде всего, тем, что это есть производство на рынок, а не для собственного потребления. Он является конечным звеном цепи различных производственных форм, где развитие производительных сил и соответствующее ему развитие меновых отношений разрушили прежнюю натурально-хозяйственную систему и создали совершенно новые экономические явления. Можно различать три стадии этого процесса превращения натурального хозяйства в товарно-капиталистическое.

На первой стадии центр тяжести лежит в производстве на себя, на рынок поступают лишь «излишки продуктов»; эта стадия характерна для начальных форм развития меновых отношений. Постепенно рост производительных сил и обострение конкуренции приводят к перемещению центра тяжести в сферу

«nous jugeons»; «cette estime est ce que nous appelons valeur» и т. д.). «La valeur des choses croît donc dans la rareté et diminue dans l'abondance. Elle peut, même dans l'abondance diminuer au point de dernier nulle» (р. 6, 7). У Вальраса-отца (M. Auguste Walras, «De la nature de la richesse et de l'origine de la valeur», Paris, 1831) элемент редкости связан с элементом собственности, что, в свою очередь, поставлено в зависимость с обменоспособностью и ценностью (объективной) вещи (они «sont naturellement bornés dans leur quantité»). Leon Walras («Principes d'une théorie mathématique de réchange») даёт чрезвычайно резкую формулировку: «Ce n'est donc pas l'utilité d'une chose qui fait la valeur, c'est la rareté» (см. стр. 44, 149 и сл.). Vilfredo Pareto («Cours d'Econ. politique», tome I, Laus., 1896) вместо «utilité» вводит термин «ophelimité» (от греческого *οφελιμος*), потому что «полезность» противоположна «вреду» и для политической экономии могут быть и «вредные полезности» (табак, алкоголь и т. д.).

¹⁾ Бём-Баверк, «Основы», стр. 34.

производства на рынок. Внутри хозяйства потребляется лишь незначительная часть общего количества производимых продуктов (такого рода отношения часто приходится наблюдать теперь в земледелии, в области крестьянского хозяйства). Но процесс развития на этом не останавливается; общественное разделение труда прогрессирует и, наконец, достигает такого пункта, когда *типичным становится массовое производство на рынок, причём внутри хозяйства производимые им продукты не потребляются совсем.*

Каковы же те изменения в мотивах хозяйствующих субъектов, в их «житейской практике», которые должны были происходить параллельно этому процессу?

Кратко на это можно ответить так: уменьшается значение субъективных оценок, основанных на полезности. Вначале «man stellt (um in heutiger Terminologie zu sprechen) noch keine Tauschwerte her (die rein quantitativ bestimmt sind), sondern ausschliesslich Gebrauchsgüter, also qualitativ unterschiedliche Dinge»¹⁾. Наоборот, на более поздних степенях развития годится пословица: «der gute Hausvater soll mehr bedacht sein auf den Profit und die lange Dauer der Sachen, als auf eine momentale Befriedigung und gegenwärtigen Nutzen»²⁾.

В самом деле. Натуральное хозяйство предполагает, что производимые им «блага» имеют *для него* потребительную ценность; на следующей стадии перестаёт иметь значение потребительная ценность «излишка»; дальше уже *большая часть* производимых продуктов не оценивается субъектом хозяйства по её полезности, так как последняя для него не существует; наконец, на последней стадии *весь* производимый единичным хозяйством продукт не представляет *внутри* хозяйства никакой «полезности». Таким образом, *типичным становится полное отсутствие основанных на полезности оценок благ со стороны производящих их хозяйств*³⁾. Но не нужно думать, что так обстоит дело лишь с

¹⁾ W. Sombart, «Der Bourgeois», S. 19 («не производят — если говорить в теперешней терминологии — никаких меновых ценностей, которые определяются чисто количественно, — но исключительно потребительные блага, следовательно, качественно различные вещи»).

²⁾ Ibidem, 150. Курсив наш («хороший домохозяин должен больше думать о *прибыли* и о длительности вещей, чем о моментальном *удовлетворении* и текущей *полезности*»).

³⁾ Это должен был признать, в конце концов, и сам Бём-Баверк. В «Основах» он формулирует данное положение довольно своеобразно, а именно, он утверждает, что при разделении труда оценки продавцов «в большинстве случаев бывают крайне низки» (184, 185. Курсив наш). Ср. «Positive Theorie»: «Heutzutage

продавцами. Не лучше обстоит оно и с *покупателями*. Это особенно ясно проявляется при анализе оценок торговцев. Ни один торговец, начиная с самого крупного оптовика и кончая самым мелким разносчиком, не думает вовсе о «полезности» или о «*потребительной* ценности» своих товаров. В его психике просто *нет* того материала, который тщетно старается разыскать Бём-Баверк. Несколько сложнее обстоит дело с покупателями, покупающими продукты потребления (о средствах производства речь будет ещё впереди) для себя. Но и тут нельзя идти по пути, предложенному Бём-Баверком. Ибо каждая «хозяйка» в своей «практике» исходит от установившихся цен — с одной стороны, и суммы имеющихся в распоряжении денег — с другой. Только в этих пределах может происходить известная расценка по полезности. Если за некоторое количество денег можно купить *x* товаров А, или *y* товаров В, или *z* товаров С, то всякий отдаёт предпочтение тому товару, который для него наиболее полезен. Но такая оценка предполагает рыночные *цены*. Далее. Оценка каждого данного товара опять-таки отнюдь не определяется его полезностью. Яркий пример — средства существования. Ни одна хозяйка, отправляющаяся на базар, не оценивает хлеба по бесконечно большой субъективной ценности; наоборот, её оценка колеблется около установившейся уже на рынке *цены*; то же происходит и со всяким другим товаром.

Таким образом, изолированный человек Бём-Баверка (всё равно, сидит ли он у ручья или путешествует «по раскалённой пустыне») перестаёт быть, с точки зрения «хозяйственных мотивов», соизмеримым не только с капиталистом, предлагающим свои товары, или торговцем, покупающим для продажи, но и с простым покупателем, поставленным в условия товарно-денежного хозяйства, независимо от его функции в качестве капиталиста или торговца. А отсюда следует, что в основу анализа цен нельзя положить понятие «*потребительной ценности*» (Маркса) или «*субъективной потребительной ценности*» (Бём-Баверка). Точка зрения последнего самым резким образом

finden... die meisten Verkäufe durch berufsmässige Produzenten und Händler statt, die von ihrer Ware einen für ihre persönlichen Bedürfnisse ganz unverwendbaren Ueberfluss besitzen. Infolge davon steht für sie der subjective Gebrauchswert ihrer eigenen Ware meistens ganz nahe an Null; dadurch sinkt weiter ihre «Shätzungsziffer»... gleichfalls nahezu auf Null» («Kapital und Kapitalzins», Band II, Teil I, S. 405–406). Но и эта формулировка неправильна, ибо оценка продавцов *совершенно* не базируется на полезности (она не «близка», а *равна* нулю) и лежит в совершенно иной плоскости.

противоречит действительности, объяснить которую Бём-Баверк берётся.

Наш вывод, что в основу анализа *цен* нельзя положить анализ потребительной ценности, справедлив и по отношению к тому периоду товарного производства, когда на рынок сбывается не весь продукт, а «излишек продукта», так как речь идёт не о ценности потребляемого в пределах хозяйства, а как раз о ценности этого «излишка»; цены образуются из оценок *товаров*, а не просто продуктов; субъективные же оценки потребляемого внутри хозяйства продукта не имеют влияния на образование товарных цен. Поскольку же продукт становится товаром, потребительная ценность перестаёт играть свою прежнюю роль ¹⁾. «Что этот товар полезен для других, есть лишь предпосылка его обменоспособности, но потребительная ценность моего товара, как бесполезного для меня, отнюдь не является и *масштабом* моей индивидуальной оценки, не говоря уже о масштабе объективной величины ценности» ²⁾.

С другой стороны, оценка продукта по его *меновой* ценности захватывает, при достаточно развитом обмене, даже ту часть продукта, которая входит в сферу потребления самого производителя. Как очень хорошо говорит В. Лексис, «в денежно-хозяйственной меновой системе вообще все блага рассматриваются и высчитываются, как *товары*, даже если они предназначены для собственного потребления производителя» ³⁾.

Однако, потеря потребительной ценностью её прежней роли проявляется особенно ярко при массовом производстве на рынок, когда *весь* продукт выбрасывается в сферу обращения, потому что здесь субъективная оценка по полезности самым видимым образом исчезает по отношению ко всему производимому данным хозяйством продукту.

Отсюда становится понятным стремление Бём-Баверка изобразить современную социально-хозяйственную организацию,

¹⁾ «...характерным для менового отношения товаров является именно его независимость от потребительных ценностей» (К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 3, пер. Струве).

²⁾ «Dass diese Ware für andere nützlich, ist Voraussetzung für ihre Austauschbarkeit, aber als für mich nutzlos, ist der Gebrauchswert meiner Ware kein *Massstab* auch nur meiner individuellen Wertschätzung, geschweige den *Massstab* für eine objektive Wertgrösse» (R. Hilferding, «Böhm-Bawerks Marx-Kritik», S. 5).

³⁾ W. Lexis, «Allgemeine Volkswirtschaftslehre», 1910, S. 8: «Überhaupt werden in dem geldwirtschaftlichen Tauschsystem alle Güter als *Waren* angesehen und verrechnet, auch wenn sie für den eigenen Bedarf des Produzenten bestimmt sind».

как *неразвитое* товарное производство. «При господстве производства, основывающегося на разделении труда и обмене, в продажу поступает в большинстве случаев избыток продуктов»¹⁾; при современной организации труда «каждый производитель производит лишь некоторые продукты, но производит их в количестве, превышающем его собственные потребности в них»²⁾. Так описывает Бём капиталистическое «народное хозяйство». Подобное описание не выдерживает, конечно, никакой критики; но оно снова всплывает у тех писателей, которые хотят построить теорию ценности на базисе полезности. О Бёме поэтому можно слово в слово сказать то же самое, что сказал Маркс о Кондильяке: «Мы видим, что Кондильяк не только смешивает потребительную и меновую ценности, но, поистине ребячески, на место общества с развитым товарным производством подставляет такое общество, где производитель сам производит свои средства существования, а в обращение пускает только излишек над своим потреблением»³⁾.

Итак, Маркс был вполне прав, отвергая потребительную ценность как основу для анализа цен. Наоборот, одна из коренных ошибок австрийской школы лежит в том, что «руководящий принцип» её теории не имеет ничего общего с современной капиталистической действительностью⁴⁾. Это, как мы увидим ниже, не может не отразиться на всём дальнейшем построении.

¹⁾ *Бём-Баверк*, о. с., стр. 53.
²⁾ *Ibidem*, стр. 143.
³⁾ *К. Маркс*, «Капитал», т. I, стр. 95. Остроумно высмеял эту теорию *Лассаль*. «Г. Борзиг, конечно, производит машины сперва для нужды своей собственной семьи, излишние машины он затем продаёт. Магазины, изготовляющие траурные платья, работают прежде всего на случай смерти кого-либо из домашних. Но так как эти случаи бывают чересчур редки, то остаток траура они выменивают. Господин Вольф, владелец здешнего телеграфного бюро, получает телеграммы, главным образом, для своего личного удовольствия и поучения. Телеграммы, остающиеся лишними после того, как он ими достаточно наслаждался, он отдаёт биржевым волкам и газетным редакциям, которые в обмен на это, в свою очередь, снабжают его своими газетными корреспонденциями и акциями». *F. Lassale*, «Kapital und Arbeit». — У родоначальника «математиков» (*L. Walras*) исходным пунктом является тоже обмен излишков («Principes d'une théorie mathématique» etc).
⁴⁾ В своём «Капитале» Бём-Баверк называет аргументацию Маркса в этом пункте «ложной». Здесь, по его мнению, «смешивают отвлечение от какого-либо обстоятельства вообще с отвлечением от тех специальных форм, в которых выступает это обстоятельство» (*Е. Бём-Баверк*, «Капитал и прибыль», «История и критика теорий процента на капитал», пер. под ред. Туган-Барановского. СПб., 1909, стр. 483). На это совершенно справедливо возражает *R. Hilferding*: «Wenn ich von der speziellen Modalität, unter der der Gebrauchswert erscheinen mag

4. ВЕЛИЧИНА ЦЕННОСТИ. ЕДИНИЦА ОЦЕНКИ

Чем же определяется величина субъективной ценности? Другими словами, от чего зависит та или иная высота индивидуальной оценки «блага»? В ответе на этот вопрос и заключается, главным образом, то «новое слово», которое было сказано представителями австрийской школы и её «заграничными» сторонниками.

Так как полезность какой-нибудь вещи есть её способность удовлетворять ту или иную потребность, то, естественно, необходим некоторый анализ потребностей. Здесь следует, согласно учению австрийской школы, иметь в виду, во-первых, *разнообразие* потребностей, во-вторых, *напряжённость* потребностей в пределах *одного* какого-либо их вида. Различные потребности можно расположить по степени их возрастающей или убывающей важности для «благополучия субъекта»; с другой стороны, напряжённость потребности определённого вида зависит от степени её насыщения: чем более она удовлетворена, тем менее она «настоятельна»¹⁾.

На основании этих соображений и была построена Карлом Менгером знаменитая «шкала потребностей», которая, в том или

also vom Gebrauchswert in seiner Konkretheit, abstrahiere, habe ich *für mich* vom Gebrauchswert überhaupt abstrahiert... Es hilft nichts, zu sagen, der Gebrauchswert bestünde nun in der Fähigkeit dieser Ware, gegen andere Waren ausgetauscht werden zu können. Den das heisst, dass die Grösse des «Gebrauchswertes» jetzt gegeben ist durch die Grösse des Tauschwertes, nicht die Grösse des Tauschwertes durch die Grösse des Gebrauchswertes» (I. c., S. 5). Подробно об этом обстоятельстве ниже, при анализе «субституционной ценности».
¹⁾ В этом и состоит так называемый «закон Госсена». Последний формулирует его таким образом:
«I. Die Grösse eines und desselben Genusses nimmt, wenn wir mit Bereitung des Genusses ununterbrochen fortfahren, fortwährend ab, bis zuletzt Sättigung eintritt.
II. Eine ähnliche Abnahme der Grösse des Genusses tritt ein, wenn wir den früher bereiteten Genuss wiederholen, und nicht bloss, dass bei wiederholter Bereitung die ähnliche Abnahme eintritt, auch die Grösse des Genusses bei seinem Beginnen ist eine geringere, und die Dauer, während welcher etwas als Genuss empfunden wird, verkürzt sich bei der Wiederholung, es tritt früher Sättigung ein, und beides, anfängliche Grösse sowohl wie Dauer, vermindern sich um so mehr, je rascher die Wiederholung erfolgt» (*Hermann Gossen*, «Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs und der daraus fließenden Regeln für menschliches Handeln», Braunschweig, 1854, S. 5). По поводу этих законов *Fr. Wieser* говорит: «das gilt von allen Regungen, vom Hunger bis zur Liebe». («Der natürliche Wert», Wien, 1889, S. 9).

ином виде, фигурирует во всех сочинениях, касающихся вопроса о ценности с точки зрения новой школы. Приводим таблицу в том виде, в каком она имеется у Бём-Баверка.

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
9	9	.	.	.	.	.	.	.	.	.
8	8	8	.	.	.	.	.	.	.	.
7	7	7	7	.	.	.	.	.	.	.
6	6	6	6	6	6	.	.	.	.	.
5	5	5	5	5	5	5	.	.	.	.
4	4	4	4	4	4	4	4	.	.	.
3	3	3	3	3	3	3	3	3	.	.
2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	.
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Вертикальные ряды, отмеченные римскими цифрами, обозначают здесь различные виды потребностей, начиная с наиболее важной; цифры же в пределах каждого вертикального ряда иллюстрируют уменьшение настоятельности данной потребности по мере её насыщения.

Из таблицы, между прочим, видно, что конкретная потребность более важной категории может быть по своей величине ниже конкретной потребности менее важной категории, в зависимости от степени удовлетворения. «Насыщение» в вертикальном ряду ¹⁾ может понизить величину потребности I до 3, 2, 1,

¹⁾ Перерывы в вертикальн. рядах касаются потребностей, «где последовательное удовлетворение по частям окажется... либо не вполне возможным, или же совсем невозможным...» (Бём-Баверк, I. с., 40). Предположение о непрерывности функции полезности само по себе допустимо, так как, «что вполне справедливо лишь по отношению непрерывных функций, то справедливо как приближение по отношению к функциям прерывного характера» (И. Шапошников, I. с., стр. 9).

У Л. Вальраса мы находим математическое выражение того же, но в объективированной форме («кривые цены» в зависимости от спроса и предложения). Гораздо более разработанную объективированную формулировку «уменьшения настоятельности данной потребности по мере её насыщения» мы находим у «американцев». Упомянутый Carver определяет полезность, как способность удовлетворять потребности, ценность — как обменоспособность («Utility is the power to satisfy a want or gratify a desire; but value is always and only the power to command other desirable things in peaceful and voluntary exchange» — p. 3); цена, по Карверу, есть выражение ценности в деньгах. Ценность варьирует в зависимости от полезности («utility») и относительной редкости («scarcity»). При этом Карвер ясно говорит о потребностях не оценивающего индивидуума,

тогда как в то же время, при слабой насыщенности в ряду VI, величина этой абстрактно менее важной потребности конкретно может держаться на цифре 4 или 5 ¹⁾.

Чтобы решить теперь вопрос, какой конкретной потребности соответствует данная вещь (ибо этим и определяется субъективная её оценка по полезности), «мы просто-напросто должны посмотреть, какая именно потребность осталась бы без удовлетворения, если бы не существовало оцениваемой вещи; это и будет та потребность, которую нам нужно определить» ²⁾.

Пользуясь этим методом «лишения», Бём-Баверк приходит к такому результату: так как всякий предпочитает оставить неудовлетворённой наименьшую из подлежащих удовлетворению потребностей, то оценка выпавшего блага будет определяться наименьшей потребностью, которую оно (это благо) может удовлетворить. «Величина ценности материального блага определяется важностью той конкретной потребности (или частичной потребности), которая занимает последнее место в ряду потребностей, удовлетворяемых всем наличным запасом материальных благ данного рода»; или, короче, «ценность вещи измеряется величиной предельной пользы этой вещи» ³⁾. Это и есть знаменитое положение всей школы, откуда и самая теория получила название «теория предельной полезности», тот всеобщий принцип, из которого выводятся все остальные «законы».

Вышеописанный способ определения ценности предполагает определённую единицу оценки. В самом деле, величина ценности есть результат измерения; всякое же измерение предполагает определённую единицу меры. Как же обстоит дело у Бём-Баверка в этом отношении?

а общества («wants of the community», стр. 13). Закон «насыщения» у Карвера называется principle of «diminishing utility» (стр. 15). При этом Карвер выдвигает social standpoint («общественную точку зрения», стр. 17). «Падающая полезность» берётся как общественная категория (18). Политическая экономия рантье тут ясно переходит в политическую экономию организаторов треста.

¹⁾ «Die Grösse des Bedürfnisswertes... hängt von der Art des Bedürfnisses, sie hängt aber innerhalb der einzelnen Art wieder von dem jeweils erreichten Grade der Sättigung ab». (Wieser, I. с., 6).

²⁾ Бём-Баверк, Ibid, стр. 42.

³⁾ Термин «предельная полезность» (Grenznutzen) был введён впервые Визером в книге: «Ueber den Ursprung... des Wertes». Этому термину у Госсена соответствует: — «Wert des letzten Atoms», у Джевонса — «final degree of utility», «terminal utility», у Вальраса — «intensité du dernier besoin satisfait (rareté)». Ср. Wieser, «Der natürliche Wert». Визер предлагает пользоваться не методом «лишения», а методом «приращения». По существу, это различие большого значения не имеет.

Здесь австрийская школа наталкивается на чрезвычайно важное затруднение, из которого она до сих пор не выбралась, да и не сможет выбраться. Прежде всего, следует иметь в виду ту колоссальную роль, которую играет выбор единицы с точки зрения Бёма. «Наша оценка, — говорит последний, — одного и того же рода материальных благ, в одно и то же время, при одних и тех же условиях, может принимать различный вид единственно в зависимости от того, оцениваем ли мы лишь отдельные экземпляры или же более значительные количества этих материальных благ, принимаемых за цельную единицу» ¹⁾. При этом, в зависимости от выбора единицы оценки, не только будет колебаться величина ценности, но может быть поставлен вопрос и относительно самой ценности вообще, её существования. Если (пример Бёма) сельскому хозяину нужно 10 гектолитров воды в день, а их у него имеется 20, то гектолитр не представляет никакой ценности; напротив, если за единицу мы примем величину, большую 10 гкл., тогда эта величина будет обладать ценностью. Таким образом, само явление ценности будет зависеть от выбора единицы. В связи с этим стоит и другое явление. Предположим, что у нас имеется ряд благ, предельная полезность которых падает по мере возрастания их количества; пусть эта падающая полезность выразится цифрами 6, 5, 4, 3, 2, 1. Если у нас имеется 6 единиц данного блага, то величина ценности каждого из них будет определяться предельной полезностью этой именно единицы, т. е. будет равна 1; если мы примем теперь за единицу совокупность двух прежних единиц, то предельная полезность каждой из этих двойных единиц будет не 1×2, а 1+2, не 2, а 3; ценность трёх единиц будет не 1×3, а 1+2+3, т. е. не 3, а 6 и т. д.; другими словами, «оценка более значительных количеств благ не находится в соответствии с оценкой одного экземпляра этих же самых материальных благ» ²⁾. Итак, единица

¹⁾ Бём-Баверк, «Основы», стр. 24.
²⁾ Ibid., стр. 52. Визер в данном пункте не соглашается с Бёмом. «Ein Vorrat überhaupt hat einen Wert, der gleichkommt dem Produkte der Stückanzahl (oder der Anzahl von Teilmengen) mit dem jeweiligen Grenznutzen» («Der natürliche Wert», S. 24). Вот схема Визера. Пусть наибольшая пред. полезность (т. е. предельная полезность единицы блага, когда весь запас = этой единице) будет 10; увеличивая количество благ до 11, получим ценность запаса «bei einem Besitze von

1	2	3	4	5	
Gütern					
gleich	1×10	2×9	3×8	4×7	5×6
oder	10	18	24	28	30
	Werteinheiten				

оценки играет здесь существенную роль. Какова же эта единица? На сей вопрос Бём-Баверк (да и другие «австрийцы») определённого ответа дать не могут ¹⁾. Сам Бём возражает на вышеприведённое указание следующим образом: «Это возражение, — говорит он, — мы считаем неосновательным. Дело в том, что единицу оценки люди совсем не могут выбирать по своему произволу, нет, в тех же самых внешних обстоятельствах... находят они и принудительные требования относительно того, какое именно количество... нужно принять при оценке за единицу» ²⁾, Однако, ясно, что эта определённость единицы может существовать, главным образом, в тех случаях, когда обмен является случайным, нетипичным для хозяйственной жизни. Наоборот, при развитом товарном производстве его агенты как раз не чувствуют на себе давления принудительных норм при выборе «единицы оценки». Промышленный капиталист, сбывающий свой холст, крупный торговец-оптовик, покупающий и продающий его, целый ряд посредников мелкого калибра, — все они могут измерять свой товар и аршинами, и вершками, и кусками (т. е. совокупностью аршин, принятых за единицу), причём во всех этих случаях никакого «различного вида» их оценка принимать не будет. Они могут «лишаться» своих товаров (современная продажа и есть регулярный процесс выпадения товаров из производящего их или просто владеющего ими хозяйства), и им совершенно безразлично, какой физический масштаб будет приложен для измерения проданных «благ». То же явление мы наблюдаем и при анализе мотивов покупателей, покупающих товар для собственного потребления. Дело объясняется в высшей степени просто: оценки современных «хозяйствующих субъектов»

und bei	6	7	8	9	10	11		Gütern
gleich	6×5	7×4	8×3	9×2	10×1	11×0		
oder	30	28	24	18	10	0		Werteinheiten

» (ibid., 27).

С этой точки зрения весь «запас» не представляет никакой ценности, начиная с известного количества благ. Однако, это противоречит всей теории и определению субъективной ценности. В самой деле, взяв всю сумму благ в качестве единицы, мы лишаемся возможности удовлетворения всех потребностей, связанных с данным благом. Ср. Бём-Баверк, «Основы», стр. 27, 28, также «Kapital und Kapitalzins», II, I, S. 257, 258, Fussnote.

¹⁾ См. о неопределённости «единицы» у G. Cassel'я, «Die Produktionskostentheorie Ricardo's und die ersten Aufgaben der theoretischen Volkswirtschaftslehre» («Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», Band 57, S. 95, 96). Здесь же и критика K. Wicksell'я, который старался ответить на этот вопрос. См. K. Wicksell, «Zur Verteidigung der Grenznutzenlehre», там же, 56 Jahrgang, S. 577, 578.

²⁾ Бём-Баверк, о. с., стр. 26.

зависят от рыночных цен, а на *рынке* цены отнюдь не зависят от выбора единицы.

Сюда присоединяется и другое обстоятельство. Выше мы видели, что ценность совокупности единиц по Бёму отнюдь *не* равна ценности единицы, помноженной на их число. Если у нас имеется ряд 6, 5, 4, 3, 2, 1, то ценность 6 единиц (всего «запаса») будет равна сумме 1+2+3+4+5+6. Это вполне логичный вывод из основных посылок теории предельной полезности. Но это не мешает данному положению быть абсолютно неверным. И опять здесь виноваты исходные пункты теории Бём-Баверка, его пренебрежительное отношение к социально-историческому характеру экономических явлений. В самом деле, ни один агент современного производства и обмена — ни продавец, ни покупатель — не высчитывает ценности «запаса», т. е. определённой совокупности благ, по бём-баверковскому методу. Теоретическое зеркало главы новой школы не только искажает здесь «житейскую практику»: его «отражения» просто *не имеют* соответствующих *фактов*. Для всякого продавца N единиц стоят в N раз больше одной единицы, то же явление наблюдается и по отношению к *покупателям*. «Для фабриканта пятидесятая прядильная машина на его фабрике имеет то же самое значение и ту же самую ценность, что и первая, а общая ценность всех 50 равна не 50+49+48...+2+1 = 1 275, а просто-напросто 50×50 = 2 500» ¹⁾. Однако, несоответствие между «теорией» Бёма и «практикой» так разительно, что сам Бём должен был так или иначе затронуть вопрос. Вот что он пишет по этому поводу: «В нашей обыденной... жизни далеко не часто приходится наблюдать описанную выше казуистическую особенность (т. е. отсутствие пропорциональности между ценностью суммы и ценностью единицы. *Н. Б.*). Происходит это оттого, что при господстве производства, основывающегося на разделении труда и обмене, в продажу поступает в большинстве случаев (!) избыток (!!) продуктов, совсем не предназначенный для удовлетворения личных потребностей собственника...» ²⁾. Прекрасно. Но беда вот в чем. Если эта

¹⁾ Will. Scharling, «Grenznutzentheorie und Grenznutzenlehre», Conrad's Jahrbücher, III Folge, 27 Band, (1904), S. 27: «Für einen Fabrikanten hat die fünfzigste Spinnmaschine in seiner Fabrik ganz dieselbe Bedeutung und denselben Wert als die erste, und der gesamte Wert aller 50 ist nicht 50+49+48+...+2+1 = 1 275 sondern ganz einfach 50×50 = 2 500». Мы не говорим здесь об «уступках» при больших покупках. Это явление покоится на совершенно иных психологических основаниях и не относится к предмету, о котором у нас идёт речь.

²⁾ Бём-Баверк:, «Основы», стр. 53.

«казуистическая особенность» в современном хозяйственном строе не наблюдается, то ясно, что закон «предельной полезности» есть всё, что угодно, но не закон капиталистической действительности, ибо вышеупомянутая «особенность» есть логическое продолжение закона предельной полезности, с которым она возникает (логически) и с которым она падает.

Таким образом, отсутствие пропорциональности между ценностью суммы и количеством слагаемых есть для современных хозяйственных отношений *фикция*; при этом она настолько противоречит жизни, что даже Бём не может последовательно провести свою собственную точку зрения. Указывал на случаи косвенных оценок, Бём пишет: «...Раз мы имеем возможность констатировать, что *одно* яблоко для нас столь же дорого, как и *восемь* слив, а *одна* груша для нас столь же дорога, как и *шесть* слив, то мы имеем возможность... прийти к третьему положению, что одно яблоко для нас на одну треть дороже одной груши» ¹⁾ (Речь идёт о *субъективных* оценках). Это рассуждение правильно по существу. Но как раз неправильно с точки зрения самого Бём-Баверка. А именно, почему мы приходим в данном случае к «третьему положению», что одно яблоко на одну треть «дороже» груши? Да потому, что ценность 8 слив больше ценности 6 слив на одну треть. Но это предполагает, в свою очередь, пропорциональность между ценностью суммы и количеством единиц: только в том случае ценность 8 слив больше ценности 6 на одну треть, если ценность 8 слив больше ценности одной сливы в 8 раз, а ценность 6 — в 6 раз.

Этот пример лишний раз показывает несовместимость теории Бёма и экономических явлений, как они нам даны в действительности. Его рассуждения, быть может, годятся для объяснения психологии «заблудившегося путника», «поселенца», «человека, сидящего у ручья», да и то лишь постольку, поскольку все эти «индивидуумы» лишены возможности производить. В современном же хозяйстве такие мотивы, какие предполагает Бём, были бы психологической невозможностью и бессмыслицей.

¹⁾ Ibid., стр. 74, примечания.

ГЛАВА III

ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. Учение о субституционной пользе. 2. Величина предельной пользы и количество благ. 3. Величина ценности благ при различных способах употребления. Субъективная меновая ценность. Деньги. 4. Ценность комплементарных благ. 5. Ценность производительных благ. Издержки производства. 6. Итоги.

1. УЧЕНИЕ О СУБСТИТУЦИОННОЙ ПОЛЬЗЕ

Теперь мы подходим к пункту, где новой теории придётся натолкнуться на один из самых крупных подводных камней, и где даже такой опытный рулевой, как Бём-Баверк, не сможет спасти её от неизбежного крушения.

До сих пор мы рассматривали наиболее простые случаи оценки благ; мы предполагали, вместе с Бём-Баверком, что оценка блага зависит от предельной полезности, которую имеет именно *это* благо. На самом же деле всё обстоит не так просто. Послушаем самого автора:

«...Существование развитых меновых сношений, — говорит он, — может порождать... значительные осложнения. А именно, давая возможность во всякое время обменивать материальные блага одного рода на материальные блага другого рода, меновое хозяйство даёт вместе с тем возможность перекладывать недочёт в удовлетворении потребности одного рода на потребности другого рода... утрата ложится на предельную пользу материальных благ, служащих для замены утраченной вещи. Следовательно, предельная польза и ценность вещи одного рода определяются в данном случае предельной пользой известного количества материальных благ другого рода, употребляемых для приобретения экземпляра на место утраченного»¹⁾.

Это явление иллюстрируется следующим примером:

«Я имею только одно зимнее пальто. Его у меня украли. Заменить его другим экземпляром такого же рода я не могу. Но вместе с тем я не могу оставить без удовлетворения ту

¹⁾ Бём-Баверк, «Основы», стр. 57.

самую потребность, для которой предназначалась украденная вещь... Ввиду этого я постараюсь переложить утрату на другие мои потребности, менее важные; и вот, *продав некоторые материальные блага*, предназначавшиеся первоначально для иного употребления, *я покупаю себе на вырученные таким путём деньги новое зимнее пальто*»¹⁾. Для продажи придётся пожертвовать такими благами, которые имеют наименьшее «значение». Здесь, впрочем, могут быть, кроме продажи, различные случаи, характер которых определяется положением нашего «хозяйствующего субъекта». Если он богат, *«то те 40 флоринов, которые нужны для покупки нового зимнего пальто»* (курсив наш. Н. Б.), будут взяты из наличного запаса денег — соответственно сократятся расходы на предметы роскоши; если он — среднего достатка, тогда придётся экономить в течение более или менее долгого времени; если и это невозможно, тогда придётся прибегнуть к продаже или закладу вещей; и только в случае крайней бедности нельзя «переложить» утрату — тогда придётся ходить без пальто. — Итак, во всех случаях, кроме последнего, оценка вещи происходит не изолированно, а в связи с оценкой других вещей. «Я думаю, — говорит по этому поводу Бём, — что из всех субъективных определений ценности, какие только совершаются у нас, *большая часть принадлежит к этому разряду*. В особенности это следует сказать относительно оценки безусловно необходимых для нас материальных благ... мы почти всегда оцениваем упомянутые материальные блага не по их непосредственной предельной пользе, а по «субституционной предельной пользе» (Substitutionsnutzen) материальных благ другого рода»²⁾.

Эти рассуждения стоят гораздо ближе к действительности, чем те, о которых мы говорили раньше. Но зато они имеют весьма большое отрицательное «значение» для «благополучия» всей теории Бём-Баверка и иже с ним. В самом деле, откуда, например, появилась у Бёма цифра «40 флоринов»? И почему именно 40, а не 50 или 1 000? Ясно, что Бём в данном случае просто-напросто предполагает данными *рыночные цены*. Раз вводится, как необходимое определяющее условие, продажа и

¹⁾ Ibid., 58. Курсив наш.

²⁾ Ibid., стр. 59. Курсив наш. По отношению к необходимым средствам жизни ясно, что оценка их по их *непосредственной* предельной полезности для *единичного* хозяйства абсурд, ибо «ценности необходимейших средств жизни... бесконечно велики» (G. Eckstein, Zur Methode der politischen Oekonomie. «Neue Zeit», XXVIII, B. I, S. 370).

покупка или только покупка, то тем самым вводится и объективно данная *цена* ¹⁾. Этого не скрывает и сам Бём-Баверк, довольно ясно формулируя изложенное положение: «Необходимо, впрочем, — говорит он, — заметить, что и при существовании даже в высшей степени развитого менового хозяйства... мы делаем это (т. е. оцениваем по «субституционной пользе». *Н. Б.*) лишь тогда..., когда *цены продуктов* и условия удовлетворения различных видов наших потребностей таковы, что если бы утрата вещи падала именно на те самые нужды, которые удовлетворяются этой вещью, то лишились бы удовлетворения потребности относительно более важные, нежели в том случае, если употребить для замещения утраченного экземпляра путём обмена вещь, предназначенную для удовлетворения потребностей другого рода» ²⁾.

Таким образом, сам Бём-Баверк признает, что наша *субъективная* оценка предполагает здесь (т. е., по скромному заявлению Бёма, *в большинстве случаев*) *объективную* величину ценности. Но так как задача Бёма как раз в том и состоит, чтобы последнюю величину *вывести* из субъективных оценок, то ясно, что *всё развитое* нашим автором учение о субституционной пользе есть не что иное, как ложный круг: объективная ценность объясняется субъективными оценками, которые, в свою очередь, объясняются объективной ценностью. И этот теоретический скандал приключился как раз тогда, когда перед Бёмом вплотную стала проблема: объяснить не какое-нибудь гипотетическое, никаких общих точек соприкосновения с действительностью не имеющее, а настоящее, реальное хозяйство, которое характеризуется именно «развитым обменом» ³⁾. Любопытнее всего то, что Бём знает

¹⁾ Ср. *R. Stolzmann*, «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 723.
²⁾ *Бём-Баверк*. «Основы», стр. 59. Покупатели — говорит *Scharling* — «bestimmen den Preis, den sie für die Ware geben wollen, nicht nach ihrer eigenen Schätzung ihres Nutzens, sondern nach dem *mutmasslichen* Preise, den zu geben man von den Konsumenten erwartet» (I. c., 20).
³⁾ Относительно другого теоретика предельной полезности, *Визера*, который не анализирует условий менового хозяйства, Бём замечает: «...положение Визера (*Wieser*, Ursprung und Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes, стр. 128), гласящее, что предельная польза всегда «должна принадлежать к сфере пользы, получаемой от материальных благ *того же самого* рода», следует принимать лишь с той оговоркой, которую делает при этом сам автор: он рассматривает дело в чистом виде, оставляя в стороне условия менового хозяйства» («Основы», 59, примеч.). Итак, Визер не объясняет обмена; Бём начинает объяснять, но сейчас же спотыкается. Вот уж поистине: «нос вытащил, хвост увяз, хвост вытащил — нос увяз». Ср. также *L. Walras*, «Principe d'une théorie mathématique»

о «серьёзном теоретическом затруднении», которое имеется в данном пункте для теории предельной полезности. Всё же Бём старается выпутаться из сети противоречий. Эта попытка спасти теорию сводится к следующему: оценка зимнего пальто в 40 флоринов основывается «на антиципации тех условий, которые должны создаться лишь на рынке» ¹⁾; поэтому подобные предварительные оценки «оказывают на практическую деятельность лишь такое же влияние, как и какая-нибудь неопределённая надежда, что нужный товар можно будет купить за известную цену, напр., за 40 гульд. Удастся купить за такую цену — хорошо; не удастся,— человек не просто возвращается домой с пустыми руками, а отказывается от разбитой действительностью надежды и соображает, позволяет ли ему *его положение* дать за товар более высокую цену, или же нет» ²⁾. Последний вопрос зависит, по Бём-Баверку, от того, имеется ли к услугам покупателя *один* или *несколько* рынков. В первом случае, «когда нужную вещь можно приобрести только на данном рынке, покупатель, без сомнения, будет предлагать за неё более высокую цену и в крайнем случае согласится дать цену, соответствующую высоте непосредственной предельной пользы» ³⁾... «Следовательно, — заключает Бём, — в образовании цены равнодействующей будет играть роль *не* низкая *косвенная* предельная польза покупаемой им вещи, основывающаяся на предположении определённого уровня рыночных цен, а, *напротив*, более высокая *непосредственная предельная польза этой вещи* — вывод очень важный для нашей теории цен» ⁴⁾. Во втором случае «гипотетическая оценка, пожалуй (!), ещё даст покупателю возможность, в поисках за низкой ценой, перейти из одной части рынка в другую; но она нигде не может воспрепятствовать цене повыситься до уровня непосредственной пользы товара» ⁵⁾. А отсюда такой вывод: «субъективные оценки, основывающиеся на предположении возможности купить оцениваемую вещь по определённой цене, служат для нашего поведения на том рынке, на котором, по нашему расчёту, должна реализоваться упомянутая возможность, достойным внимания

etc., ch. III, § Courbes de demande effective, p. 12, 13, 14. По существу формулы *Вальраса* являются простыми тавтологиями (ср. стр. 16 вышеуказанного сочинения).
¹⁾ *Ibidem*, стр. 177.
²⁾ *Ibidem*, 179. Ср. также «Kapital und Kapitalzins» II, I, S. 397 u. ff.
³⁾ *Ibidem*.
⁴⁾ *Ibidem*, стр. 180.
⁵⁾ *Ibidem*.

психическим этапом, но *отнюдь не руководящим началом, от которого зависит решение вопроса в конечном счёте*. Роль такого руководящего начала, напротив, и тут играет *высота непосредственной предельной пользы товара*»¹⁾.

Так старается Бём-Баверк разрешить вышеописанное «теоретическое затруднение». Как, быть может, заметил читатель, объяснение Бём-Баверка есть только кажущееся объяснение; на самом же деле оно висит в воздухе. Возьмём опять наиболее яркий пример: средства существования. Субъективная ценность их, основанная на полезности (берём единицу, соответствующую наименьшему пределу насыщения и наивысшей потребности), будет бесконечно велика; с другой стороны, пусть оценка, основанная на антиципации рыночных условий, будет равна 2 рублям. Когда будет возможно предложенное Бёмом решение? Другими словами, *когда* наш «индивидуум» согласится отдать какую угодно цену, «всё, что угодно, за кусок хлеба»? Ясно, что *только* при совершенно ненормальных рыночных условиях, и не просто ненормальных, т. е. *уклоняющихся* от нормы, а *совершенно исключительных*, т. е. таких, когда нельзя, в сущности, говорить об общественном производстве, общественном хозяйстве etc. в обычном смысле слова. Быть может, «в осаждённом городе» (один из примеров, излюбленных Бёмом) или на потерпевшем кораблекрушение судне, или у заблудившихся в пустыне возможен такой случай. В современной же жизни, при предположении нормального хода общественного производства и воспроизводства, *ничего подобного не бывает*. Бывает нечто совершенно иное. Между величиной субъективной оценки по полезности и величиной предполагаемой рыночной цены (в нашем примере, между ∞ и 2 рублями) существует целая лестница возможных цен (мы уже не говорим о возможном отклонении *вниз* от 2 рублей). Обычно, каждая конкретная индивидуальная сделка совершается на уровне, очень близком к «антиципированной» цене, и в целом ряде случаев достигает полного совпадения (ср., напр., фиксированные цены). Как бы то ни было, ясно одно: при нормальном ходе общественного производства соотношение между *общественным* спросом и *общественным* предложением таково, что индивидуальные оценки по полезности отнюдь не играют руководящей роли и даже не выступают на поверхность общественной жизни²⁾. Этот наш пример годится для

1) *Ibidem*. 180, 181.
2) *Scharling*, l. c., S. 29; также *Lewin*, «Arbeitslohn und soziale Entwicklung», приложение.

обоих случаев, предполагаемых Бём-Баверком и отмеченных нами выше. Нам остаётся разобрать ещё один случай, которого касается автор. Это — покупка для перепродажи, где «покупатель оценивает товар не по его потребительной ценности, а по его (субъективной) *меновой* ценности»¹⁾. В подобных случаях дело происходит, по Бём-Баверку, следующим образом: «Рыночная цена определяется прежде всего *определением меновой ценности* товара со стороны торговца; эта оценка основывается на предполагаемой *рыночной цене второго рынка*, а последняя, в свою очередь, между прочим (!!) — на оценках товара покупателями, принадлежащими к району этого второго рынка»²⁾. Здесь дело представляется ещё более сложным. Бём утверждает, что оценка покупателей вещи зависит исключительно от денежной суммы, которую можно выручить «при перепродаже её на другом рынке (за вычетом, конечно, провозной платы и торговых расходов»³⁾ и разлагает эту денежную сумму на оценки покупателей (оценки по *полезности*) второго рынка. Однако, всё это далеко не так просто. Торговец стремится получить максимальную торговую *прибыль*, высота которой зависит от целого ряда условий. Некоторые из них указывает сам Бём-Баверк: провозная плата и торговые расходы. Что это значит? Да не что иное, как введение новых рядов (и притом весьма различных по составу) *товарных цен*, которые почему-то принимаются за величину, в объяснении не нуждающуюся. На самом же деле каждая из составных частей этих расходов должна быть объяснена. Далее Бём-Баверк думает, что он достиг конечного пункта объяснения, когда дошёл до оценок покупателей второго рынка. Однако, это с его стороны лишь самообман. Ибо эти оценки, в свою очередь, разлагаются дальше. Они ведь вовсе не совершаются по чистой «полезности», ибо, с одной стороны, здесь имеются *свои* торговцы, которые перепродают товары на дальнейшие рынки; с другой стороны, даже простые покупатели оценивают товар не прямо, а по его «субституционной пользе». Присутствие торговцев заставляет нас переходить вместе с последними на третий рынок, но так как и там могут оказаться торговцы, то мы должны будем перейти к четвёртому, пятому и т. д. *ad infinitum*. Затем, как мы видели, сюда же вплетается данность целого ряда товарных

1) *Бём-Баверк*, «Основы», стр. 181. С понятием субъективной меновой ценности мы встретимся в дальнейшем изложении, где будет дана подробная критика этого понятия.
2) *Ibidem*. 181.
3) *Ibidem*.

цен и оценок по субституционной пользе. Таким образом, в результате всё явление разлагается на множество элементов, из которых ни один не может быть объяснён сколько-нибудь удовлетворительно.

Мы должны остановиться ещё на одном контр-возражении Бём-Баверка, которое имеет общий характер: а именно, Бём хочет сделать общий отвод упрёку в том, что у него имеется порочный круг.

«Существенное для решения вопроса о порочном круге,— пишет наш автор, — состоит обычно в том, что те субъективные ценностные оценки, которые опираются на предполагаемое образование конкретной рыночной цены, отличны от тех, на которые опирается образование этой самой рыночной цены, и наоборот. Кажущийся круг зависит от диалектического однозвучия обоих употреблённых здесь слов «субъективные ценностные оценки», если при этом не выяснено и не принято во внимание, что то же самое наименование покрывает не один и тот же феномен, а различные конкретные феномены, которые только выступают под одним и тем же видовым обозначением» ¹⁾.

Это положение Бём иллюстрирует следующим примером:

«Парламентский клуб имеет и «клубную принудительную дисциплину»: его члены должны голосовать в парламенте так, как это решило большинство общего собрания клуба. Ясно, что здесь решение клуба весьма хорошо объясняется голосованием отдельных членов клуба, а позднейшее голосование его членов в парламенте так же хорошо объясняется решением клуба, причём в объяснении нет ни малейшего намёка на порочный круг» ²⁾.

Таким образом Бём хочет оправдаться тем, что у него *одни* субъективные оценки объясняются *другими* субъективными

¹⁾ *Böhm-Bawerk*, «Kapital und Kapitalzins», B. II, I, S. 403. Faussnote. «Das Wesentliche für die Zirkelfrage ist stets, dass jene subjektiven Wertschätzungen welche sich auf die vermutete Bildung eines konkreten Marktpreises aufstützen, andere sind als diejenigen, auf welche sich die Bildung eben dieses Marktpreises selbst aufslützt, und umgekehrt. Der Anschein eines Zirkels hängt nur an dem dialektischen Gleichklang der beiderseits gebrauchten Worte «subjektive Wertschätzung» wenn dabei nicht ins Klare gestellt und nicht beachtet wird, dass derselbe Name beiderseits nicht ein und dasselbe Phänomen, sondern verschiedene konkrete Phänomene deckt, die nur unter denselben Gattungsnamen fallen».

²⁾ Ibidem: «Ein parlamentarischer Klub hat «Klubzwang»: seine Mitglieder müssen im Parlament so abstimmen, wie es die Majorität der Klubversammlung beschlossen hat. Offenbar ist hier der Klubbeschluss ganz zutreffend aus der Abstimmung der einzelnen Mitglieder des Klubs, und die spätere Abstimmung der Mitglieder im Parlament ebenso zutreffend aus dem Klubbeschluss zu erklären, ohne dass im Mindesten ein Zirkel in der Erklärung vorläge».

оценками. Мы должны добавить, что за «вторыми» следуют «третьи», «четвёртые» и т. д. То обстоятельство, что все они *различны*, нисколько не спасает дела. Ведь и теория издержек производства, против которой с таким жаром сражаются сторонники теории предельной полезности, тоже отсылала от *одних* издержек к *другим*, от *одних* цен к *другим*. Но от этого она не переставала быть сплошным теоретическим кругом. Причина опять-таки ясна: речь идёт у нас об объяснении одной *категории* явлений через другую *категорию* явлений, а вовсе не о сведении однородных явлений друг к другу. В последнем случае имеется возможность лишь бесконечного (или почти бесконечного) удаления в пространстве и времени, так что всякая данная оценка будет выводить нас далеко за пределы современности: мы будем без устали развёртывать кинематографическую ленту в обратном порядке. Но это отнюдь не решение *теоретической* проблемы, а бесконечное отсылание от Понтия к Пилату.

Данное положение дел, конечно, не случайность. Как мы указывали выше, Бём *должен* был запутаться в ложном кругу, так как к этому его с неизбежностью толкала индивидуалистическая позиция школы. «Австрийцы» не понимают, что индивидуально-психологическое содержание личности определяется общественной средой, что «индивидуальное» у общественного человека есть в громадной степени «социальное», что «социальный атом» — такое же измышление австрийцев, как «болезненный пролетарий первобытных лесов» Вильгельма Рошера ¹⁾. Поэтому дело идёт сравнительно гладко, пока анализируются «мотивы» и «оценки» придуманных Робинзонов, и, наоборот, появляются непреодолимые затруднения, лишь только речь заходит о «современности»: от психики «изолированного субъекта» нельзя перекинуть теоретического моста к психике человека товарного производства: если же взять психику последнего, то «объективные» элементы экономических явлений товарного мира тем самым уже даны, а, значит, их и нельзя вывести целиком из индивидуально-психологических явлений, не впадая при этом в определения *idem per idem*.

В учении о субституционной пользе обнаруживается, таким образом, неправильность методологических основ австрийской школы и наиболее ясно выступает её полная теоретическая несостоятельность. *Определение субъективной ценности через объективную, которая сама выводится из субъективной, — это*

¹⁾ Разница здесь та, что Рошер видел в дообщественном человеке пролетария, а Бём — в пролетарии дообщественного человека.

центральная ошибка Бёма. Поэтому она в изменённой форме будет встречаться и при разрешении целого ряда других проблем более частного характера ¹⁾.

2. ВЕЛИЧИНА ПРЕДЕЛЬНОЙ ПОЛЗЫ И КОЛИЧЕСТВО БЛАГ

При рассмотрении вопроса о величине ценности мы выяснили, что она определяется, согласно Бём-Баверку, высотой предельной пользы. Теперь можно поставить дальнейший вопрос относительно факторов, определяющих высоту этой последней.

«Здесь, — говорит Бём-Баверк, — мы должны указать на отношение между *потребностями и средствами их удовлетворения*». Анализируя это соотношение, Бём-Баверк находит следующий простой «закон», выражающий зависимость между «потреблением» и «благами»:

«Чем их (т. е. потребностей *Н. Б.*) больше и чем они важнее, и чем меньше... количество материальных благ, которое может быть предназначено для их удовлетворения, тем выше должна стоять и предельная польза» ²⁾.

Итак, высота предельной пользы определяется двумя факторами: субъективным (потребности) и объективным (количество «благ»). Чем же определяется, в свою очередь, это количество? На последний вопрос теория австрийцев не даёт никакого ответа ³⁾. Она просто-напросто предполагает количество продуктов данным, т.е. предполагает раз навсегда данную величину «редкости». Однако, такая точка зрения теоретически крайне слаба, ибо «хозяйство», явления которого анализирует политическая

¹⁾ «Попытки критики этой теории (т. е. теории предельной полезности *Н. Б.*), — пишет г. *Туган-Барановский*, — в большинстве случаев так слабы, что не заслуживают серьёзного опровержения. Главное возражение против не — утверждение, что величина удовлетворения, получаемого нами от хозяйственных предметов, не допускает количественного сравнения, — опровергнуто ещё Кантом...» (*М. И. Туган-Барановский*, «Основы политич. экономии», 2 изд. СПб, 1911, стр. 56). Мы, однако, отнюдь не считаем этого возражения «главным», наоборот, его можно признать одним из наименее удачных. Любопытно, что г. *Туган-Барановский* обходит совершенно молчанием *другие* возражения, сделанные хотя бы Штольцманом, обе книги которого ему известны.

²⁾ *Бём-Баверк*, «Основы», стр. 60.

³⁾ «Для того, чтобы исследование проблемы ценности было доведено до конца, необходимо выяснить... почему одних предметов производится мало, а других много... Однако, читатель напрасно стал бы искать у теоретиков предельной полезности ясного ответа...» (*Туган-Барановский*, I. с., стр. 46).

экономия, включает в себя *хозяйственную деятельность* и, прежде всего, *производство* хозяйственных благ. Самое понятие «запаса» этих благ предполагает, как совершенно правильно утверждает А. Schor, предварительный производственный процесс ¹⁾, явление, которое, так или иначе, но должно оказывать громадное влияние на оценки благ. Ещё более важное значение имеет производство, если мы от *статики* перейдём к *динамике*. Ясно, что теория австрийцев, которая исходит из *данного* запаса благ, не может объяснить элементарных явлений хозяйственной динамики, хотя бы такого явления, как движение цен, не говоря уже о более сложных. В связи с этим, те объяснения, которые Бём предлагает нам по вопросу о высоте ценности, сейчас же вызывают дальнейшие вопросы. «Жемчуг и алмаз» — говорит, напр., Бём-Баверк, — «находятся (!) в таком ограниченном количестве, что потребность в них удовлетворяется лишь в очень незначительной степени, и предельная польза, до которой простирается удовлетворение, стоит относительно очень высоко; между тем как, к нашему счастью, хлеба и железа, воды и воздуха у нас обыкновенно бывает такая масса, что удовлетворение всех более важных из соответствующих потребностей оказывается вполне обеспеченным» ²⁾.

«Находятся!» «Обыкновенно бывает!» Но что скажет Бём-Баверк о так называемых «революциях цен», когда рост производительности труда вызывает катастрофическое их падение? Тут нельзя удовлетвориться фразой «обыкновенно бывает». Читатель, вероятно, заметил, насколько тенденциозно подбирает Бём свои примеры. Вместо того, чтобы объяснить ценность *типичных* продуктов — товаров, т. е. продуктов, носящих на лбу клеймо фабричного производства, Бём толкует о воде и о воздухе. Уже на «хлебе» видна недостаточность позиции нашего профессора: стоит вспомнить хотя бы резкое падение хлебных цен

¹⁾ «Wir können schon feststellen, dass in den von *Böhm-Bawerk* gewählten Beispielen dasjenige Merkmal der Wirtschaft fehlt, welches für jede Wirtschaft notwendig ist, nämlich *die Tätigkeit des wirtschaftenden den Subjektes*... Ein Vorrat von Gütern ist nicht nur für den Menschen, sondern auch für jedes lebende Wesen nur als Resultat einer gewissen Tätigkeit möglich» (*Alexander Schor*, «Kritik der Grenznutzentheorie». Conrad's «Jahrbücher». Band 23, S. 248). См. также *R. Stolzmann*, «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 701: «Erst durch die Grösse oder durch die Kleinheit der gegebenen Vorräte, d. h. schliesslich der Produktivität, der originären Urfaktoren, Boden und Arbeit... ergibt sich der Umfang des möglichen Angebots ergibt sich die *Zahl*, der von jedem Gute hervorzubringenden Exemplare, damit aber erst die effektive Ausdehnung des möglichen Konsums».

²⁾ *Бём-Баверк*, «Основы», стр. 49.

с началом сельскохозяйственного кризиса, вызванного в 80-ых гг. заокеанской конкуренцией. «Количество благ» сразу изменилось. Отчего? Да оттого, что на сцену выступили *новые условия производства*, о которых у Бём-Баверка почти ни звука ¹⁾. А между тем производственный процесс вовсе не «осложняющее обстоятельство», «модификация» основного случая etc., как то думает Бём-Баверк. Наоборот, производство есть основа общественной жизни вообще и экономической стороны её в частности. «Редкость» блага (за исключением некоторых случаев, от которых мы имеем полное право отвлечься) есть выражение определённых производственных условий, есть функция общественной затраты труда ²⁾. Поэтому то, что раньше было «редким», может, при изменившихся условиях, найти себе самое широкое распространение. «Почему... хлопок, картофель и водка являются рычагами буржуазного общества? Потому, что они требуют наименьшего труда для своего производства и, следовательно, обладают самой низкой ценой» ³⁾. Но такую роль эти продукты играли отнюдь не всегда. И хлопок, и картофель стали играть такую роль лишь с изменением системы общественного труда, лишь с тех пор, как издержки производства и воспроизводства этих продуктов (а также их транспорта) не достигли определённой величины ⁴⁾.

Итак, не отвечая на вопрос о том, чем определяется количество «благ», Бём-Баверк не в состоянии дать исчерпывающий ответ и на вопрос о том, чем определяется та или иная высота предельной пользы.

До сих пор мы вместе с Бём-Баверком ставили вопрос *in abstracto*. Перейдём теперь к «модифицирующему влиянию»

¹⁾ По справедливому замечанию г. Железнова, австрийцы «забывают, что в своей хозяйственной деятельности люди стремятся преодолеть скудость даров окружающей их природы приложением специальных усилий, благодаря которым пределы зависимости человека от материального мира становятся более эластичными и постоянно расширяются» (Железнов, «Очерки полит. экон.» М. 1912, стр. 380).

²⁾ «...относительная редкость делает его (т. е. товар. Н. Б.) с субъективной стороны предметом оценки, в то время как объективно — с точки зрения общества — его редкость есть функция затраты труда и в величине последней находит своё объективное мерило». R. Hilferding, «Böhm-Bawerks Marx Kritik». S. 13.

³⁾ К. Маркс, «Нищета философии», пер. Алексеева, стр. 30.

⁴⁾ В другой части своей книжки Бём признает значение этого момента, что лишь доказывает его непоследовательность, так как издержки производства у него *зависят* от предельной пользы. Получается ложный круг. Впрочем, об этом ниже, в другой связи. У Carver'a точка зрения вовсе не ограничивается рассмотрением упавших с неба метеоритов. Он анализирует в первую голову воспроизводимые блага. Ср. Carver'a, l. c., p. 27–31.

менового хозяйства. Как можно предположить заранее, объяснения Бём-Баверка будут отличаться здесь наибольшей запутанностью.

Итак, «существование обмена и тут порождает целый ряд усложнений. Оно даёт именно возможность во всякое время расширить удовлетворение потребностей известного рода — конечно, на счёт удовлетворения потребностей другого рода которое в соответствующей степени сокращается... Благодаря этому круг факторов, оказывающих влияние на высоту предельной пользы, усложняется следующим образом: *во-первых*, тут играет роль то отношение между потребностями и средствами их удовлетворения, *которое существует для материальных благ оцениваемого рода во всем обществе, представляющем из себя одно целое благодаря существованию обмена*: этим отношением... определяется высота той цены, которую нужно заплатить за новый экземпляр данного рода материальных благ, чтобы пополнить недочёт в удовлетворении соответствующих потребностей», и влияние «на величину той части материальных благ другого рода, которая оказывается необходимой для приобретения недостающего экземпляра. *Во-вторых*, тут играет роль то отношение между потребностями и средствами их удовлетворения, *которое существует для самого производящего оценку индивидуума в той сфере, откуда берётся часть материальных благ с целью пополнить недочёт*; от этого отношения зависит, низкого или высокого слоя нужд коснётся сокращение средств удовлетворения, — следовательно, незначительною или же значительною предельною пользою придётся пожертвовать» ¹⁾.

Таким образом, фактором, определяющим высоту индивидуальной субъективной оценки (resp. высоту «предельной пользы»), является, прежде всего, соотношение между общественным спросом и общественным предложением товаров, потому что этим соотношением определяются *цены*: чем выше цены на новый экземпляр, тем выше субъективная оценка старого.

Здесь, как нетрудно заметить, скрывается снова ряд противоречий. Прежде всего, сохраняется в силе то, что мы установили при разборе учения о субституционной пользе: субъективная оценка, из которой должна быть выведена цена, сама предполагает эту цену. Далее. В качестве последней инстанции, определяющей цену, появляется закон спроса и предложения, который, с точки зрения самих австрийцев, в свою очередь, должен быть сведён к законам, управляющим субъективными

¹⁾ Бём-Баверк, «Основы», стр. 61.

оценками, т. е., «в последнем счёте», к закону предельной полезности. В самом деле, если цену можно удовлетворительно объяснить *без дальнейших пояснений* одним лишь законом спроса и предложения, то к чему тогда вся теория субъективной ценности? Наконец, так как, согласно теории предельной полезности, закон спроса и предложения сам может быть понят лишь на основе законов, управляющих субъективными оценками, то те «цены», которые у нас имеются для объяснения субъективных оценок, сами сводятся к субъективным оценкам. Однако, при существовании обмена, и эти субъективные оценки подлежат общему закону и стоят в зависимости от цен ¹⁾. Таким образом, мы снова натываемся на знакомую мелодию. Она *должна* звучать у Бём-Баверка повсюду, так как она непосредственно вытекает из совершенно неправильного взгляда школы на отношение между «индивидуумом» и «общественным целым».

3. Величина ценности благ при различных способах употребления. Субъективная меновая ценность. Деньги

До сих пор мы рассматривали те случаи, когда подлежащее оценке благо удовлетворяет какую-нибудь *одну* потребность. Теперь нам предстоит рассмотреть вместе с Бём-Баверком тот случай, когда одно и то же благо может быть употреблено для удовлетворения *различных* потребностей.

«Ответить на этот вопрос, — говорит Бём-Баверк, — нетрудно: основой для определения ценности всегда является в подобных случаях *наивысшая предельная польза*... истинная предельная польза вещи тождественна с наименьшей пользой, ради которой, *с хозяйственной точки зрения, ещё имеет смысл употреблять эту вещь*. Если приходится делать выбор между несколькими различными, исключающими друг друга способами употребления для одной и той же вещи, имеющейся в нашем распоряжении, то при рациональном ведении хозяйства, очевидно, должен быть выбран важнейший из этих способов, потому что только он один представляется, при данных условиях, выгодным с хозяйственной точки зрения, все же остальные, менее важные

¹⁾ Любопытно отметить здесь следующее обстоятельство. Раньше (при желании выбраться из противоречий теории субституционной пользы) Бём настаивал на том, что цена не может быть руководящим принципом, потому что та цена, по которой данное лицо покупает, складывается на рынке уже при активном участии этого лица. Теперь же Бём совершенно забывает об этом.

способы употребления оставляются в стороне, а потому они и не могут оказывать влияния на определение ценности вещи, которая употреблена для удовлетворения совершенно другого рода потребностей» ¹⁾. Отсюда Бём выводит следующую общую формулировку: «*Если материальные блага допускают несколько несовместных друг с другом способов употребления и могут при каждом из них давать неодинаково высокую предельную пользу, то величина их ценности определяется наивысшей предельной пользой, какая получается при этих способах удовлетворения*» ²⁾.

Тут прежде всего поражает странность терминологии. «Наивысшая польза» оказывается «наименьшей пользой, ради которой, с хозяйственной точки зрения, ещё имеет смысл употреблять эту вещь». Почему она «наименьшая» — это остаётся совершенно непонятным. Однако, суть дела не в этом. Если мы попробуем приложить полученную Бём-Баверком формулу к реальной экономической жизни, то мы снова придём к обнаружению той самой ошибки, которая встречалась нам уже неоднократно, и именно, — к обнаружению порочного круга, лежащего в основе бём-баверковских рассуждений. В самом деле, представим себе самый простой случай: у нас имеется благо *A*, продав которое, мы можем приобрести на вырученные деньги целый ряд вещей: или *x* товара *B*, или *y* тов. *C*, или *z* тов. *D* и т. д. Ясно, что род покупаемого товара, а, значит, и способ употребления нашего блага, будет зависеть от установленных на рынке товарных цен: мы будем покупать тот или иной товар, считаясь с тем, дорог или дешевле он в данное время. Точно так же, если у нас речь идёт о выборе «способа употребления» для *средств производства*, то мы сделаем этот выбор, сообразуясь с ценами на продукты различных производственных отраслей, т. е. вопрос о способах употребления, как правильно замечает G. Eckstein, «предполагает уже заранее цену» ³⁾.

Наибольшего напряжения эта ошибка достигает в учении о *субъективной меновой ценности*.

Бём-Баверк различает два вида «многосторонности» благ, которые лежат в основе двух видов их «употребления», а именно: различные способы употребления могут быть или результатом «*технической* многосторонности» блага или же результатом его способности быть *выменным* на блага иного рода. Последнее

¹⁾ Бём-Баверк, «Основы», стр. 78.
²⁾ Ibid. Курсив автора.
³⁾ См. Gustav Eckstein, «Zur Methode der politischen Oekonomie». Neue Zeit, XXVIII, Bd. I, S. 371.

обстоятельство наблюдается, конечно, тем в большей степени, чем больше развиты меновые отношения. Вот на этом двояком значении блага — как средства удовлетворения потребностей прямого или косвенного (причём под последним разумеется потребление средств производства), — с одной стороны, и как средства обмена — с другой, основывается деление субъективной ценности на *субъективную потребительную ценность и субъективную меновую ценность* ¹⁾.

«Величина потребительной ценности, — говорит Бём-Баверк, — определяется... величиной предельной пользы, которую извлекает собственник из оцениваемой вещи, употребляя её непосредственно для удовлетворения своих потребностей... величина субъективной меновой ценности определяется *предельной пользой вымениваемых на данную вещь материальных благ*» ²⁾.

А отсюда следует, «что величина субъективной меновой ценности должна зависеть от двух обстоятельств: во-1-х, *от объективной меновой силы* (объективной меновой ценности) *вещи*, ибо величиной этой объективной меновой силы определяется количество материальных благ, которое можно получить в обмен на данную вещь; во-2-х, *от характера и размера потребности* и от *имущественного положения собственника*» ³⁾.

Мы привели почти полностью формулировку Бём-Баверка, потому что нелепость и противоречивость понятия субъективной меновой ценности необыкновенно резко сформулирована самим Бём-Баверком. Ведь, никто иной, как наш маэстро, говорит нам, что «величина *субъективной* меновой ценности должна зависеть от... *объективной* меновой ценности...» (курсив наш. *Н. Б.*). Здесь «объективный» рыночный мир не привносится контрабандой, с заднего крыльца; наоборот, в самом *определении* величины

¹⁾ Относительно «прямого» и «косвенного» удовлетворения потребностей следует заметить, что Бём отклоняется здесь от терминологии *К. Менгера*: «Der Wert in dem ersten (т. е. в натуральном хозяйстве *Н. Б.*) und der Wert in dem zweiten Falle (субъективная меновая оценка. *Н. Б.*) sind... lediglich zwei verschiedene Formen derselben Erscheinung des wirtschaftlichen Lebens... Was aber der Erscheinung des Wertes in jedem der beiden Fälle einen besonderen Charakter verleiht, das ist der Umstand, dass die Güter für die wirtschaftenden Subjekte, welche über dieselben verfügen, in dem ersten Falle mit Rücksicht auf ihre *direkte*, im zweiten Falle mit Rücksicht auf ihre *indirekte* Verwendung jene Bedeutung erlangen, welche wir den Güterwert nennen... So nennen wir den Wert in dem ersten Falle — Gebrauchswert, im letzteren aber Tauschwert». *К. Мenger*, «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre», Wien, 1871, S. 214, 215.

²⁾ *Бём-Баверк*, «Основы», стр. 80.

³⁾ *Ibidem*.

субъективной меновой ценности обнаруживается крах теории, построенной на индивидуально-психологическом «песце» ¹⁾.

Отсюда становится понятным то обстоятельство, что наиболее ярко полнейшая бесплодность австрийской теории обнаруживается в вопросе о *деньгах*.

«Самым многосторонним благом, — говорит Визер, — являются деньги... Ни на каком другом благе нельзя получить такого ясного представления об идее предельной пользы» ²⁾. Это утверждение одного из самых выдающихся теоретиков предельной полезности звучит весьма иронически, если его сопоставить с результатами, полученными в этой области новой школой. Как известно, деньги отличаются от всех других товаров тем, что они являются всеобщим эквивалентом товаров. И именно это их свойство — быть общим выразителем абстрактной меновой ценности — делает особенно затруднительным их анализ с точки зрения предельной полезности ³⁾. В самом деле, при заключении всяких меновых сделок агент современного хозяйственного строя смотрит на деньги исключительно с точки зрения их «покупательной силы», т. е. с точки зрения их *объективной* меновой ценности. Ни одному «хозяйствующему субъекту» не приходит в голову оценивать свою золотую наличность с точки зрения способности золота удовлетворять «потребность в украшениях». При раздвоившейся потребительной ценности денег ⁴⁾ — как золотого *товара* и как *денег* — оценка их базируется именно на их последней функции. Если при анализе ценности обыкновенных товаров приходится констатировать присутствие общественных связей, которые исключают всякое индивидуалистическое толкование экономических явлений (см. выше разбор учения

¹⁾ «Recht besehen» — гов. *W. Scharling* — «scheint dann (при косвенных оценках. *Н. Б.*) auch durch diesen «subjektiven Tauschwert» gerade die subjektive Schätzung der Beschaffenheit des Gutes das mehr Untergeordnete zu sein» (Prof. *W. Scharling*, I. c., S. 29).

²⁾ «Das vielseitigste Gut ist indess das Geld... An keinem anderen Gute kann man eine so deutliche Vorstellung von der Idee des Grenznutzens gewinnen...» (*Fr. Wieser*, «Der natürliche Wert», Wien, 1889, S. 13).

³⁾ Любопытно, что в большой, специально посвящённой деньгам, статье (см. «Geld» в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», B. 4) *К. Менгер* почти совершенно не даёт *теоретического* анализа денег.

⁴⁾ «Der Gebrauchswert der Geldware verdoppelt steh. Neben ihrem besonderen Gebrauchswert als Ware, wie Gold zum Beispiel zum Ausstopfen hohler Zähne, Rohmaterial von Luxusartikeln u. s. w. dient, erhält sie einen formalen Gebrauchswert, der aus ihren spezifischen gesellschaftlichen Funktionen entspringt» (*К. Marx*, «Das Kapital», B. I. Volksausgabe, S. 52)

о субституционной пользе) то в деньгах эти общественные связи достигают наиболее полного выражения. Деньги являются именно тем «благом», субъективная оценка которого есть, в терминах австрийской школы, субъективная меновая ценность. Вскрывши противоречивость и логическую несостоятельность этого понятия, мы тем самым вскрыли и «основную ошибку» всей теории денег. Эту ошибку очень хорошо формулирует Густав Экштейн: «Объективная меновая ценность денег, — говорит он, — образуется, таким образом, из субъективной потребительной ценности; последняя состоит в их субъективной меновой ценности, которая, в свою очередь, зависит от их объективной меновой ценности...»¹⁾. То есть, объективная меновая ценность денег определяется через объективную ценность денег.

Теория денег и денежного обращения в известном смысле может служить пробным камнем для всякой теории ценности, ибо в деньгах как раз наиболее видимым образом происходит объективирование многосложных человеческих отношений. Именно поэтому «загадка денежного фетиша», который «слепит взор своим металлическим блеском», была до сих пор одной из самых сложных загадок для политической экономии. Классический образец анализа денег дал Маркс в «Капитале» и «Zur Kritik», и страницы его работ, посвященные деньгам, являются одними из самых блестящих страниц, когда-либо написанных на эту тему. Наоборот, на «теории» денег австрийской школы яснее ясного видна полная теоретическая бесполезность всей конструкции, её полное теоретическое банкротство²⁾.

¹⁾ «Der objektive Tauschwert des Geldes resultirt also aus seinem subjektiven Gebrauchswert, dieser besteht in seinem subjektiven Tauschwert, welcher wieder abhängig ist von seinem objektiven Tauschwert. Das Schlussergebniss hat also eine ähnliche Stringenz und einen ähnlichen Wert wie der bekannte Lehrsatz, dass die Armut von der pauvreté komme» G. Eckstein, «Die vierfache Wurzel des Satzes vom unzureichenden Grunde der Grenznutzentheorie. Eine Robinsonade». «Neue Zeit», 22, II, S. 812). В русской литературе тоже указывалось на это, См. напр., Л. Мануйлов, «Понятие ценности по учению экономистов класс. школы», стр. 26.

²⁾ Один из новейших сторонников австрийской школы, специалист по теории денег Ludwig v. Mises в своей книжке: «Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel» (цитируем по рецензии Гильфердинга в «Neue Zeit», 30 Jahrg., B. 2, S. 10, 25 u. ff.) признаёт неудовлетворительность теории денег, данное австрийцами. Вот что пишет он по сему поводу: «Eine Betrachtung des subjektiven Geldwertes ist ohne Eingehen auf seinen objektiven Tauschwert unmöglich; im Gegensatz zu den Waren ist beim Gelde das Vorhandensein eines objektiven Tauschwertes, einer Kaufkraft, unerlässliche Voraussetzung des Gebrauchs. Der subjektive Geldwert führt immer auf den subjektiven Wert der für das Geld im Austausch erhältlichen anderen wirtschaftlichen Güter zurück; er ist ein abgeleiteter Begriff. Wer die

4. ЦЕННОСТЬ КОМПЛЕМЕНТАРНЫХ БЛАГ (ТЕОРИЯ ВМЕНЕНИЯ)

Одним из наиболее запутанных вопросов, разрабатываемых австрийцами, является вопрос о ценности так называемых «комплементарных» (Менгер) благ, или теория экономического вменения (Zurechnungstheorie — термин, введенный Визером).

Комплементарными благами называются у Бёма блага, взаимно дополняющие друг друга: в таком случае «для получения хозяйственной пользы требуется совместное действие нескольких материальных благ, причём, если недостаёт одного из них, то цель совсем не может быть достигнута, или же достигается лишь не в полной мере»¹⁾. В качестве примера таких благ, Бём-Баверк приводит бумагу, перо и чернила, иголки и нитки, две парных перчатки и т. п. Ясно, что такие группы комплементарных благ встречаются особенно часто в среде благ производительных, где условия производства требуют соединённого действия целого ряда факторов, причём выпадение одного из этих факторов часто разрушает всю комбинацию и сводит на нет действие всех остальных. Анализируя ценность комплементарных благ, Бём приходит к установлению целого ряда особых «законов», которые, впрочем, «все укладываются в рамки общего закона предельной пользы». Исходным пунктом анализа Бём берёт ценность *всей группы* и устанавливает следующее положение: «Совокупная ценность целой группы материальных благ определяется в большинстве случаев величиною предельной пользы, которую могут принести все эти материальные блага при совместном действии»²⁾. Если три блага А, В, С могут при совместном употреблении принести наименьшую выгодную в хозяйственном отношении пользу в 100 единиц ценности, то ценность всей группы будет равна 100. Так просто обстоит, однако, дело у Бёма лишь в «общем нормальном случае». От этого «нормального случая» нужно отличать специальные

Bedeutung, die eine bestimmte Summe geldes mit Rücksicht darauf, dass er eine Bedürfnissbefriedigung von ihr abhängig weiss, abschätzen will, kann dies schlechterdings nicht anders tun als unter Zuhilfenahme eines objektiven Tauschwertes des Geldes. Jeder Schätzung des Geldes liegt so eine bestimmte Ansicht von seiner Kaufkraft zugrunde» (S. 25). Сам Мизес стремится преодолеть ложный круг исторически, аналогично тому, как это делает Бём-Баверк в отделе о субституционной ценности и, разумеется, с таким же успехом. См. об этом у Гильфердинга, I. c., S. 1025 и 1026.

¹⁾ Бём-Баверк, «Основы», стр. 84.

²⁾ Ibidem, 84–85.

случаи, когда вступает в силу закон субституции, о котором у нас шла речь выше (см. анализ учения о субституционной пользе). А именно, «если, напр., предельная польза, получаемая при комбинированном употреблении, равняется 100, а «субституционная ценность» трёх членов группы в отдельности — лишь 20, 30 и 40 — всего, значит, лишь 90, — то от всех трёх материальных благ, взятых вместе, будет зависеть не получение комбинированной предельной пользы в 100, а получение лишь меньшей пользы в 90»¹⁾. Такая «частность» (весьма «нормальная» — заметим в скобках — для капиталистического строя) не интересует Бём-Баверка, и он анализирует «общий» случай, «когда предельная польза, получаемая при комбинированном употреблении, является, вместе с тем, и наличною предельною пользою, которого определяется ценность материальных благ»²⁾.

Итак, ценность всей группы предполагается данной. Вопрос состоит в том, чтобы определить то отношение, в котором эта общая ценность распределяется между отдельными благами, входящими в состав группы. Это и есть проблема «экономического вменения». Это экономическое вменение нужно, согласно теории австрийцев, отличать от всякого иного «вменения»: правового, морального, физического. Ошибка прежних теоретиков заключалась в том, — говорит Визер, — что «они хотят узнать, какую долю общего продукта, взятого физически, создал каждый фактор... Этого же узнать нельзя»³⁾. Аналогичную позицию занимает и Бём-Баверк, который в данном вопросе вполне соглашается с Визером⁴⁾. При распределении ценностей между различными частями группы возникают разнообразные соотношения, которые зависят, как выражается Бём, «от казуистических особенностей данного случая». Рассмотрим вместе с Бём-Баверком три основных случая.

1) Ibidem, 85.
2) Ibidem.
3) «Sie wollen erfahren, welchen Anteil des gemeinsamen Productes, physikalisch genommen, jeder Faktor hervorgebracht hat, oder von welchem Teile der Wirkung jeder die physische Ursache sei. Das aber ist nicht zu erfahren» (Wieser, «Der nat Wert», S. 72). *См. выше*. I. с., т. II, Москва, 1916.
4) См. «Основы», стр. 91; «Kapital u Kapitalzins», B. II, Teil I, S. 285; Fusnote: «der physikalische Anteil wäre meistens schlechterdings nicht zu berechnen... ist aber auch ganz gleichgültig. Dagegen lässt sich meistens ganz gut feststellen, welchen Betrag vom Nutzen oder vom Werte man hätte entbehren müssen, wenn man einen bestimmten einzelnen Faktor nicht besessen hätte — und diese durch den Besitz oder das Dasein eines Faktors bedingte Quote nenne ich den wirtschaftlichen Anteil desselben am Gesamtprodukt».

I. *Данные блага способны приносить пользу только при совместном действии и не могут замещаться.* В таком случае каждая вещь является носителем совокупной ценности всей комплементарной группы.

II. *Отдельные члены группы могут быть употреблены иначе, вне данной комплементарной группы.* «В подобных случаях ценность отдельной вещи... колеблется уже не между «ничем» и «всем», а только между величиною предельной пользы, которую может принести эта вещь при изолированном употреблении, как минимумом, и величиною комбинированной предельной пользы за вычетом из неё изолированной предельной пользы остальных членов, как максимумом»¹⁾. Пусть три блага *A*, *B*, *C* приносят при совместном употреблении пользу, выражаемую цифрой 100; пусть *вне* комплементарной группы (т. е. при другом «способе употребления») их «изолированная ценность» такова: для *A* — 10, для *B* — 20, для *C* — 30. Тогда «изолированная ценность» *A* равна 10; наоборот, ценность *A* в качестве члена комплементарной группы (предполагается случай «потери» *A* и вызываемого этой «потерей» распада группы) будет равняться выражению 100–(20+30), т. е. 50.

III. *Часть членов группы может замещаться.* Тут вступает в силу принцип субституции. Общая формула для такого случая такова: «Ценность могущих замещаться членов комплементарной группы, независимо от их конкретного комплементарного употребления, устанавливается на определённой высоте, на которой она остаётся для них и при распределении общей ценности группы между отдельными членами. Распределение это совершается таким образом, что из общей ценности целой группы, ценности, определяющей предельною пользою, получаемую при комбинированном употреблении, — выделяется прежде всего неизменная ценность могущих замещаться членов, а остаток, — колеблющийся смотря по величине предельной пользы, — приходится, в качестве их изолированной ценности, на долю тех членов, которые замещаться не могут»²⁾.

Такова, в общих чертах, теория «экономического вменения». Несомненно, что «вменение» ценности продукта различным производственным факторам есть некоторый реально протекающий

1) «Основы», стр. 86.
2) Ibidem, 89.

психологический процесс ¹⁾. Поскольку мы имеем перед собой *индивидуально-психологические* явления, «оценки» и т. д., постольку находит себе место и отнесение ценности продукта на счёт различных «факторов» ²⁾. Другой, конечно, вопрос — может ли исследование этих явлений привести к удовлетворительному разрешению проблемы. Для нас достаточно рассмотреть наиболее типичный случай, а именно тот, когда решающим является привхождение субституционных оценок. Прежде всего, *какая* «ценность продукта» вменяется комплементарной группе? Что представляет она из себя в глазах капиталиста?

Выше мы видели, что даже Бём-Баверк сводит оценки товаров их капиталистическими товаропроизводителями почти к нулю. Предельная польза товаров для капиталиста не существует, как норма *его* оценки. С другой стороны, нелепо говорить о какой-нибудь «социальной» предельной полезности ³⁾. То, о чём может говорить в данном случае капиталист (и о чём он говорит в действительности), то, что он «относит» то к одной, то к другой части своего производительного капитала, есть не что иное, как *цена* продукта. Значит, введение того или иного производственного фактора, того или другого члена комплементарной группы зависит прежде всего от *цены продукта*, а *вовсе не от его предельной пользы*, как это утверждает Бём-Баверк.

¹⁾ «Wenn man nach der wirtschaftlichen Praxis urteilen darf, so gibt es eine Regel der Aufteilung. Niemand bleibt praktisch dabei stehen, dass der Ertrag allen erzeugenden Faktoren zusammen zu danken sei. Jedermann versteht und handhabt, wenn auch mehr oder minder vollkommen, die Kunst der Ertragsaufteilung. Ein guter Geschäftsmann muss wissen und weiss, was ihm ein guter Arbeiter erbringe, wie sich eine Maschine rentire, wie viel er sich auf den Rohstoff zu rechnen habe, welchen Ertrag das, und welchen jenes Grundstück liefere. Wüsste er das nicht, vermöchte er nur im Ganzen, in Bausch und Bogen, Einsatz und Erfolg der Produktion zu vergleichen, so hätte er ganz und gar keine Auskunft, falls der Erfolg hinter dem Einsatz zurückbleibe». (*Wieser*, «Der nat. Wert», S. 70–71).

²⁾ Оговариваемся, что это верно лишь постольку, поскольку мы описываем индивидуальную психологию товаропроизводителя. Вопрос стоит совершенно иначе, если мы становимся на *общественную* точку зрения. Тогда всё «экономическое вменение» может касаться лишь общественного труда. Эти две точки зрения отчётливо различались *Марксом* (ср., напр., расчёты прибыли на *весь* капитал, а не на его переменную часть). Нам кажется, что *И. Н. (Parvus)* в своей остроумной критике теории прибыли *Бёма* это различие упускает. См. его : «Oekonomische Taschenspielererei», «Neue Zeit», Jahrg. X.

³⁾ «...allein in der Verkehrswirtschaft gibt es nicht, was einem solchen sozialen Grenznutzen entsprechen» (*J. Schumpeter*, «Bemerkungen über das Zurechnungsproblem». Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung», Band 18 (1909), S. 102).

Далее. В нашем типичном случае члены комплементарной группы могут замещаться, т. е. их можно во всякое время купить на рынке. Нашему капиталисту опять-таки отнюдь не безразлично, за сколько он может купить ту или иную машину, за сколько он может нанять рабочего и т. д. Другими словами, его очень интересует *рыночная цена средств производства*, и, в зависимости от неё, он то вводит новые машины, то предпочитает нанимать добавочные рабочие руки, то расширяет, то сокращает производство. Наконец, сюда привходит иногда и иная категория *объективно-данных* экономических величин, а именно, высота процента. В самом деле, как, напр., оценивает землевладелец свою землю? По Бём-Баверку, эта оценка совершается таким образом: «из общей суммы дохода вычитаются прежде всего «издержки производства»» («расходы на *способные замечаться производительные средства данной субституционной ценности*») ¹⁾. Остаток землевладелец «относит» на счёт своей земли ²⁾. Это есть то, что называют рентой, капитализацией которой даётся цена земли. Что именно *так*, т. е. путём капитализации ренты, оценивается каждый участок — не приходится доказывать: любой практический случай подтверждает эту мысль. Однако, подобная расценка предполагает данной *высоту процента*, от которой всецело зависит результат капитализации.

Мы видим, таким образом, что Бём-Баверк неверно описывает даже фетишистскую психологию «производителя», исключая из неё «объективные» моменты, которые в ней даны всякий раз, как мы предполагаем товарное производство и — в ещё большей степени — капиталистическое товарное производство.

Теория «экономического вменения» служит у представителей австрийской школы непосредственным переходом к теории распределения. Поэтому мы оставляем здесь ряд затрагиваемых Бём-Баверком вопросов, чтобы вернуться к ним при разборе его теории прибыли ³⁾.

¹⁾ *Бём-Баверк* «Основы», стр. 90.
²⁾ Там же.
³⁾ Разногласия между *Визером* и *Бём-Баверком* в вопросе о «вменении» основаны, главным образом, на том различии, которое разделяет обоих теоретиков в их взгляде на *ценность суммы* благ, и о котором мы упоминали выше в соответствующем месте. Об этом смотри *Böhm-Bawerk*, «Kapital und Kapitalzins», В. II, Teil II. Exkurs VII. Аналогичную критику *Визера*, в связи с критикой понятия «Gesamtwert», даёт также *J. Schumpeter* в уже цитированных нами «Bemerkungen über das Zurechnungsproblem» («Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung», Band 18).

**5. ЦЕННОСТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ БЛАГ. ИЗДЕРЖКИ
ПРОИЗВОДСТВА.**

Классическая школа политической экономии, равно как и Маркс, при анализе составных частей ценности продуктов потребления сводила эту ценность в значительной мере к ценности затраченных средств производства; какие конкретные формы ни принимал этот анализ, всё же общей мыслью, лежавшей в основе его, была та мысль, что определяющим фактором ценности *свободно воспроизводимых* благ является ценность средств производства. Наоборот, по учению австрийских теоретиков, их (т. е. производимых благ) ценность равна «ожидаемой ценности ожидаемой полочки», выраженной в потребительных благах. И в этом, собственно, заключается действительная основная мысль новой системы политической экономии в противоположность к классической. Она заключается в том, «что мы, исходя из ценности потребительных благ, базируем на этом теорию образования цен и объясняем ценность производимых благ (что необходимо в данном случае) таким образом, что выводим её из ценности потребительных благ»¹⁾. Изложим более подробно эту «основную мысль». Бём-Баверк, по примеру Менгера (вернее, Госсена), делит все блага вообще на разряды по степени их большей или меньшей близости к процессу потребления. Таким образом, у нас имеются, во-1-х, *потребительные* блага; во-2-х, те производимые блага, которые *непосредственно* соприкасаются с данными потребительными благами, или «производительные блага *первого разряда*»; затем следуют средства производства благ первого разряда, или «производительные блага *второго разряда*», и т. д. Последние блага называются благами «высшего» или «отдалённого порядка». Чем же определяется ценность этих благ «высшего порядка»? Бём рассуждает следующим образом. Всякое благо — а следовательно, и любое благо «высшего порядка», т. е. любое средство производства — может приобретать ценность только в том случае, если оно (прямо или косвенно)

¹⁾ «...Ihr Wert ist gleich dem «erwarteten Werte des erwarteten Ertrages» an Genussgütern. Und darin nun liegt der wahre Grundgedanke des neueren Systems der Oekonomie im Gegensatz zu dem der Klassiker. Er liegt darin, dass wir, vom Werte der Genussgüter ausgehend, die Theorie der Preisbildung darauf basieren und uns den Wert der Produktivgüter, den wir bei diesem Vorgehen ja auch brauchen, dadurch verschaffen, dass wir ihn aus dem der Genussgüter ableiten» *J. Schumpeter*, «Bemerkungen...» S. 83.

удовлетворяет какую-нибудь потребность. Предположим, что у нас имеется потребительное благо *A*, которое является в результате применения ряда производимых благ *G₂*, *G₃*, *G₄* (цифры 2, 3, 4 обозначают «разряд» благ, т. е. степень их удалённости от потребительного блага *A*). Ясно, что от блага *G₁* зависит получение предельной пользы продукта *A*. «Стало быть, от группы *G₂* зависит, точно так же, как и от самого заключительного продукта *A*, предельная польза этого последнего»¹⁾. Рассуждая аналогичным образом, Бём-Баверк приходит к следующему заключению:

«От всех переходящих одна в другую групп производимых средств более отдалённого порядка зависит одна и та же выгода, в смысле благополучия, именно, предельная польза их заключительного продукта»²⁾. Таким образом, «прежде всего и непосредственно величина предельной пользы отпечатывается в ценности заключительного продукта. Ценность заключительного продукта служит основой для определения ценности той группы материальных благ, непосредственным продуктом которой он является, ценность этой группы — основой для ценности группы материальных благ третьего порядка, а эта последняя — для ценности группы четвёртого порядка. Таким образом, от одной группы к другой изменяется название элемента, которым определяется ценность, но под различными именами действует одна и та же сущность: это — предельная польза заключительного продукта»³⁾. Так обстоит дело, если мы не принимаем во внимание того обстоятельства, что одно и то же средство производства может служить (и обыкновенно служит) для изготовления *различных* потребительных ценностей. Предположим, что производимое благо *G₂* может быть употреблено в трёх производственных отраслях, при чем получают продукты *A*, *B*, *C* с соответственной предельной полезностью в 100, 120, 200 единиц ценности. Рассуждая точно так же, как и при анализе ценности потребительных благ, Бём-Баверк строит вывод, что потеря одной группы производимых благ категории *G₂* приводит к сокращению той отрасли производства, которая даёт продукт с наименьшей предельной полезностью. Отсюда выводится следующее положение:

«Ценность единицы производимых средств определяется предельною пользою и ценностью продукта, имеющего наименьшую

¹⁾ Бём-Баверк, «Основы», стр. 95–96.

²⁾ Ibid., стр. 96.

³⁾ Ibid., стр. 97.

предельную пользу среди всех продуктов, на производство которых хозяйственный расчёт позволил бы употребить эту единицу производительных средств»¹⁾. Этот закон объясняет, по мнению Бём-Баверка, и «классический» закон издержек производства. А именно, ценность тех благ, предельная полезность которых не является наименьшей предельной полезностью (в нашем примере группы *B* и *C*), будет определяться не их предельной полезностью, а ценностью средств производства («издержки производства»), которая, в свою очередь, определяется ценностью и предельной полезностью «предельного продукта» («Grenzprodukt»), т. е. продукта, предельная польза которого оказывается наименьшей. Здесь действует, таким образом, принцип субституции, о котором мы говорили выше. Итак, для всех видов «родственных по производству»²⁾ благ, за исключением «предельного продукта», определяющим фактором являются издержки производства («определяющим элементом является ценность производительных средств, а определяемым — ценность продукта», см. стр. 105); но эта последняя величина, т. е. ценность средств производства, сама определяется ценностью предельного продукта, его предельной полезностью. «В последнем счёте» определяющей величиной является предельная полезность, а закон издержек производства — «частным законом», так как «издержки производства являются не окончательным, а всегда лишь промежуточным фактором, которым определяется ценность материальных благ»³⁾.

Такова в общих чертах теория ценности производительных благ, развиваемая новой школой. Перейдём к критике этого построения, начиная с его «основной мысли» о зависимости ценности средств производства от ценности продукта⁴⁾.

Самым важным эмпирическим фактом, лёгшим в основу «старой» теории, гласившей, что издержки производства являются фактором, определяющим ценность (resp. цену) продукта,

¹⁾ Ibid., стр. 103.

²⁾ «Produktionsverwandte Güter» — так называет Бём-Баверк блага, которые производятся при помощи одинаковых средств производства.

³⁾ Ibid, 106–107.

⁴⁾ Мы будем иметь здесь в виду воспроизводимые «блага». Теория невоспроизводимых благ (их *цены*, а не ценности, если держаться терминологии Маркса) потребовала бы специальной разработки. По нашему мнению, важна именно теория ценности свободно воспроизводимых благ, так как здесь лежит линия всего общественного развития, а вскрыть законы последнего — и есть основная задача политической экономии. Образцом теории цены невоспроизводимых благ является Марксова теория ренты в связи с вопросом о цене земли.

был факт падения товарных цен в связи с техническим прогрессом. Связь между сокращением издержек производства и падением товарных цен казалась совершенно ясной. И это явление необходимо прежде всего предьявить Бём-Баверку в качестве пробного камня его собственной теории.

По этому поводу Бём-Баверк рассуждает следующим образом.

Предположим, — говорит он — что открыты новые залежи медной руды. Тогда это обстоятельство влечёт за собой (если не предполагать соответственно большого роста спроса) падение ценности продуктов, изготовляемых из меди. Толчок исходит, таким образом, из сферы производительных благ. Но это не значит, — утверждает Бём, — что первопричиной является падение ценности меди. По Бёму, дело происходит так: увеличивается количество меди, что влечёт за собой увеличение количества продуктов, изготовляемых из неё; последнее обстоятельство сопровождается падением ценности этих продуктов, а это падение ценности продукта имеет следствием падение ценности производительного блага (меди)¹⁾.

Рассмотрим это положение более подробно. Прежде всего, совершенно ясно, что всякое производительное благо до тех пор может иметь ценность (в каком бы смысле мы ни употребляли последнее понятие: в смысле ли объективной ценности Маркса или в смысле субъективной ценности Бём-Баверка), пока оно является действительно производительным благом, т. е. средством для производства какого-либо полезного предмета. Только в этом

¹⁾ Приведём это интересное место полностью: «Ich habe indes oben absicht ich von «Ursachen» gesprochen, «die auf Seite der Produktivgüter einsetzen», und nicht von «Ursachen, die auf Seite des Wertes der Produktivgüter einsetzen». Denn mir scheint, dass, wenn auch der kausale Anstoss von Umständen ausgegangen ist, die sich auf Seite der Produktivgüter zutragen, die weitere kausale Verkettung eine solche ist, dass der Wert der Produktivgüter in derselben nicht vorsondern hinter dem Werte der Produkte steht. Die grössere Häufigkeit eines Produktivmittels ist (indirekt) Ursache des geringeren Wertes des Produktes; aber de ebenfalls indirekt hieraus entspringende geringere Wert des Produktivmittels ist trotzdem nicht Ursache, sondern Folge des geringeren Wertes der Produkte. Die Verkettung ist nämlich die folgende: Die vergrösserte Menge von (Kupfererzen und) Kupfer führt zu einer grösseren Menge von Kupferprodukten, diese bewirkt ein stärkere Sättigung der nach Produkten dieser Art bestehenden Bedürfnisse; dadurch rückt ein minder wichtiges Bedürfniss in die Stelle des «abhängigen Bedürfnisses», dadurch wird der Grenznutzen und Wert der Kupferprodukte, und weiterhin endlich der durch ihn vermittelte Grenznutzen und Wert des Produktivgutes Kupfer herabgedrückt». (Böhm-Bawerk, «Kapital u. Kapitalzias», II, Teil II, Exkurs VIII, S. 257)

смысле можно говорить о ценности продукта, как о «причине» ценности производительного блага¹⁾. Совсем другое получается, если мы под «причиной» будем разумеать именно «kausaler Anstoss» (см. сноску на предыдущей стр.).

Этот kausaler Anstoss идёт, как мы видели, из сферы производительных благ. Возникает вопрос, идёт ли речь здесь — как думает Бём — только о *количестве* средств производства или же, наряду с увеличением этого количества, тем самым дано и уменьшение ценности средств производства (в последнем случае ценность продукта была бы определяемой величиной). Несомненно, что *противопоставлять* количество средств производства ценности их нет ровно никаких оснований²⁾. Прежде всего, бросается в глаза то обстоятельство, что падение ценности (т. е., в сущности говоря, *цены*; об этом ниже) производительных благ происходит хронологически ранее, чем падение ценности продуктов потребления. На рынке всякий появляющийся товар представляет не только известное количество предметов, но известную ценностную величину. И выброшенная в избыточном количестве медь понижается в цене ещё задолго до того, как

¹⁾ Точно выражаясь, это — не причина, а *условие*. Непонимание этого влечёт за собою такую же путаницу, какую в области социологии влечёт теория взаимодействия. Ср. напр., у *Дитцеля*: «Diese Alternative (т. е., что является причиной: ценность ли издержек производства или ценность продукта. *Н. Б.*) aber besteht nicht, sondern *Wert der Produktivgüter* und *Wert der Genussgüter bedingen sich wechselseitig*. Kein *Produktivgut* hat wirtschaftlichen Wert, dessen *Produkte (Genussgüter)* wertlose — nutzlose und in Ueberfülle vorhandene Objekte... waren. So erscheint der Wert des *Produktes* als *Ursache* des Wertes, des *Produktivguts*. Kein *Produkt* (Genussgut) hat wirtschaftlichen Wert, dessen *Produktivgut* (oder dessen *Produktivgüter*) wertlose — nutzlose und in Ueberfülle vorhandene Objekte... wären. So erscheint der Wert des *Produktivguts* als *Ursache* des Wertes des Produkts». (*Heinrich Ditzel, «Zur klassischen Wert- und Preistheorie»*. — *Conrad's Jahrbücher*, 3 Folge. I Band, S. 694).

²⁾ «*Böhm-Bawerk*... meint, nicht der Wert, sondern die Häufigkeit des Produktivmittels setze in solchen Fällen («indirekt») den Wert des Produktes herab. Das ist sehr fein gedacht. Aber es ist jedenfalls nicht wahrer als der Satz: Nicht der Wert des Produktes, sondern das Bedürfniss nach dem Produkt wirkt auf den Wert der Produktivmittel zurück. Gewiss ist der Gegensatz: *nicht* der Wert, *sondern* die Häufigkeit, nicht zwingend. Die Häufigkeit der Produktivgüter wirkt nur dann auf den voraussichtlichen Wert des Produktes, und zwar auf dessen voraussichtliche Menge, wenn sie zuvor auf den Wert des Produktivmittels gewirkt hat oder doch diese Wirkung vorauszusehen ist. Sie wirkt nicht, wenn diese Wirkung auf den Wert des Produktivmittels durch ein Kartell oder durch eine gesteigerte Nachfrage in einem anderen Zweige der Verwendung des Produktivmittels ausgeschaltet ist». (*Dr. Karl Adler, «Kapitalzins und Preisbewegung»*. Verl. von Dunker u. Humblot. München u. Leipzig 1913, S. 13–14 (Fussnote).

понижаться цены на выделяемые из меди продукты. Правда, и на это у Бём-Баверка имеется возражение. А именно, он указывает на то обстоятельство, что ценность благ «высшего порядка» управляется не той ценностью благ «низшего порядка» какую они имеют в данный момент, а той, которую они *будут иметь* при увеличившемся количестве вступивших в производственную сферу средств производства¹⁾. Однако, если вообще расстояние между средствами производства и продуктами потребления настолько велико, что даже сами сторонники теории предельной полезности сомневаются в правильности положения о зависимости ценности производительных средств от ценности продукта²⁾, то в данном случае, при изменении количества производительных средств, выброшенных на рынок, совершенно очевидно, что установить такую зависимость, о которой говорит Бём, нельзя. Здесь мы можем противопоставить утверждениям Бём-Баверка его же собственные положения, вполне достаточные для того, чтобы выяснить данный вопрос... «Если мы исследуем, — пишет Бём, — какую ценность имеют... производительные средства, то найдём, что ценность эта определяется предельною пользою предельного продукта *А*. Впрочем, в очень многих случаях нам не представляется надобности заниматься такого рода исследованием, В очень многих случаях мы уже заранее знаем ценность производительных средств, не выводя её шаг за шагом из её источника...» В примечании к этому месту мы находим следующее добавление: «В особенности существование *разделения труда и обмена* много способствует тому, что и *ценность промежуточных продуктов нередко (!) устанавливается самостоятельно*»³⁾.

К сожалению, Бём-Баверк не развивает своей мысли и не показывает нам, почему разделение труда и обмен оказывают такое решающее влияние на установление «самостоятельности» ценности производительных благ. В действительности дело происходит следующим образом: современное общество есть отнюдь не гармонически-развитое целое, где производство планомерно приспособляется к потреблению; производство и потребление оторваны теперь друг от друга, это два различных полюса экономической жизни; оторванность производства от потребления

¹⁾ Ср. *Exkurs VIII* (Wert und Kosten), S. 258. Fussnote.
²⁾ *Scharling*, «Grenznutzentheorie und Grenzwertlehre». *Conrad's Jahrbücher*, II F. Bd. 27, S. 25: «Die ganze Kette wird zu lang, als dass man diese Berechnung durchführen könnte».
³⁾ *Бём-Баверк*, «Основы», стр. 103–104; примеч. на стр. 106. Курсив наш.

выражается, между прочим, и в таких хозяйственных потрясениях, как кризисы. Сами агенты производства отнюдь не ставят оценок своих продуктов в зависимость от «предельной полезности» — так обстоит дело, как мы видели выше, даже с продуктами потребления; ещё ярче проявляется та же черта в сфере производства средств производства. Анархически построенное общество, связность отдельных производственных частей которого отнюдь не есть *планомерная* связность, в конечном счёте регулируемая общественным потреблением, ведёт неизбежно к тому положению вещей, которое можно условно охарактеризовать, как «производство для производства». А последнее обстоятельство, в свою очередь, формирует психику агентов капиталистического производства (анализ которой и составляет задачу Бём-Баверка) совершенно иначе, чем предполагает этот последний. В самом деле, начнём с оценок продавцов средств производства. Это — капиталисты, капиталы которых вложены в те отрасли производства, которые занимаются изготовлением средств производства. Чем определяется оценка производимых средств производства со стороны владельца данного предприятия? Конечно, он оценивает свой товар («производительные блага») отнюдь не по предельной полезности продукта, производимого при помощи этого товара; он оценивает свой товар в зависимости от той *цены*, которую он может получить за него на рынке, другими словами, он оценивает его, в терминах Бёма, по субъективной *меновой* ценности¹⁾. Предположим теперь, что у данного «производителя» вводится новая техника и расширяется производство: теперь он в состоянии будет выбросить большую массу своего товара — средств производства — на рынок. В какую сторону изменится при этом оценка единицы товара? Она, конечно, понизится. Но понизится она в его глазах не потому, что падут цены на продукты, изготавливаемые из его товара, а потому, что он будет стремиться понизить эти цены, чтобы путём пониженных цен отбить покупателей у своих конкурентов и тем самым получить большую массу *прибыли*.

Обратимся теперь к другой стороне, к покупателям. В нашем случае покупателями будут капиталисты из того подразделения промышленности, которое производит средства потребления при помощи средств производства, покупаемых у капиталистов

¹⁾ «Высотой рыночной цены, какую может получить каждый производитель за свой продукт, определяется высота субъективной *меновой ценности*, какую он придаёт продукту...» (Бём-Баверк, «Основы», стр. 208).

первого подразделения (производство средств производства). Оценка их будет, конечно, *считаться* с предлагаемой ценой продукта; но эта предполагаемая цена продукта может, в крайнем случае, служить лишь верхней границей; практически оценка средств производства всегда ниже, и та величина, на которую понижается оценка средств производства со стороны покупателей, в нашем примере есть не что иное, как некоторый корректив к прежней цене, вызванный появлением на рынке большего количества этих средств производства.

Такова действительная, а не выдуманная психология агентов товарного производства. На деле, следовательно, ценность средств производства устанавливается более или менее самостоятельно, и изменение ценности средств производства происходит хронологически ранее, нежели изменение ценности продуктов потребления. Анализ, следовательно, необходимо вести так, чтобы исходным пунктом были именно ценностные изменения в сфере производства средств производства.

Здесь следует отметить одну очень важную логическую ошибку. Выше мы видели, что ценность средств производства определяется, по Бём-Баверку, через ценность продукта; «в конечном счёте» решающим моментом является предельная полезность предельного продукта. Чем же определяется высота этой предельной пользы? Мы знаем уже, что высота предельной пользы находится в обратном отношении к количеству оцениваемого продукта; чем больше единиц данного рода благ, тем ниже падает оценка каждой единицы «запаса», и обратно. Естественно возникает вопрос о том, чем же определяется, в свою очередь, это количество. А на это наш профессор отвечает: «Масса предназначенных для продажи товаров сама... определяется... в особенности *высотой издержек производства*. Чем выше издержки производства данного товара..., тем относительно ниже число экземпляров этого товара»¹⁾. Таким образом, получается следующее «объяснение»: ценность производительных благ («издержки производства») определяется через ценность продукта; последняя зависит от количества продукта; количество продукта определяется издержками производства. Короче, издержки производства определяются издержками производства, и мы снова видим перед собой одно из «кажущихся объяснений», которыми так богата теория австрийской школы. Бём-Баверк попадает в тот самый ложный круг, в котором, по его совершенно справедливому

¹⁾ «Основы», стр. 183–184.

утверждению, находится до сих пор старая теория издержек производства ¹⁾. В заключение скажем ещё несколько слов об общей формуле, которую Бём даёт для ценности средств производства. Как мы знаем, «ценность единицы производительных средств определяется предельною пользою и ценностью продукта, имеющего наименьшую предельную пользу среди всех продуктов, на производство которых *хозяйственный расчёт* позволил бы употребить эту единицу производительных средств». Если мы возьмём теперь капиталистическое производство, то тотчас же увидим, что «хозяйственный расчёт», о котором говорит Бём-Баверк, предполагает уже заранее данной категорию *цены* ²⁾. Это опять-таки ошибка, «имманентная» всей австрийской школе и вытекающая, как мы подробно доказывали выше, из непонимания роли общественных связей в образовании индивидуальной психологии современного «экономического человека».

6. Итоги

Мы можем подвести итог разбору теории субъективной ценности, вкратце разобрав ту теорию *цены*, которая предлагается нам со стороны австрийской школы. В самом деле, ведь цена рассматривается Бём-Баверком, как некоторая результирующая субъективных оценок, сталкивающихся в процессе обмена на рынке. При выводе этой равнодействующей Бём-Баверку приходится насчитывать ряд факторов, принимающих участие в её образовании, которые касаются, главным образом, *содержания*, т. е. числовой определённости, субъективных оценок борющихся на рынке покупателей и продавцов. Вскрывая противоречивость и негодность утверждений Бёма относительно этих «факторов», мы кратко суммируем те критические замечания, которые были подробно развиты в предыдущем изложении.

Но предварительно нам следует несколько остановиться на

¹⁾ Ср. с этим *Н. Шапошников*, «Теория ценности и распределения», стр. 37, 38. Там же ссылка на *Stolzmann'a* и *Мануйлова*.
²⁾ Ср. *G. Eckstein* в «*Neue Zeit*», XXVIII, Bd. I, S. 371. Бём сам пишет: «Лесоторговец, желающий купить лесу на клёпки для бочек, очень быстро справится с определением ценности, какую имеет для него лес: он высчитает, сколько клёпок можно из него сделать, а что стоят клёпки... в данный момент на рынке — это ему уже *известно*; об остальном ему беспокоиться нечего» (*Бём-Баверк*, «Основы», стр. 97–98) Лесоторговец, конечно, «справится» и «беспокоиться ему нечего». Но вот о Бёме сказать этого отнюдь нельзя.

том изображении *механизма* менового процесса, которое даёт Бём-Баверк. Бём-Баверк рассматривает процесс обмена в порядке возрастающей сложности его условий; здесь у него получаются 4 случая: во-1-х, изолированный обмен; во-2-х, одностороннее соперничество между *покупателями*; в-3-х, одностороннее соперничество между *продавцами* и, наконец, в-4-х, «обоюдное соперничество», т. е. тот случай, когда налицо имеется и конкуренция между продавцами, и конкуренция между покупателями.

Для первого случая (изолированный обмен) получается очень простая формула, а именно: «при изолированном обмене между двумя лицами цена устанавливается в пределах между субъективною оценкой товара со стороны покупателя, как максимумом, и оценкою товара со стороны продавца, как минимумом» ¹⁾.

Для второго случая (конкуренция между одними покупателями) Бём-Баверк даёт такую формулу: «При одностороннем соперничестве между покупателями продаваемую вещь покупает наиболее сильный конкурент, то есть тот, который оценивает вещь, по отношению к предлагаемому в обмен товару, всего выше, а цена движется между оценкой вещи купившим её конкурентом, как максимумом, и оценкой её самым сильным из остальных побитых конкурентов, как минимумом, — причём сохраняет своё значение и другой, второстепенный минимум цены, заключающийся в оценке продаваемой вещи самим продавцом» ²⁾.

Аналогичное положение имеется и в третьем случае, т. е. при одностороннем соперничестве между продавцами: а именно, здесь пределы, в которых будет колебаться цена, определяются *наименьшей* оценкой со стороны самого сильного (или, как выражается Бём, обладающего «наибольшей обменоспособностью») продавца и той оценкой, которая имела у наиболее сильного из *побитых* конкурентов.

Наибольший интерес представляет, конечно, четвёртый случай, т. е. конкуренция и между продавцами, и между покупателями. Этот случай играет роль типичного примера меновых сделок при сколько-нибудь развитом меновом хозяйстве. Для этого случая Бём даёт схему, где имеется десять покупателей, из которых каждый хочет купить одну лошадь, и восемь продавцов, из которых каждый хочет продать одну лошадь. Цифры обозначают числовую величину соответствующей оценки.

¹⁾ «Основы», стр. 145.
²⁾ Ibid., 146–147.

Покупатели:				Продавцы:			
A ₁	оценивает лошадь в 300 флор.	B ₁ оценивает свою лошадь в 100 флор.					
A ₂	"	"	280	"	B ₂	"	" 110
A ₃	"	"	260	"	B ₃	"	" 150
A ₄	"	"	240	"	B ₄	"	" 170
A ₅	"	"	220	"	B ₅	"	" 200
A ₆	"	"	210	"	B ₆	"	" 215
A ₇	"	"	200	"	B ₇	"	" 250
A ₈	"	"	180	"	B ₈	"	" 260
A ₉	"	"	170	"			
A ₁₀	"	"	150	"			

Пусть покупатели начинают с цены в 130 флоринов. Ясно, что по такой цене могли бы купить лошадей все 10 покупателей, тогда как со стороны продавцов только двое (B₁ и B₂) могли бы согласиться на подобную сделку. При таких условиях очевидно, что меновой акт не может реализоваться, ибо продавцы неминуемо будут пользоваться конкуренцией между покупателями, и цена должна будет идти вверх; точно так же и конкуренция между покупателями не позволила бы только *двоим* покупателям совершить сделку на 130 фл. При дальнейшем повышении цены число конкурентов со стороны покупателей должно сокращаться. В самом деле, при цене в 150 фл. отпадает покупатель A₁₀, при цене в 170 фл. отпадает A₉ и т. д. Но, с другой стороны, чем более сокращается число покупателей, тем более возрастает число продавцов, которым возможно, с точки зрения хозяйственного расчёта, принять участие в меновом акте. При цене в 150 фл. может продать лошадь B₈; при цене в 170 фл. — B₄ и т. д. При цене в 200 фл. конкуренция между покупателями ещё продолжает действовать. Положение дел принимает, однако, другой оборот при дальнейшем повышении. Пусть цена поднимается выше 210 фл. Тогда спрос и предложение взаимно уравниваются. Выше 220 цена подняться не может, ибо тогда был бы исключён покупатель A₅, и конкуренция между *продавцами* заставила бы цену понизиться; в нашем конкретном случае цена не может, в сущности, подняться и до 215, так как тогда на 6 продавцов приходилось бы всего 5 покупателей. *Таким образом, цена устанавливается в границах между 210 и 215 флоринами.*

Отсюда следует: во-1-х, что «совершить меновую сделку, т. е. купить или продать, действительно удастся с той и с другой стороны конкурентам, обладающим наивысшей обменоспособностью, а именно, — тем из покупателей, которые оценивают

товар всего выше (A₁–A₅), и тем из продавцов, которые оценивают товар всего ниже (B₁–B₅)» ¹⁾.

Во-2-х. «В меновую сделку фактически вступает с той и с другой стороны столько лиц, сколько получается пар, если разместить попарно желающих купить и продать по степени их обменоспособности в нисходящем порядке, — пар, из которых в каждой покупатель оценивает товар, по отношению отдаваемой в обмен на него вещи, выше, нежели продавец» ²⁾.

В-3-х. «При обоестороннем соперничестве, границы, в пределах которых устанавливается рыночная цена, определяются сверху — оценками последнего из фактически вступающих в меновую сделку покупателей и наиболее сильного по своей обменоспособности из устранённых конкуренцией с рынка продавцов, а снизу — оценками наименее сильного по обменоспособности из фактически заключающих меновую сделку продавцов и наиболее сильного по обменоспособности из неимеющих возможности вступить в меновую сделку покупателей» ³⁾. Если назвать выше определённые пары «предельными парами», то получится такая формулировка закона цен: «*Высота рыночной цены ограничивается и определяется высотой субъективных оценок товара двумя предельными парами*» ⁴⁾.

Таков механизм конкуренции, т. е. процесс образования цен, взятый с его *формальной* стороны. По существу дела, это не что иное, как развёрнутая формулировка давно известного закона спроса и предложения. Поэтому нас интересует гораздо более не эта формальная сторона дела, а самое содержание его, т. е. количественная определённость менового процесса. Но предварительно ещё одно небольшое замечание. Определяя «общие правила», которыми будут руководствоваться агенты обмена, Бём-Баверк формулирует три таких «правила»: «во-1-х, он (т. е. участник меновой сделки. Н. Б.) *вступит в меновую сделку вообще только в том случае, когда обмен приносит ему выгоду*; во-2-х, он *предпочтёт скорее совершить сделку с большей, нежели*

¹⁾ «Основы», стр. 154.
²⁾ Ibid., стр. 165–156. Под «обменоспособностью» (Tauschfähigkeit) Бём-Баверк понимает отношение между оценками получаемой и отдаваемой вещи. «Таким образом, вообще говоря, наивысшей обменоспособностью обладает тот из участников, который оценивает свою собственную вещь всего ниже по отношению к другим обмениваемым вещам, или, что то же самое, — который оценивает нужную вещь всего выше по отношению к предлагаемой за неё собственной вещи» (Основы, 143).
³⁾ Ibid., 156.
⁴⁾ Ibid., 157.

с меньшей выгодой; в-3-х, наконец, он предпочтёт совершить меновую сделку с меньшей выгодой, нежели совсем отказаться от обмена»¹⁾. Из этих трёх «общих правил» первое неверно. А именно, могут быть случаи, когда продавцы вступают в обмен, терпя *убыток*, и действуют по «правилу»: лучше меньший убыток, чем больший убыток. Это бывает в тех случаях, когда капиталисты вынуждены рыночной конъюнктурой продавать свой товар по цене, более низкой, чем издержки производства. Сам Бём-Баверк говорит в другом месте, что только «сентиментальный глупец» (*sentimentaler Tor*) отказался бы при таких условиях от продажи своего товара. Здесь первоначальная оценка продавца, с которой он является на рынок, отступает перед стихийной силой рыночной конъюнктуры и заставляет его заключать сделку с явным ущербом для его предприятия.

Перейдём теперь к факторам, определяющим — в рамках вышеописанного формального «закона цен» — высоту этих цен. Таких факторов Бём-Баверк насчитывает шесть: 1) число желаний или требований, относящихся к товару; 2) абсолютная величина объективной ценности *товара* для покупателей; 3) абсолютная величина субъективной ценности *денег* для покупателей; 4) количество товара, предполагаемого для продажи; 5) абсолютная величина субъективной ценности *товара* для продавцов; 6) абсолютная величина субъективной ценности *денег* для продавцов. Рассмотрим, чем, в свою очередь, определяется по Бём-Баверку каждый из этих факторов в отдельности.

1. *Число желаний, направленных на товар*. По поводу этого фактора Бём пишет: «Относительно этого фактора мало можно сказать такого, что не разумелось бы само собою. На него оказывают, очевидно, влияние, с одной стороны — размеры рынка, с другой — характер данной потребности... Впрочем, — и это единственное замечание теоретического характера, которое нам придётся здесь делать, — не всякий желающий *обладать* товаром, в силу своей потребности в нём, является вместе с тем и человеком, *желающим купить* этот товар... Бесчисленное множество людей, нуждающихся в известных материальных благах и желающих обладать ими, тем не менее добровольно (!) устраняются от участия в обмене, так как у них оценка денег, при *предполагаемом состоянии цен на рынке* (наш курсив. Н. Б.), настолько превышает оценку товара, что они заранее оказываются лишёнными экономической возможности заключить меновую сделку»²⁾.

¹⁾ Ibidem, 140.
²⁾ Ibidem, 176.

Таким образом, «число желаний» определяется, как число желаний вообще минус число заранее самоустраниющихся, а это последнее определяется в зависимости от *рыночных цен*, определение которых должно быть дано, в свою очередь, в зависимости от «числа желаний».

2. *Оценка товаров покупателями*. «Высота ценности — пишет по данному пункту Бём-Баверк — определяется, вообще, величиною *предельной пользы*»¹⁾. Выше мы подробно разбирали это положение и нашли, что покупатели отнюдь не оценивают товаров по их предельной пользе. Корректив же самого Бём-Баверка — его теория *субституционной* ценности — есть не что иное, как теоретический круг.

3. *Субъективная ценность денег для покупателей*. Замечания Бём-Баверка по этому вопросу сводятся к тому, что, «вообще говоря, в глазах более богатых людей субъективная ценность денежной единицы будет меньше, в глазах более бедных — больше»²⁾. По существу же теория денег состоит в том, что субъективная ценность денег — и для продавцов, и для покупателей — есть их субъективная *меновая* ценность, которая опять-таки зависит от слагающихся на рынке товарных *цен*. Таким образом, и этот «фактор образования цен» объясняется через цены.

4. *Количество товара, предназначенного для продажи*. Здесь действуют, по Бём-Баверку, следующие причины: а) естественные условия (напр., ограниченное количество земли); б) социальные и правовые отношения (монополии всякого рода); в) «в особенности» же — *высота издержек производства*. Но эта высота издержек производства не находит себе, как мы видели выше, никакого объяснения в теории Бём-Баверка, так как, с одной стороны, она *определяется* предельной полезностью продукта, а с другой стороны, она *определяет* эту последнюю.

5. *Субъективная ценность товара для продавцов*. Тут у Бёма имеются две формулировки: первая — «непосредственная предельная польза и затем субъективная потребительная ценность, какую имеет один экземпляр в глазах продавца, в *большинстве случаев бывают крайне низки*»³⁾. Эта формулировка, как мы подробно доказывали выше, не соответствует действительности, так как оценка продаваемых товаров по полезности отсутствует совершенно, т. е. математически равна нулю. С другой стороны,

¹⁾ Ibidem., 176.
²⁾ Ibid., 183.
³⁾ Ibid., 184–185.

очевидно, что продавцы *оценивают* свой товар, и оценивают вовсе не «крайне низко». Тут выступает вторая формула Бёма: «Высотой рыночной цены — пишет он в другом месте — какую может получить каждый производитель за свой продукт, определяется высота субъективной (*меновой*) ценности, какую он придаёт продукту»¹⁾. Но эта формулировка теоретически ещё менее состоятельна, так как уже самое понятие субъективной меновой ценности противоречиво: будучи основой для выведения цен, оно эти цены предполагает данными.

6. *Субъективная ценность денег для продавцов.* «К этому фактору — говорит Бём-Баверк — приложимо в общем всё, что мы говорили выше относительно субъективной ценности денег для покупателей. Только у продавцов ещё чаще, чем у покупателей, наблюдается то явление, что ценность, какую имеют в их глазах деньги, определяется не столько общим имущественным положением их, сколько специальными нуждами в наличных деньгах»²⁾. Здесь следует, таким образом, различать два момента: во-1-х, оценку денег в зависимости от «общего имущественного положения»; она складывается, в свою очередь, из двух факторов: количества денег, имеющегося у их владельца, и *товарных цен*; во-2-х, оценку денег в зависимости от «специальных нужд», т. е. рыночной конъюнктуры, которая опять-таки есть не что иное, как известное состояние *рыночных цен*. Таким образом, специфическая природа денег, как меновой ценности, не позволяет объяснить явления денег с точки зрения полезности, и теория Бёма должна неминуемо вертеться в ложном кругу.

«В продолжение всего процесса образования цены — пишет Бём-Баверк — ...нет ни одной фазы, нет ни одной черты, которая не сводилась бы, как к своей причине, к размерам субъективных оценок вещи участниками обмена, и потому мы с полным правом можем назвать рыночную цену *равнодействующей сталкивающихся на рынке субъективных оценок товара и той вещи, в которой выражается его цена*»³⁾. Однако, как мы видели в первой главе, такая точка зрения принципиально недопустима: она игнорирует основной факт общественной связи между индивидуумами, связи, которая дана заранее и которая формирует индивидуальную психику, заполняя её общественным содержанием. Поэтому всякий раз, как теория Бёма берёт индивидуальные

1) Ibid., 208.
2) Ibid., 185.
3) Ibid., 159.

мотивы, чтобы из них вывести социальное явление, этот социальный элемент, в более или менее скрытом виде, вводится уже заранее, и все построение становится ложным кругом, сплошной логической ошибкой, которая только по видимости может служить объяснением, в действительности же демонстрирует лишь полную бесплодность новейшей буржуазной теории. В самом деле, при разборе теории цены выяснилось, что из шести «факторов» образования её *ни один* не получил у Бём-Баверка удовлетворительного объяснения. Теория ценности Бём-Баверка оказалась бессильной объяснить явление цены. Своеобразный фетишизм австрийской школы, который привязывает её сторонникам индивидуалистические шоры и делает невидимыми для них диалектическую связь явлений, те общественные нити, которые тянутся от одного индивидуума к другому и только одни делают из человека «общественное животное», — этот фетишизм убивает в корне всякую возможность познать «структуру современного общества». Разработка этой проблемы по-прежнему остаётся за *школой Маркса*.

ГЛАВА IV

ТЕОРИЯ ПРИБЫЛИ

1. Значение проблемы распределения. Постановка вопроса. 2. Понятие капитала. «Капитал» и «прибыль» в «социалистическом государстве». 3. Общая характеристика капиталистического производственного процесса; образование прибыли.

1. ЗНАЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Если вообще всякому отделу политической экономии суждено развиваться в различных направлениях в зависимости от того, *кто* разрабатывает данный отдел, то это положение особенно ярко и непосредственно видно на учении о распределении, в частности на теории прибыли. Вопрос этот почти непосредственно соприкасается с «практикой» борющихся классов, он наиболее сильно затрагивает их интересы, и неудивительно, что как раз здесь свила себе прочное гнездо то весьма грубая, то, наоборот, удивительно утончённая, но всё же легко открываемая, апология современного общественного строя. С логической стороны, вопрос о распределении, который ещё Рикардо считал за самый важный вопрос политической экономии ¹⁾, имеет, несомненно, первостепенное значение. Невозможно понять законы общественного развития, не анализируя — если брать современное общество — процесса воспроизводства общественного капитала, простого и расширенного. Одна из первых попыток понять движение капитала — мы разумеем знаменитую «Экономическую таблицу» Кенэ — должна была поэтому отвести весьма значительное место проблеме распределения. Но даже если и не задаваться такими задачами, как познание механизма всего капиталистического производства в его целом и в его «полном общественном масштабе», всё же вопрос о распределении, взятый даже *an und für sich*, представляет громадный теоретический интерес. Каким законам подчиняется процесс распределения ценностей между различными общественными классами; каковы законы прибыли, ренты, заработной платы; каково соотношение между этими категориями; отчего зависит в каждый момент их величина и

¹⁾ См. Давид Рикардо, «Начала полит. экон.», пер. П. Рязанова, предисловие.

каковы тенденции общественного развития, определяющие эту величину, — вот основные вопросы, которые ставит себе теория распределения. Если теория *ценности* даёт анализ основного и всеохватывающего явления товарного производства, то теория *распределения* должна дать анализ антагонистических социальных явлений капиталистического мира, классовой борьбы, которая облекается теперь в специфические формы, присущие товарному хозяйству. Как эта классовая борьба получает свою капиталистическую формулировку, т. е., другими словами, как проявляется она в форме экономических законов, — показать это и является задачей теории капиталистического распределения ¹⁾. Конечно, далеко не все так понимают задачи теории распределения. Уже в самой постановке вопроса можно различать два основных направления. «Здесь существуют — пишет один из новейших исследователей, Н. Шапошников — две диаметрально противоположные точки зрения, из которых может быть правильной только какая-нибудь одна» ²⁾. Это различие состоит в том, что одна группа экономистов ищет происхождения так называемых «нетрудовых доходов» в вечных и «естественных» условиях человеческого хозяйствования, другая, наоборот, считает их следствием специфически-исторических отношений, говоря конкретно, видит здесь результат частной собственности на средства производства. Вопрос, однако, можно поставить шире, в более общей формулировке, так как речь идёт, во-первых, не только о «нетрудовых» доходах, но и доходах вполне «трудовых» (ибо, напр., понятие «заработной платы» коррелятивно с понятием «прибыли», оно логически возникает и падает вместе с ним), во-вторых, можно поставить вопрос о формах распределения вообще, т. е. рассматривать не только капиталистическую форму распределения, но и общую зависимость форм распределения от форм производства. Если мы поставим этот последний вопрос, то анализ его обнаружит следующее. По своему функциональному значению процесс распределения есть не что иное, как процесс воспроизводства самих производственных отношений, и каждая исторически определённая форма

¹⁾ Г. Струве из этой трудности делает невозможность. См. его статьи: «К критике основных понятий... пол. экономии», в «Жизни». См. также Н. Шапошников, I. с. предисловие. Подобный научный скептицизм по отношению к теории распределения можно найти уже в произведениях Бернштейна («Die Verteilung des gesellschaftlichen Reichtums war zu allen Zeiten eine Frage der Macht und Organisation» — только; или: «Das Lohnproblem ist ein soziologisches Problem, das sich niemals rein ökonomisch wird erklären lassen». E. Bernstein, «Theorie und Geschichte des Sozialismus», IV Auff., S. 75, 76, цит. у Lewin'a I. с., 92).

²⁾ Н. Шапошников, I. с. 80.

производственных отношений имеет адекватную себе форму распределения, которая воспроизводит данное производственное отношение. Так обстоит дело и с капитализмом. «...Капиталистический процесс производства есть исторически определённая форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производства»¹⁾. Составной частью, определённой стороной этого процесса капиталистического производства, взятого в его целом, и является процесс *капиталистического* распределения, протекающего точно так же в совершенно определённых исторических формах (покупка-продажа рабочей силы, уплата её ценности капиталистами, получение прибавочной ценности). Таким образом, если основным производственным отношением капиталистического мира является отношение между капиталистом и рабочим, то формы капиталистического распределения — категории заработной платы и прибыли — воспроизводят это основное отношение. Поэтому, если не смешивать процесса производства и распределения «вообще» с теми историко-экономическими формами, которые этот процесс принимает и которые только и образуют «экономическую структуру общества», то есть тот или иной тип отношений между людьми; если не смешивать этих двух категорий, — тогда получается ясный вывод: при объяснении какой-либо конкретной общественной структуры мы должны брать её, как своеобразный *исторически-сложившийся, т. е. имеющий исторические границы и только ему принадлежащие «особенности», тип отношений*. Буржуазная политическая экономия, в силу своей ограниченности, не выходит как раз из *общих* определений. «Политико-экономы — правильно замечает Родбертус — перепутали *естественный* процесс производства с *социальным*, обусловленным *правом* собственности на землю и капитал и, вследствие этого, они пришли к такому понятию капитала, которое в *действительной* национально-экономической жизни не имеет себе ничего подобного»²⁾. Но и сам Родбертус — в противоположность необыкновенно выдержанной и последовательной точке зрения Маркса — создал очень удобную лазейку, выделив «*логическое*» понятие капитала, как категории, общей всем и всяким хозяйственным

¹⁾ К. Маркс, «Капитал», т. III, ч. II, стр. 347.
²⁾ К. Родбертус, «Капитал». Пер. Давыдова, стр. 152.

структурам, тогда как это совершенно излишне с *терминологической* точки зрения (для соответствующего понятия имеется термин: «средства производства») и вредно *по существу*, ибо очень часто под невинными рассуждениями о средствах производства («капитале») стремятся протащить решение совершенно иных по существу проблем *социального* характера.

Таким образом, если перед нами стоит задача анализировать природу распределения в *современном* обществе, мы можем достигнуть желательных результатов *только* тогда, когда примем во внимание особенности капитализма. Это блестяще формулировано Марксом в короткой фразе: «Как капитал, так и наёмный труд и земельная собственность суть исторически определённые общественные формы: одна — труда, другая — монополизированной земли, и при том обе суть формы, соответствующие капиталу и принадлежащие одной и той же экономической формации общества»¹⁾.

Бём-Баверк идёт в своей теории прибыли, как и следовало ожидать из рассмотрения его теории ценности, всецело по пути тех экономистов, которые считали возможным «выводить» прибыль из *общих*, а не исторических условий социального производства. Этим самым, в сущности, предreshена оценка его «нововведения»²⁾, ибо про *всех* экономистов, которые рассматривают прибыль, ренту и заработную плату, как «логические», а не исторические категории, можно сказать, что они «сбились с правильного пути»³⁾. Мы уже видели, к каким результатам привела Бём-Баверка неисторическая постановка вопроса в области теории ценности. К ещё большему конфликту с действительностью, к ещё большим противоречиям приводит она в теории распределения, в частности — в теории прибыли.

¹⁾ К. Маркс, «Капитал», III, II, 345.
²⁾ О своей теории Бём-Баверк говорит так: «Während ich in den übrigen Teilen dieses Werkes (т. е., «Капитала». Н. Б.) wenigstens im grossen und ganzen den Spuren der bisherigen Theorie zu folgen in der Lage war, habe ich für die Erscheinung des Kapitalzinses eine Erklärung vorzutragen, die sich in vollständig neuen Bahnen bewegt» («Positive Theorie», I Halbband, S. XVIII).
³⁾ Шапошников, I с., стр. 81. Правильно поставив вопрос, г. Шапошников сейчас же сбивается на совершенно эклектическую позицию: «Не разделяя — пишет он — их (т. е. названных экономистов, Н. Б.) основной точкой зрения, мы признаём, однако (!), что в принципе воздержания, вменения и предельной производительности ими выдвинуты такие аргументы, с которыми необходимо серьёзно считаться». Г. Шапошников не видит, что эти «принципы» неразрывно связаны с неисторической постановкой вопроса. А в этом всё дело и есть.

2. ПОНЯТИЕ КАПИТАЛА. «КАПИТАЛ» И «ПРИБЫЛЬ» В
«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ»

Анализ понятия капитала Бём-Баверк начинается с того, что заставляет своего излюбленного «изолированного человека» поочерёдно работать то «голыми руками», то при помощи орудий производства, которые изготавливаются тем же самым «индивидуумом». Отсюда получается вывод, что существуют, вообще говоря, два метода производства: или мы непосредственно идём к цели, или же предпринимая некоторые предварительные операции (производство средств производства), пользуемся, как выражается Бём-Баверк, «окольными путями» производства¹⁾. Так как в последнем случае человек приобретает помощь сил природы, которые «сильнее человеческой руки», то пользование «окольными путями» сопровождается большим успехом, чем в случае работы «голыми руками».

Эти общие положения дают Бём-Баверку достаточный материал для определения *капитала и капиталистического производства*:

«Производство, которое пользуется рациональными окольными путями, есть не что иное, как то, что политико-экономы называют *капиталистическим* производством, точно так же, как производство, которое идёт непосредственно к цели при помощи голых рук, является *некапиталистическим* производством. *Капитал же есть не что иное, как совокупность промежуточных продуктов, которые возникают на отдельных этапах... окольного пути*»²⁾. Мы приведём ещё несколько определений Бём-Баверка. «*Капиталом вообще* — пишет он — *мы называем совокупность продуктов, которые служат, как средства добывания благ*. Из этого общего понятия капитала вытекает, как более узкое понятие, понятие *социального капитала*. Социальным капиталом мы

¹⁾ «Entweder... werfen wir unsere Arbeit ganz knapp vor dem Ziele ein... oder wir schlagen absichtlich einen Umweg ein» (*Böhm-Bawerk*, «Positive Theorie», S. 15).

²⁾ «Die Produktion, die kluge Umwege einschlägt, ist nichts anderes, als was die Nationalökonomen die *kapitalistische* Produktion nennen, sowie die Produktion, die geradeaus mit der nackten Faust auf das Ziel zugeht, die *kapitallose* Produktion darstellt. *Das Kapital aber ist nichts anderes als der Inbegriff der Zwischenprodukte, die auf den einzelnen Etappen des ausholenden Umweges zur Entstehung kommen*» (Ibidem, 21).

называем совокупность продуктов, которые служат, как средства *социально-хозяйственного* добывания благ; или... так как социально-хозяйственное добывание благ находит себе место не иначе, как путём производства... коротко говоря, *совокупность промежуточных продуктов*»¹⁾.

Вышеприведённых определений вполне достаточно для того, чтобы видеть «основы» бём-баверковской теории прибыли; она скрывает исторический характер современного способа производства, она скрывает его характер — и это в данном случае более важно — как производства капиталистического в настоящем значении этого слова, т. е. как производства, основанного на *наёмном труде*, на монополизации средств производства определённым общественным классом: классовая структура общества, раздираемого внутренними противоречиями, ожесточённой классовой борьбой, — эта характерная черта совершенно исчезает. Какие логические основания могут быть для такой конструкции? Бём-Баверк рассуждает так: на всех ступенях общественного развития имеется производство при помощи «окольных путей» («Produktionsumwege»); с этим связаны некоторые явления в области конечных *результатов* производства. Вышеописанные явления могут принимать различную *форму*, в зависимости от конкретных исторических условий (напр., частная собственность). Но следует отличать «существо дела» («das Wesen») от «формы проявления» («Erscheinungsform»). Поэтому именно основательность научного исследования требует анализа «капитала», «прибыли» «капиталистического производства» etc. in abstracto, а не в их *современной* формулировке. Так приблизительно смотрит на дело Бём-Баверк²⁾. Это, впрочем, *всё*, что, вообще, можно сказать в

¹⁾ «*Kapital überhaupt nennen wir einen Inbegriff von Produkten, die als Mittel des Gütererwerbes dienen*. Aus diesem allgemeinen Kapitalbegriff löst sich als engerer Begriff, der *des Sozialkapitales*, ab. Sozialkapital nennen wir einen Inbegriff von Produkten, die als Mittel *sozialwirtschaftlichen* Gütererwerbes dienen; oder... da sozialwirtschaftlicher Gütererwerb nicht anders als durch Produktion stattfindet... oder, kurz gesagt, einen *Inbegriff von Zwischenprodukten*» (Ibid., 54). Капитал «вообще» называется у Б.-Б. также «Erwerbskapital» или «Privatkapital»; das Sozialkapital dagegen kann man auch gut und bündig «Produktivkapital» nennen (Ibid., 55). Таким образом, социальный капитал оказывается более узким понятием, чем индивидуальный капитал (Erwerbskapital = Privatkapital); сюда же присоединяется то обстоятельство, что понятие «Гütererwerb» в обоих случаях означает нечто разное. О последнем см. *Stolzmann*, «Der Zweck», etc, S. 335. Мы отмечаем эту путаницу, хотя для текста она не имеет существенного значения.

²⁾ См., напр., «Positive Theorie», 587, Anmerkung, где Б.-Б. жалуется на *Stolzmann'a*, который не отличает сущности от Erscheinungsform и «прибыли вообще» от *теперешней* прибыли.

защиту позиции Бём-Баверка и всякой аналогичной попытки рассматривать капитал и прибыль, как «вечные» категории хозяйства. Как ни правильно само по себе разграничение «сущности вещей» и «формы проявления»¹⁾, однако, в данном случае оно приведено просто не к месту. В самом деле, ведь, с понятием «капитал», «капиталистический», и т. д. соединяется представление не о социальной гармонии, а о классовой борьбе. Сам Бём-Баверк очень хорошо знает это. Критикуя взгляд некоторых экономистов, которые включают рабочую силу в понятие капитала, Бём-Баверк пишет: «Наука и народ давно привыкли трактовать некоторые великие социальные проблемы, пользуясь термином «капитал», и имели в виду при этом понятие, не охватывающее понятие труда, а стоящее в *противоречии* к нему». И дальше: «Капитал и труд, капитализм и социализм, прибыль на капитал и заработная плата, конечно, не являются невинными синонимами; наоборот, это — термины, обозначающие наиболее сильные мыслимые социальные и экономические контрасты»²⁾. Очень хорошо. Но если это так, то нужно идти дальше; нужно не останавливаться на «привычке народа» и даже «науки», а сознательно поставить во главу угла *классовые противоречия* в товарно-капиталистическом хозяйстве. А это значит признать в понятии «капитал» за его *существеннейший, за его конститутивный признак* классовую монополизацию средств производства в условиях товарного хозяйства. Для бём-баверковского понятия капитала останется старое понятие средств производства (ср. его «Zwischenprodukte»), формой проявления которых будет в *современном* обществе «капитал». Таким образом, монополизированные капиталистами средства производства суть не «форма проявления» капитала, свойственная современному обществу, а самый капитал; но они суть «форма проявления»

¹⁾ «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» (К. Маркс, «Капитал», III, II, 346). Г. Струве, не поняв в чем дело, увидит здесь, наверное, метафизику.
²⁾ «Wissenschaft und Volk haben sich längst gewöhnt gewisse grosse soziale Probleme unter dem Schlagworte des Kapitals abzuhandeln und haben dabei nicht einen die Arbeit nicht umfassenden Begriff, sondern einen *Gegensatz* zu ihr im Auge gehabt. Kapital u. Arbeit, Kapitalismus u. Sozialismus, Kapitalzins u. Arbeitslohn wollen, wahrhaftig, keine harmlosen Synonyma sein: sondern sie sind Schlagworte für die denkbar stärksten sozialen und ökonomischen Kontraste» («Positive Theorie», S. 82). Курсив мой. *H. B.* Такая же по существу постановка вопроса у американцев. Ср. *J. B. Clark*. «The Distribution of Wealth», N. J. 1908; *Carver*, I. с. Однако, конкретное решение вопроса о прибыли у них совершенно иное...

средств производства *вообще*, безотносительно в конкретной исторической формации.

Можно подойти к вопросу и с другого конца. Если *всякие* «промежуточные продукты» являются капиталом, то как же выделить «промежуточные продукты» в *современном* хозяйственном строе? Допустим на минуту — несмотря на всю нелепость этого допущения по существу — что и в «государстве социалистов» есть прибыль; всё же эта «прибыль» по Бёму поступает в руки всего общества, а в современном строе хозяйства — в руки одного *класса*. Разница — более чем существенная. А термина для «теперешней» прибыли у Бём-Баверка нет. Посмотрим, однако, как строго судит Бём-Баверк о своих противниках и как он критикует их как раз за то, в чем он сам виноват. Протестуя против наименования «капитал» по отношению к земле и ссылаясь на принцип «терминологической экономии» («terminologischer Oekonomie»), он замечает: «Если мы будем применять название капитала ко *всем* вещественным средствам приобретения, то более узкое из конкурирующих понятий и соответствующая ему отрасль дохода останутся, несмотря на свою важность, без названия»¹⁾. Ясно, однако, что различие между «прибылью» в социалистическом государстве, которое предполагает отсутствие классов, и теперешней «прибылью» гораздо больше и важнее, чем различие между прибылью и рентой: в первом случае дело идёт о различии между классовым и бесклассовым обществом, во втором — только о различии между двумя классами одного и того же общества, принадлежащими, по существу, к одной — владельческой, собственнической — категории классов.

Нелепость бём-баверковской терминологии усугубляется ещё тем обстоятельством, что его понятию «*некапиталистического*» производства не соответствует никакого реального факта экономической действительности: производство при помощи «голых рук» принадлежит к одной из многочисленных фикций, вводимых Бёмом, о нём можно говорить лишь как о теоретической предельной величине при постоянно уменьшающейся доле мёртвого труда в производстве. И, наоборот, дикарь, ковыряющий палкой землю, превращается в «капиталиста», ведущего «капиталистическое» хозяйство и даже получающего «прибыль»!.. Но если *всякое*

¹⁾ Ibidem, 87; «Wenden wir nämlich den Namen Kapital *allen* sachlichen Erwerbsmitteln zu, so bleibt der engere der konkurrierenden Begriffe und auch der mit ihm korrespondierende Einkommenszweig trotz ihrer Wichtigkeit ganz namenlos».

производство (так как производства *без* средств производства *нет*) является «капиталистическим», то в рамках этого «капиталистического» производства нужны же подразделения, ибо — как-никак — нужно отличать «капиталистическое» — *капиталистическое* производство и «капиталистическое» *социалистическое*, «капиталистическое» *первобытно-коммунистическое* и т. д. производства. А у Бём-Баверка и то, и другое, и третье — «капиталистическое производство», один термин для совершенно разнородных понятий.

Прекрасной иллюстрацией той огромной путаницы, которую вносит Бём-Баверк, может служить параграф о «прибыли в государстве социалистов» (*Der Zins im Sozialistenstaat*). Оказывается, что в этом «государстве» сохранится во всей силе принцип прибыли, который теперь считают результатом эксплуатации. Эта «социалистическая эксплуатация» поясняется Бём-Баверком следующим образом: пусть, говорит он, имеются две отрасли производства: работа пекаря — с одной стороны, работа по разведению лесов — с другой. В результате дневной работы пекаря получается продукт — хлеб, — ценность которого Бём определяет в 2 флорина (по Бёму «в социалистическом государстве» остаются даже флорины); дневная же работа лесоразводчика заключается в том, что он сажает сто молодых дубков, которые через 100 лет превращаются, без приложения добавочного труда, в большие деревья, ценностью каждое в 10 флоринов; таким образом, общая сумма производимой лесоразводчиком ценности будет 1 000 флоринов. Вот это-то обстоятельство — разница во времени производства (общая оценка всех относящихся сюда соображений будет дана нами в последующем изложении) — и служит основой образования прибыли. «Если, — говорит Бём-Баверк, — и лесоразводчикам плата точно так же, как и пекарям, ежедневно только 2 флорина, *то по отношению к ним применяют ту же самую «эксплуатацию», какую теперь практикуют капиталистические предприниматели*»¹⁾. За столетний промежуток времени совершается прирост ценности, и эту «прибавочную ценность» («*Mehrwert*») общество «кладёт себе в карман», отнимая её у произведших её работников; плодами работы пользуются, таким образом,

¹⁾ «Zahlt man aber auch den Aufforstungsarbeitern geradeso, wie den Bäckern, nur 2 Fl. täglich, dann begeht man ihnen gegenüber dieselbe «Ausbeutung», die heute die kapitalistischen Unternehmer ausüben» («*Positive Theorie*», S. 583).

«*другие люди* и к тому же, как и теперь (!), не на основе труда, а на основе *собственности, или участия в собственности*»¹⁾.

Всё это рассуждение неверно от начала до конца. Процесс произрастания ценности из земли не происходит даже в социалистическом обществе²⁾. Для последнего труд, затраченный на непосредственное производство предметов потребления, и труд, затрачиваемый на «отдалённую цель», имеет одинаковую важность, так как имеется заранее составленный хозяйственный план, и отдельные категории труда рассматриваются, как части совокупной общественной работы, которая необходима для того, чтобы непрерывно шёл процесс производства, воспроизводства и потребления. Как непрерывно и *одновременно* потребляются продукты различно удалённых единиц труда, точно так же непрерывно и одновременно идут различные по отдалённости своей цели трудовые процессы. Все части совокупного общественного труда связаны в единое неразрывное целое, где для определения доли каждого важно только одно (за вычетом в фонд средств производства): *количество* доставляемого труда. Это видно и из примера самого Бём-Баверка: когда он говорит о пекарях, продукты которых — *хлеб*, то он забывает совершенно, что хлеб вовсе не продукт труда *только* пекарей, а всех работников, начиная с тех из них, которые когда-то были заняты в сельском хозяйстве; труд пекарей — только заключительное звено. Таким образом, если наши лесоразводчики получают продукты сообразно своему труду, то они получают общественные трудовые единицы различной степени удалённости, т. е. находятся по отношению к остальным членам общества в точно таком же положении, как и всякая другая категория работников, ибо — повторяем — при данном хозяйственном плане важность работы не зависит от отдалённости её цели³⁾.

¹⁾ «In der Verteilung bekommen ihn (т. е. Zins. *H. B.*) ganz andere Leute als jene, an deren Arbeit und Produkt er verdient wurde... *andere Leute* und zwar ganz wie heute (!), nicht aus dem Titel der Arbeit, sondern aus dem Titel des *Eigentums*, beziehungsweise des *Miteigentums*» (ibidem, S. 584).

²⁾ Мы оговариваемся, во избежание недоразумений, что если у нас речь идёт о «ценности» в соц. обществе, то под этим понятном следует разуметь особую категорию, отличную от категории ценности в товарном хозяйстве. Определяющим фактором и там и тут является труд. Но в то время, как в социалистич. обществе трудовая *оценка* есть *сознательный общественный процесс*, в современном обществе это — стихийный основной закон цен, где элемент собственно оценки (трудовой) отсутствует.

³⁾ Мы уже не говорим о том, что соц. общество предполагает уничтожение «узкой специализации».

Вопрос имеет, однако, и другую — более важную сторону. Предположим, что социалистическое общество в данный производственный цикл получает некоторый избыток «ценности» (нам в данном случае всё равно, *почему* оно его получает и на основе *какой* «теории ценности» оно производит расценки продукта). Бём-Баверк соглашается, что эта «прибавочная ценность» служит «zu einer allgemeinen Aufbesserung der Lohnquote (!) der Volksarbeiter». Этим, казалось бы, подрывается всякое основание для того, чтобы трактовать полученный излишек, как прибыль. Но Бём-Баверк выставляет здесь такое возражение. Прибыль — говорит он — не перестаёт быть прибылью в зависимости от той цели, на которую её, в конце концов, употребляют; ведь никто — поясняет Бём — не отважится утверждать, что капиталист перестаёт быть капиталистом, а его прибыль — прибылью, если какой-либо предприниматель «накапливает миллионное состояние и затем распоряжается им в общественно-полезных целях»¹⁾.

Вот это «возражение» сразу вскрывает всю внутреннюю фальшь позиции Бём-Баверка. В самом деле, почему в данном случае никто «не отважится утверждать», что прибыль уничтожается в зависимости от благотворительных устремлений капиталиста? Да потому, что это единичный случай, не имеющий никакого влияния на общую структуру общественно-экономической жизни: классовая природа прибыли отнюдь не уничтожается; не уничтожается категория дохода, поступающая в распоряжение *классу* на основе монополизации этим классом средств производства. Совсем другое получилось бы, если капиталисты, как *класс*, стали бы отказываться от прибыли и отдавать её на общепольные цели. В этом — практически совершенно невозможном — случае категория прибыли исчезла бы, и самая экономическая структура общества приняла бы иной, отличный от капиталистического, вид. Монополизация средств производства потеряла бы всякий смысл даже с частно-предпринимательской точки зрения, и капиталисты перестали бы быть капиталистами. Таким образом, мы снова наталкиваемся на *классовую* природу капитализма и его категории — прибыли²⁾. И только благодаря

¹⁾ «... ein Vermögen von Millionen anhäuft und über dieses dann zu gemeinnützigen Zwecken verfügt» («Positive Theorie», S. 583).

²⁾ Любопытно, что даже экономисты, различающие «чисто-экономическое» понятие капитала и «исторически-правовое» его понятие, видят в последнем лишь *частный* капитал (Privatkapital) и не видят факта *классовой* монополизации. До известной степени это можно видеть и у Родбертуса. Адольф Вагнер так определяет капитал: Kapital, als rein ökonomische Kategorie, unabhängig betrachtet von den geltenden

невероятному дальтонизму, не позволяющему видеть этой *классовой* природы, возможны утверждения вроде того, что «даже в уединённом хозяйстве какому-нибудь Робинзона должны иметься налицо основные черты явления процента»¹⁾. Чем же объясняется этот дальтонизм? Бём-Баверк сам даёт нам очень верное объяснение. «...Между нами (т. е. среди буржуазных экономистов. *Н. Б.*) очень любят замазывать неудобные противоречия, затушёвывать мучительные проблемы». («Auch unter uns liebt man es so sehr, unbequeme Gegensätze zu verkleistern, dornige Probleme zu vertuschen»). Это откровенное признание лучше всего рисует нам ту психологическую подкладку, которая заставляет уходить от познания полной противоречий социальной действительности к искусственно придуманным, вымученным конструкциям, которые должны служить *оправданием* действительности. «Теория прибыли Бём-Баверка, — пишет Г. Дитцель, — которая имеет своим источником теорию предельной полезности, должна (по замыслам Бёма. *Н. Б.*) не только объяснить явление прибыли, но и доставить наряду с этим материал для опровержения тех, кто нападает на институт прибыли»²⁾. Эта апологетическая струна заставляет Бём-Баверка предполагать прибыль даже там, где нет ни классов, ни даже товарообмена (Робинзон, «Социалистическое государство»); она заставляет его выводить насквозь социальное явление прибыли из «общих свойств человеческой психики».

Rechtsverhältnissen für den Kapitalbesitz, ist ein Vorrat solcher wirtschaftlicher Güter... welche als technische Mittel für Herstellung neuer Güter in einer Wirtschaft dienen können: es ist Produktionsmittel-Vorrat oder «National-Kapital», bezw. Partikel davon. Kapital im historisch-rechtlichen Sinne oder Kapitalbesitz ist derjenige Teil des Vermögensbesitzes *einer Person* (курсив наш. *Н. Б.*), welcher derselben als Erwerbsmittel zur Erlangung eines Einkommens aus ihm (Rente, Zins), dienen kann, also zu diesem Zwecke von ihr besessen wird ein «Rentenfonds»; «Privatkapital». (*Ad. Wagner. «Grundlegung»*. II Aufl, S. 39; цит. у Бёма стр. 124, 925). Вообще у Бём-Баверка прямо поражает его легкомысленное отношение к исторической постановке вопроса; на стр. 125 он, напр., делает примечание, что, конечно, всё мол исторично: машины появились не раньше XVIII столетия, книги стали появляться не раньше изобретения книгопечатания и т. д. Бём-Баверку и невдомёк, что речь идёт о совсем различных *типах экономической структуры*. В марксовой точке зрения Бём видит только то, что у Маркса капитал «Ausbeutungsmittel» — и больше ничего (см. 90 стр.).

¹⁾ *Böhm-Bawerk*, Positive Theorie, S. 507: «Sogar in der einsamen Wirtschaft eines Robinson könnte der Grundzug des Zinsphänomens... nicht fehlen».

²⁾ «Auch *Böhm-Bawerks* Kapitalzinstheorie, welche aus der Grenznutzentheorie geflossen ist, soll nicht bloss das Zinsphänomen erklären, sondern daneben auch Material zur Wiederlegung derer beitragen, welche Zinsinstitution angreifen» (*H. Dietzel*, «Theoretische Sozialökonomik», S. 211).

К анализу этой удивительной теории, которая может иметь успех только благодаря глубокому упадку буржуазной политической экономии, мы и переходим.

3. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА; ОБРАЗОВАНИЕ ПРИБЫЛИ

Как мы уже знаем, капиталистическим производством Бём-Баверк называет всякое производство, которое ведётся при помощи орудий производства или, в терминах Бём-Баверка, при помощи «окольных производственных путей» («Produktionsumwege»). Этот «капиталистический» производственный метод имеет свою выгодную и свою невыгодную сторону: выгодная сторона состоит в том, что здесь получается большее количество продукта; невыгодная — в том, что эта получка сопровождается потерей времени; благодаря предварительным операциям (производство орудий производства и всех вообще «Zwischenprodukte») продукты потребления начинают поступать не сразу, а через сравнительно большой промежуток времени: «Минус, который связан с капиталистическим методом производства, заключается в *пожертвовании временем*. Капиталистические окольные пути доходны, но они похищают время; они доставляют большее количество или лучшее качество потребительных благ; но они доставляют эти блага только в хронологически более поздний момент. *Это положение принадлежит к основным положениям всего учения о капитале*»¹⁾. Из «фатальной разницы во времени» («fatale Zeitdifferenz») вытекает необходимость *ожидания*: «в громаднейшем большинстве случаев мы должны прибегать к окольным путям производства при таких технических условиях, что нам необходимо ждать некоторое, а весьма часто очень долгое, время получки готового для потребления окончательного продукта»²⁾. Эта особенность «капиталистического производства» служит, по Бём-Баверку, основой хозяйственной зависимости

¹⁾ «Der Nachteil, der mit der kapitalistische Produktionsmethode verbunden ist, liegt in einem Opfer an Zeit. Die kapitalistischen Umwege sind ergiebig, aber zeitraubend, sie liefern mehr oder bessere Genussgüter, aber sie liefern sie erst in einem späteren Zeitpunkt. Dieser Satz gehört... zu den Grundpfeilern der gesamten Lehre vom Kapitale» (Böhm-Bawerk, «Positive Theorie», S. 149. Последний курсив принадлежит нам. *Н. Б.*)
²⁾ «In der überwältigenden Mehrzahl der Fälle müssen wir die Produktionsumwege unter solchen technischen Bedingungen beschreiten, dass wir eine Zeit lang und oft sehr lange Zeit auf die Erlangung der genussreifen Schlussprodukte warten müssen» (ibid., 149).

рабочих от предпринимателей: рабочие не могут «ждать», пока начнут поступать продукты потребления при длинных «окольных путях»¹⁾; наоборот, капиталисты не только могут сами ждать, но могут, при известных условиях, авансировать продукты потребления — прямо или косвенно — рабочим, в обмен на имеющуюся у последних товарную величину, а именно *труд*. Весь процесс в целом происходит таким образом: предприниматели покупают блага «отдельного порядка» (сырой материал, машины, пользование землёй и, главным образом, *труд*) и путём производственного процесса превращают их в блага первого порядка, т. е. в блага, готовые для употребления (genussreife Güter). При этом у капиталистов остаётся, за вычетом вознаграждения их собственного труда etc, некоторый остаток ценности, обычно по своей величине пропорциональный сумме вложенного в предприятие капитала. Это и есть «первоначальный процент на капитал» (der «ursprüngliche Kapitalzins») или прибыль («Profit») ²⁾. Как же объясняется происхождение прибыли? На этот вопрос Бём отвечает: объяснение прибыли заключается в указании на то, что «блага отдалённого порядка суть... по своей хозяйственной природе *будущие блага*, хотя вещественно они являются настоящими благами»³⁾. Здесь следует несколько остановиться на понятии «настоящих» и «будущих» благ, которое вводится Бём-Баверком и играет крайне важную роль во всей его «системе». Потребности, которые определяют ценность блага, могут быть расположены в различных промежутках времени; они относятся или к настоящему времени, и тогда они чувствуются непосредственно и наиболее остро («aktuell empfundene Gefühle»), или же они относятся к будущему времени (прошедшее, по понятным соображениям, здесь не рассматривается). Блага, которые удовлетворяют настоящие потребности, т. е. потребности относящиеся к настоящему времени, Бём-Баверк и называет *настоящими благами* («Gegenwartsgüter»); наоборот, блага,

¹⁾ «Nur weil die Arbeiter nicht warten können, bis der von ihnen mit Rohstoffgewinnung und Werkzeugsbau begonnens Umweg seine reife Genussfrucht liefert, kommen sie in wirtschaftliche Abhängigkeit von denjenigen, die die genannten Zwischenprodukte schon im fertigen Zustand besitzen, von den «Kapitalisten»» (ibid., 150).
²⁾ Ср. «Positive Theorie», S. 502.
³⁾ «Ich muss die Erklärung (прибыли *Н. Б.*) mit der Feststellung einer wieartigen Tatsache einleiten. Die Güter entfernterer Ordnung sind nämlich, obschon sie körperlich gegenwärtig sind, ihrer wirtschaftlichen Natur nach *Zukunftsware*» (ibid., 503).

удовлетворяющие «будущие потребности», носят у него название «*будущих благ*» («*Zukunftsgüter*»). Если, например, у меня сейчас имеется известная сумма денег и, след., я могу удовлетворить при её помощи мои текущие потребности, то эта сумма денег будет являться, по Бём-Баверку, настоящим благом; если же я могу получить такую же точно сумму, но только через определённый промежуток времени, то эта сумма не может служить средством удовлетворения моих теперешних потребностей; она пойдёт на удовлетворение будущих потребностей, она есть «будущее благо». Будущие и настоящие потребности, в каких бы различных отрезках времени они ни фигурировали, соизмеримы между собой, а потому и ценности настоящих и будущих благ могут быть сравниваемы. При этом сравнении устанавливается следующий закон: «*Настоящие блага постоянно обладают большей ценностью, чем будущие блага того же вида, находящиеся в таком же количестве*»¹⁾. Вот этот-то закон Бём-Баверк и считает за основной закон своей теории прибыли²⁾. В самом деле. Вернёмся к описанию отношений между капиталистами и рабочими. Капиталисты покупают, в числе прочих средств производства, также и *труд*. Труд же, как и всякое средство производства, есть, «по своей хозяйственной природе», *будущее благо*, а, следовательно, он должен иметь меньшую ценность, чем те блага, которые производятся при его помощи. Предположим, что из *X* единиц труда можно получить *Y* единиц товара *a*, ценность которого в *настоящем* равна *A*; тогда ценность (*Y_a*) в *будущем*, отдалённом от настоящего на весь период производственного процесса, будет *меньше A*; этой «*будущей* ценности» продукта и равняется *настоящая* ценность труда.

Поэтому, когда труд покупают *теперь*, причём ценность его выражается в «*настоящих* гульденах», то его покупают за меньшее число гульденов, чем то число последних, которое поступит предпринимателю при продаже продукта, т. е. после окончания производственного процесса. «Это, и ничто другое, является причиной «дешёвой» закупки средств производства и в особенности *труда*, которую социалисты правильно считают за источник прибыли на капитал, но неправильно... объявляют результатом эксплуатации рабочих со стороны владеющих

¹⁾ «Gegenwärtige Güter sind in aller Regel mehr wert als künftige Güter gleicher Art und Zahl» (ibid., 426).

²⁾ «Dieser Satz ist der Kern und Mittelpunkt der Zinstheorie, die ich vorzutragen habe» (ibid).

классов»¹⁾. Таким образом, *обменом* настоящих благ на будущие начинается тот процесс, который приводит к образованию прибыли²⁾. Из самого акта обмена прибыль, впрочем, ещё не вытекает, потому что предприниматель купил труд по его полной настоящей ценности, т. е. по ценности будущего продукта. Но в процессе производства «*его будущий товар... постепенно во время хода производства созревает в настоящий товар и вырастает таким путём в полную ценность настоящего товара*»³⁾. Вот этот-то прирост ценности, который получается в процессе превращения будущих благ в настоящие, средств производства в предметы потребления, и есть прибыль на капитал. Таким образом, основная причина прибыли коренится в различной оценке настоящих и будущих благ, что является следствием «элементарных фактов человеческой природы и производственной техники», а отнюдь не социальных отношений, свойственных современной общественной структуре.

Такова, в основных своих чертах, теория прибыли, предложенная Бём-Баверком. Её существеннейшая часть — это обоснование теории ценности будущих благ сравнительно с настоящими; эта часть подробно разработана Бём-Баверком, и мы займёмся её изложением и разбором ниже. Здесь же мы сделаем ряд предварительных замечаний общего свойства.

Мы видели, что к положениям, которые принадлежат «к основам всего учения о капитале», относится также положение о необходимости *ожидания*, отсрочки потребления, в силу того что «капиталистическое производство» откладывает получку готового продукта на сравнительно долгое время; на этом Бём обосновывает и «хозяйственную зависимость» рабочих от капиталистов. *В действительности же не приходится ни «ждать», ни откладывать потребления* по той простой причине, что, какой бы производственный цикл мы ни взяли, если у нас имеется

¹⁾ «Dieses und nichts anderes ist der Grund des «billigen» Einkaufs von Produktivmitteln und ins besondere von *Arbeit*, den die Sozialisten mit Recht für Quelle des Kapitalgewinnes, aber mit Unrecht für die Frucht einer Ausbeutung der Arbeiter durch die Besitzenden erklären» («Positive Theorie», S. 504).

²⁾ Исходя из этого, *Мэкферлен* предложил назвать теорию прибыли Бём-Баверка теорией обмена («Exchange theory»); сам Бём-Баверк считает более подходящим название «*теории лажа*» («Agio-Theorie»). См. Бём-Баверк, «Капитал и прибыль. История и критика теории процента на капитал». Пер. под ред. *Туган-Барановского*, стр. 567.

³⁾ «Seine Zukunftsware reift nämlich während des Fortschreitens der Produktion allmählig zur Gegenwartware aus und wächst damit in den Vollwert der Gegenwartware hinein» («Posit. Theorie», S. 505).

уже ход общественного производственного процесса, то общественный продукт потребления находится *одновременно на всех* стадиях своей выработки. Ещё Маркс выяснил, что разделение труда заменяет «последовательность во времени» «последовательностью в пространстве». Родбертус так описывает этот процесс: «Труд совершается одновременно и непрерывно во всех «предприятиях» всех отраслей на всех производственных ступенях. *В то время, как в производственных хозяйствах отраслей, производящих сырьё, добывается из земли новый сырой продукт, в это же самое время в производственных хозяйствах отраслей, производящих полуфабрикаты, сырой продукт предыдущего периода перерабатывается в полуфабрикат, а в производственных хозяйствах, производящих орудия, производятся новые орудия на замену потреблённых, и т. д.* В то же самое время, наконец, на последней производственной ступени продукты для непосредственного потребления снова подвергаются окончательной отделке» ¹⁾. Таким образом, как непрерывно идёт производственный процесс, непрерывно выталкивающий из своей сферы уже готовый к потреблению продукт, точно так же непрерывно может идти и процесс потребления. «Откладывать потребление» в современном обществе не приходится из-за «окольных путей», так как производственный процесс *не начинается* изготовлением сырых материалов и всякого рода «Zwischenprodukte» и *не кончается* изготовлением продуктов потребления; он есть единство этих процессов, *расположенных один возле другого*. Когда мы рассматриваем современное народное хозяйство, мы рассматриваем, конечно, уже сформировавшуюся систему общественного производства; а этим самым мы уже предполагаем разделённый общественный труд и одновременное сосуществование различных фаз производственного процесса. «Если мы рассматриваем — пишет Маркс во II томе «Капитала» — годовое воспроизводство — хотя бы даже простое воспроизводство, т. е. абстрагируя от всякого накопления, — то мы начинаем не ab ovo; это — один год в потоке многих, это не первый год рождения капиталистического производства» ²⁾. Весь процесс, выясненный Марксом, происходит следующим образом. Пусть (мы предполагаем простое воспроизводство) постоянный капитал равен $3c$, из которых ежегодно превращается в средства потребления $\frac{1}{3}$, т. е. c ; пусть ежегодно

¹⁾ К. Родбертус, «Капитал», пер. Давыдова, стр. 170. Мы несколько изменяем перевод за полной негодностью перевода г. Давыдова.
²⁾ Маркс, «Das Kapital», В. II, S. 451.

оборачивающийся переменный капитал — v , ежегодно нарастающая прибавочная ценность — m . Тогда ежегодно производимый продукт по своей ценности будет равняться $c+v+m$; но ежегодно производимая новая ценность будет лишь $v+m$; c вовсе не репродуцируется, оно просто переносится на продукт, будучи само продуктом *прошлого* производства, т. е. производства в предыдущий год или даже предыдущие годы. Часть c , таким образом, ежегодно «созревает» в «потребительное благо», но ежегодно из количества $(v+m)$ трудовых часов c часов должно идти на производство средств производства. Итак, в каждый данный производственный цикл мы имеем *одновременное* производство и средств производства, и предметов потребления; потребление не «откладывается», производство средств производства не носит характера предварительных операций, процесс производства, потребления, воспроизводства течёт непрерывно. Идея Бём-Баверка о необходимости «выжидания», родственная идеям теории воздержания ¹⁾, не выдерживает, таким образом, никакой критики.

Нам остаётся только выяснить значение этой идеи в связи с оценкой Бём-Баверком социальной природы прибыли. Выше (примеч. 1, стр. 131) мы видели, что Бём-Баверк считает причиной хозяйственной зависимости рабочих от предпринимателей *необходимость ожидания*: «Только потому — пишет Бём — что рабочие не могут ждать, пока начатый ими с добывания сырых материалов и производства инструментов окольный путь доставит свой готовый для потребления продукт, они попадают в хозяйственную зависимость от тех, которые владеют названными промежуточными продуктами уже в готовом состоянии, т. е. от «капиталистов»». Однако, как мы знаем, «ожидать» рабочим вовсе бы и не пришлось; они могли бы свободно, не дожидаясь получения «готового продукта» (т. е. «потребительного блага»), продавать свои «Zwischenprodukte» и не попадать ни в какую хозяйственную зависимость. Суть дела не в том, что им приходится «откладывать потребление» в пикквикско-бём-баверкском смысле, а в том, что рабочие лишены теперь *возможности самостоятельного производства*. И это по двум основаниям: во-первых, «ganz kapitallose Produktion» есть в условиях капиталистического

¹⁾ Один американский сторонник теории воздержания, Мэклен, предложил даже заменить слово воздержание термином «выжидание» (waiting). См. Бём-Баверк, «Капитал и прибыль», приложение, стр. 572. Сам Бём-Баверк старательно отгораживается от сближения его теории с теорией воздержания.

хозяйства *техническая* нелепость. Для изготовления при помощи голых рук хотя бы даже простого плуга потребовался бы период, значительно больший *maximum'a* человеческой жизни (из этого обстоятельства какой-нибудь Бём-Баверк № 2 мог бы вывести, пожалуй, заключение, что основа хозяйственной зависимости рабочих и появления прибыли есть кратковременность человеческой жизни); во-вторых, что даже «*ganz kapitallose Augenblicksproduktion*» («абсолютно лишённое капитала моментальное производство»!), напр., собирание кореньев для пищи или что-либо в этом роде, тоже невозможно, так как в капиталистическом обществе земля отнюдь не *res nullius*, а очень прочно связана узами частной собственности. Таким образом, *монополизация средств производства* (в том числе и земли) *классом капиталистических собственников* есть основа «хозяйственной зависимости» и явления прибыли, а вовсе не «ожидание». Теория же «ожидания» скрывает историчность современных отношений, скрывает классовую структуру современного общества и социально-классовую природу прибыли.

Переходим теперь к другому пункту теории. «*Der Korn und Mittelpunkt der Zinstheorie*» («ядро и центр теории прибыли») заключается в указании Бёма на недооценку будущих благ по сравнению с настоящими. Знаменитый дикарь В. Рошера за данные займы 90 рыб даёт через месяц 180 и имеет ещё почтенный остаток в 720 рыб ¹⁾. Таким образом, он оценивает «настоящих» 90 рыб выше, чем 180 «будущих». То же самое происходит приблизительно и в современном обществе. «Только — говорит Бём-Баверк — разница в ценности будет не так велика». Но чем же, вообще, определяется величина этой разницы? На последний вопрос Бём-Баверк отвечает: «она больше всего для тех людей, которые едва сводят концы с концами... эта разница меньше... для людей, которые владеют всё же некоторым запасом благ» ²⁾. А так как подобных людей очень много («*eine ausserordentlich lange Reihe von Lohnarbeitern*»), и так как благодаря их «числовому перевесу», цена на настоящие блага складывается таким образом, что в результате субъективных оценок получается некоторый

¹⁾ Имея запас в 90 рыб, он делает сети и увеличивает тем производительность своей рыбной ловли. Кстати, Бём-Баверк, как и полагается рантье, категорию прибыли называет «процентом» (*Zins*).
²⁾ «Sie (die Wertdifferenzen. *H. B.*) sind am grössten für Leute, die von der Hand in den Mund leben... Geringfügiger... ist die Differenz... bei Leuten, die schon einen gewissen Gütervorrat besitzen» («*Positive Theorie*», 471–472).

лаж, образующий прибыль ¹⁾, то ясно следующее обстоятельство: даже, если признать за одну из посредствующих причин образования прибыли переоценку настоящих благ по сравнению с будущими, всё же в основе этого «факта» лежало бы различие в имущественном положении различных классов. «Разница в оценке» даже и здесь обязательно предполагает «разницу *социальную*» ²⁾. Однако, Бём-Баверк всячески старается вытравить мысль о социальных основаниях прибыли. «Конечно, — говорит он, — может случиться, что кроме развитых в тексте оснований дешёвой *по видимости* закупки (закупки труда. *H. B.*) действуют в отдельных случаях также и другие основания *действительно* ненормально дешёвой закупки; напр., ловкое использование благоприятной конъюнктуры, ростовщическое угнетение продавца, в особенности рабочего» и т. д. ³⁾. Но это все следует рассматривать — продолжает Бём — как ненормальные случаи; получаемый здесь доход есть «*Extragewinn*», который следует отличать от разбираемой основной категории дохода; он вытекает из других причин и имеет другое социально-политическое значение. Однако, при внимательном рассмотрении, видно, что никаких принципиальных отличий здесь не имеется. И там, и тут «прибыль» или «процент» получается из обмена настоящих благ на будущие, из покупки *труда*; и там и здесь играет роль *переоценка* настоящих благ по сравнению с будущими; и там, и здесь эта переоценка обусловлена *социальной позицией* продавцов и покупателей; «использование благоприятной конъюнктуры» никаким отличительным признаком быть, ясное дело, не может, равно как — в данном случае — «ростовщическое угнетение продавца»; ибо *всегда* капиталисты стремятся к использованию конъюнктуры, которая *всегда* складывается «благоприятно» для них и «неблагоприятно» для рабочих; с другой стороны, совершенно неизвестно, что считать «ростовщическим» и что «неростовщическим»

¹⁾ См. стр. 539 и сл. der «*Positiven Theorie*». Подробно об этом ниже.
²⁾ *R. Stolzmann* «*Der Zweck*», S. 288: «...Denn was ist die «*Detaxation*», das «*Agio*» des Kapitalgewinnes anderes, als die Ausnutzung eines Vorteils, der den Kapitalisten vermöge des «*glücklichen Besitzes*», d. i. vermöge des durch die Eigentumsordnung gewährleisteten Besitz- und Verteilungsstatus zufällt, und worauf dann nach von Böhm's eigenen Worten die Bezeichnung *Mehrwert*, sogar «in vollere Masse zutrifft, als die Sozialisten bei ihrer Namengebung es wohl ahnten».
³⁾ «*Natürlich kann es vorkommen, dass ausser den im Texte entwickelten Gründen eines scheinbar billigen Einkaufs im einzelnen Falle auch noch andere Gründe eines wirklich abnorm billigen Einkaufs wirksam werden: z. B. geschickte Ausnützung einer günstigen Konjunktur, wucherische Bedrückung des Verkäufers, insbesondere des Arbeiters*». («*Positive Theorie*» S. 505, Note).

угнетением; *экономических* оснований, как мы видим, для этого нет никаких; почему в одном случае покупку труда нужно считать «дешёвой» лишь «по видимости», а в другом — «действительно», остаётся совершенно неясным; в случае «ростовщического угнетения» по теории Бёма дело происходит точно так же, как и в «нормальном» процессе получения прибыли; разница только та, что в первом случае рабочий переоценивает настоящие блага, скажем, на 15% по сравнению с будущими, а во втором случае — лишь на 10 или на 5; никакой *принципиальной* разницы нет. И если Бём-Баверк утверждает, что «социальная категория» не при чём в его «нормальных случаях», то, отказываясь от этого положения при объяснении «ненормальных отклонений», он обнаруживает лишь свою собственную непоследовательность; но, с другой стороны, он руководствуется при этом верным инстинктом: ибо признать отсутствие социального давления даже в «ненормальных случаях» — это значило бы привести самым явным образом всю теорию ad absurdum.

Мы разобрали общие положения теории прибыли Бём-Баверка, поскольку он стремится избежать всякого соприкосновения с социальной стороной подлежащей объяснению действительности; мы хотели осветить здесь лишь тот *теоретический фон*, на котором Бём-Баверк разрисовывает свои узоры. При этом выяснилось, что основные послышки его теории либо прямо противоречат действительности («ожидание»), либо социальный момент вводится контрабандой и всячески завуалируется (оценка будущих благ в зависимости от социального положения оценивающего). «Последним обстоятельством», — говорит G. Charasoff, — «факт прибавочного труда нисколько не отрицается, ему придаётся только логически несостоятельное объяснение, или, вернее, видимость оправдания»¹⁾. Другой автор, Parvus, весьма остроумно высмеивает этот же мотив: «Настоящая ценность и будущая ценность — чего этим нельзя доказать?! Если кто-либо, угрожая насилием, отнимает у другого его деньги — что это такое? Разбой? Нет, — должен был бы сказать Бём-Баверк, — это только правомерная меновая сделка: разбойник предпочитает настоящую ценность денег будущей ценности небесного

¹⁾ G. Charasoff, «Das System des Marxismus», S. XXII: «...die Arbeit (по Бёму) stets weniger Wert besitzt als der gegenwärtige Lohn. Hiermit wird die Tatsache der Mehrarbeit keineswegs geleugnet, es wird ihr mir eine logisch unhaltbare Erklärung, oder vielmehr der Schein einer Rechtfertigung gegeben».

блаженства, а ограбленный предпочитает будущую пользу сохранённой жизни настоящему значению своих денег»¹⁾.

Однако, увы! Даже при помощи хитроумных соображений о настоящей и будущей ценности Бём-Баверку не удалось выяснить проблему. И если уже в основе его построения обнаруживаются элементы, которые совершенно недопустимы в научной теории прибыли и распределения вообще, то и в рамках уже принятой им и разобранный нами постановки вопроса не могут не обнаруживаться те же недостатки; в той или иной форме они *должны* выплыть на поверхность.

Мы переходим поэтому к критике, так сказать, внутренней стороны бём-баверковской теории, в первую очередь — к критике его доказательств перевеса ценности настоящих благ.

¹⁾ I. H. (Parvus): «Ökonomische Taschenspielererei. Eine Böhm-Bawerkiade». «Neue Zeit», 10 Jahrg., Band I, S. 556: «Gegenwartswert und Zukunftswert was liesse sich damit nicht beweisen?! Wenn jemand unter Drohung von Gewalttätigkeiten einem Anderen sein Geld wegnimmt, was ist das? Raud? Nein, sollte Böhm-Bawerk sagen, es ist nur rechtmässiger Tausch: der Räuber zieht den Gegenwartswert des Gelden dem Zukunftswert der Seligkeit vor, der Bergaubte zieht den Zukunftsnetzen des erhaltenen Lebens der Gegenwartsbedeutung seines Geldes vor!».

ГЛАВА V

ТЕОРИЯ ПРИБЫЛИ. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. Две причины переоценки настоящих благ: а) различное отношение между потребностями и средствами их удовлетворения в разное время, б) систематическая недооценка будущих благ. 2. Третья причина переоценки настоящих благ: техническое их превосходство. 3. «Фонд существования» (der «Subsistenzfonds»). Спрос на настоящие блага и их предложение. Образование прибыли

1. ДВЕ ПРИЧИНЫ ПЕРЕОЦЕНКИ НАСТОЯЩИХ БЛАГ: РАЗЛИЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПОТРЕБНОСТЯМИ И СРЕДСТВАМИ ИХ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ; СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ НЕДООЦЕНКА БУДУЩИХ БЛАГ

В предыдущей главе мы видели, что *реализация* прибыли происходит в процессе продажи капиталистом его товара; *потенциально* же прибыль возникает в процессе покупки труда. Обычно субъективные оценки настоящих благ превышают субъективные оценки будущих благ. А так как субъективные оценки определяют объективную меновую ценность и цену, то обычно настоящие блага превышают будущие блага того же вида не только по *субъективной ценности*, но и по *цене*¹⁾. Разница же между ценами, уплаченными капиталистом при покупке будущих благ и, в первую очередь, труда²⁾, и ценами, вырученными при продаже товара, полученного в результате производственного процесса («вызревание» будущих благ в настоящие) образует прибыль на капитал. Мы должны, таким образом, проследить образование этой прибыли, начиная с анализа субъективных оценок, из которых складывается объективная ценность, а в каждом конкретном случае — цена.

¹⁾ «In aller Regel haben gegenwärtige Güter einen höheren subjektiven Wert als künftige Güter gleicher Art und Zahl. Und da die Resultate der subjektiven Wertschätzungen den objektiven Tauschwert bestimmt, so haben in aller Regel gegenwärtige Güter auch einen höheren Tauschwert und Preis als künftige Güter derselben Art und Zahl» («Positive Theorie», 439).

²⁾ В конечном счёте, затраты на покупку средств производства сводятся, по Б.-Б., к затратам на покупку пользования землёй (Bodennutzungen) и труда; от первого он абстрагирует «для простоты».

Бём-Баверк выставляет *три* причины, по которым настоящие блага ценятся выше будущих: во-1-х, различное отношение между потребностями и средствами их удовлетворения в разное время; во-2-х, систематическая недооценка будущих благ; в-3-х, техническое превосходство настоящих благ. — Разберём один за другим аргументы Бём-Баверка. Начнём с первой «причины». «Первая основная причина» — пишет Бём — «которая способна вызвать различие в ценности настоящих и будущих благ, заключается в различном отношении между спросом и предложением (Bedarf und Deckung) в различные промежутки времени»¹⁾. Эта «причина» переоценки настоящих благ встречается обычно в двух типичных случаях: во-первых, во всех тех случаях, когда люди испытывают затруднительное положение; во-вторых, в оценках тех лиц, которые в будущем рассчитывают иметь обеспеченное существование (начинающие врачи, адвокаты etc.). Для этих двух категорий «настоящие» 100 рублей гораздо важнее, чем «будущие», так как в будущем «соотношение между потребностями и средствами их удовлетворения» у тех и других имеет все шансы установиться на более благоприятном уровне. Однако, имеется ряд лиц, для которых действительно как раз обратное отношение между потребностями и благами, а именно относительно хорошее положение теперь и худшее положение в будущем. В этом случае — говорит Бём — необходимо обратить внимание на следующее: настоящее благо, скажем, настоящий гульден, может быть употреблён или в настоящем же времени, или в будущем. Это в особенности следует сказать о деньгах, так как деньги могут быть сохраняемы. При этом отношение между настоящими и будущими благами будет таково: будущие блага могут удовлетворять *только* будущие потребности; настоящие же блага могут удовлетворять и *эти будущие и, сверх того*, настоящие потребности, равно как и те будущие потребности, которые расположены в хронологически более близкий отрезок времени. Здесь, вообще говоря, могут быть два случая: 1) *настоящие и близлежащие будущие потребности менее важны*, чем будущие потребности, о которых идёт речь, — в этом случае настоящее благо сохраняется, идёт на удовлетворение будущих потребностей; его ценность будет определяться важностью этих последних; здесь, таким образом, настоящее благо

¹⁾ Böhm-Bawerk, «Positive Theorie», S. 440: «Ein erster Hauptgrund, der geeignet ist eine Verschiedenheit im Werte gegenwärtiger und künftiger Güter herbeizuführen, liegt in der Verschiedenheit des Verhältnisses von Bedarf und Deckung in den verschiedenen Zeiträumen».

будет по своей ценности равно будущему благу ¹⁾; 2) *настоящие потребности более важны*, — тогда настоящее благо по своей ценности превышает будущее благо, так как последнее может заимствовать свою ценность только от будущих потребностей и ни в коем случае не может заимствовать её от настоящих. *Отсюда вытекает, что настоящие блага могут быть равны, но не могут быть меньше по ценности, чем блага будущие*. Но даже и случай равенства ослабляется, по мнению Бём-Баверка, благодаря тому, что всегда имеется возможность относительного ухудшения в материальном положении в *близком* будущем; эта возможность даёт настоящему благу некоторые шансы на более выгодное употребление, которых будущее благо не имеет. «Настоящие блага, таким образом, в худшем случае равны по своей ценности благам будущим, обычно же, в силу своей применимости в качестве резервного запаса, они обладают преимуществом» ²⁾. Исключение, по Бём-Баверку, составляют лишь те случаи, когда сохранение настоящих благ сопряжено с трудностями или вообще невозможно. Таким образом, имеется три разряда лиц: 1) те, очень многие лица, которые в настоящем находятся в худших условиях, чем в будущем, — они ценят настоящие блага выше; 2) те, также очень многие, лица, которые имеют возможность настоящие блага держать в качестве резервного фонда и употреблять их на удовлетворение будущих потребностей, — они ценят настоящие блага или одинаково с будущими, или немного выше; и, наконец, 3) очень немногочисленный слой лиц: у которых «*die Kommunikation von Gegenwart und Zukunft durch besondere Umstände gehindert oder bedroht ist*», — эти лица ценят настоящие блага ниже будущих. В общем и целом, субъективные оценки имеют, таким образом, тенденцию быть выше, когда речь идёт о настоящих благах, и ниже, когда речь идёт о таком же количестве тех же благ в будущем.

Такова «первая» причина переоценки настоящих благ.
Обратимся к разбору этой «причины». Прежде всего следует отметить, что вообще подобная постановка вопроса ограничена *исторически*. А именно, она возможна лишь для

¹⁾ «...dann wird das gegenwärtige Gut auch den letzteren (будущим. *Н. Б.*) vorbehalten werden und von ihnen den Wert abteilen; dann steht es also im Werte einem künftigen Gute, das derselben Verfügung dienstbar werden könnte, eben gleich» («*Posit. Theorie*», S. 442).
²⁾ *Ibidem*, 443. «Die gegenwärtigen Güter sind also den künftigen im schlimmsten Falle an Wert gleich, in der Regel um die Verwendbarkeit als Reservevorrat im Vorteil».

менового хозяйства и абсолютно немыслима для всех видов хозяйства натурального. И при том последнее положение годится не только по отношению к плохо сохраняемым продуктам, но — как правильно замечают Pierson и Bortkiewicz — и по отношению к другим. «Тот, кому даны были бы в распоряжение такие количества угля, вина и т. д., которые нужны ему в продолжение всей его жизни, весьма бы поблагодарил за это — замечает при обсуждении бём-баверковской теории *Пирсон*, который, впрочем, в существенном разделяет эту теорию. С деньгами, во всяком случае, дело другое» ¹⁾.

Далее. Мы видели, что переоценка настоящих благ по сравнению с будущими вытекает, по Бём-Баверку, в значительной степени благодаря тому, что настоящее благо может удовлетворять и более важные будущие потребности, от которых оно и заимствует свою ценность. Пусть у нас имеется субъект, относительно хорошо обеспеченный в настоящем и не рассчитывающий на такое же будущее. 10 гульденов, которые имеются у него сейчас, удовлетворяют *теперь* потребность в 100 единиц; так как в будущем гульденов у нашего субъекта будет меньше, то ценность этих 10 гульденов повысится, скажем, до 150. Из этого можно было бы заключить, что будущие 10 гульденов ценятся нашим субъектом выше, чем настоящие 10 гульденов. Однако, Бём, как мы видели, выводит иное заключение. А именно, так как настоящие 10 гульденов — говорит он — могут быть сохраняемы и употребляемы и для *будущего*, то они уже в *настоящем* имеют ценность будущих гульденов. Таким образом, здесь будущая ценность проецируется в настоящее время. Эта предпосылка — возможность перенесения ценности будущего блага на благо настоящее — противоречит, на наш взгляд, основной мысли Бём-Баверка о происхождении прибыли. В самом деле, приложим рассуждение Бёма к средствам производства. Всякое средство производства — будь то машина или труд — можно рассматривать двояко: и как будущее благо, и как благо настоящее (последнее постольку, поскольку имеется возможность реализации ценности уже и в настоящем, а также наличность вещной формы, напр., машины etc.). Мы можем реализовать ценность данного средства

¹⁾ *L. von Bortkiewicz*, «Der Kardinalfehler der Böhm-Bawerkschen Zinstheorie». «*Schmollers Jahrbücher*» Band 30, S. 947. «Jemand, dem solche Mengen Kohlen, Wein usw. zur Verfügung gestellt würden, als er voraussichtlich in seinem ganzen Leben nötig haben wird, würde sich dafür schön bedanken, bemerkt bei der Besprechung der Böhm-Bawerkschen Theorie *Pierson*, der übrigens dieser Theorie im wesentlichen beipflichtet. Mit dem Geld sei es allerdings eine andere Sache».

производства в настоящем — продать его и выручить, скажем, 100 единиц ценности; мы можем пустить его в производственный процесс и по истечении определённого времени выручить 150 единиц ценности. Таким образом, будущая ценность средства производства равна 150, настоящая его ценность — 100. Если теперь предположить, как это делает Бём-Баверк, возможность оценки настоящих благ по их будущей ценности, то ясно, что как раз по отношению к средствам производства подобное предположение недопустимо, ибо тогда исчезла бы разница между тем, что капиталист платит сам, и тем, что он выручает, исчез бы «лаж», который, по Бёму, является причиной прибыли. Ошибка Бёма заключается в том, что он исключает для *будущего* блага возможность *настоящего* употребления ¹⁾. Конечно, воображаемые «будущие блага» не могут реализовать своей ценности в настоящем. Но как раз средства производства, существующие уже в настоящем в своей материальной сущности, не подходят под категорию «воображаемых гильденов». Одно из двух: или настоящие блага *не* могут заимствовать своей ценности от будущей пользы (в пределах разбираемой нами первой причины, конечно) — тогда нет места факту переоценки настоящих благ, ибо отпадает равенство оценок настоящих и будущих благ; или же настоящие блага *могут* заимствовать свою ценность от будущей пользы — тогда неоткуда взяться прибыли (опять-таки пока в пределах «первого случая»). И в том, и в другом случае результат для Бём-Баверка получается неутешительный.

Взглянем теперь на дело с точки зрения современной капиталистической действительности, т. е. с точки зрения капиталистов и рабочих. Начнём с рабочих. Последние продают свой товар — труд, который покупается капиталистом в качестве средства производства, т. е. будущего блага, в обмен на «настоящие» гильдены. Рабочий «соглашается» продавать свой труд (будущее благо) за ценность меньшую, чем та, которую будет иметь продукт труда. *Но это происходит отнюдь не потому, что рабочий может надеяться на лучшее отношение von Bedarf und Deckung*, а в силу относительно слабой социальной позиции рабочего ²⁾. Последний к тому же лишён всякой надежды «выйти в люди», и именно этим обстоятельством объясняется позиция пролетариата всех стран. Таким образом, «первая причина» переоценки

¹⁾ «Das künftige Gut, das den seinigen (Wert. H. B.) nur von einer ...*künftigen* (мой курсив. H. B.) Verwendung herleiten kann...» (Böhm-Bawerk «Positive Theorie», S. 442).
²⁾ Stolzmann, I. c. S. 306–307.

настоящих благ совсем не касается оценочных мотивов *рабочего*. Но она совершенно не годится и для объяснения оценок *капиталистических предпринимателей*. По этому поводу не кто иной, как сам Бём-Баверк, говорит следующее:

«Если бы капиталисты реализовали весь свой имущественный запас, как настоящее благо, то есть если бы они их непосредственно потребляли, тогда, конечно, потребности настоящего времени были бы с избытком покрыты, в то время как потребности будущего остались бы совершенно без удовлетворения... *Поскольку речь идёт не о чём ином, как об отношении между потребностями и средствами их удовлетворения в настоящем и будущем, постольку для владельца имущественного запаса, превосходящего потребности настоящего времени, настоящие блага, как таковые, имеют даже меньшую ценность, чем благо будущее*» ¹⁾.

Для капиталиста настоящие блага, превышающие его собственные потребности, полезны постольку, поскольку он их *производительно* потребляет, т. е. поскольку он превращает их в *будущие* блага. Это обстоятельство способствует «переоценке» *не настоящих*, а как раз *будущих* благ, в нашем случае труда. Итак, и на стороне спроса, и на стороне предложения, «первая причина» оказывается абсолютно недействительной.

Переходим теперь ко «второй причине». Она заключается в том, что «*мы систематически недооцениваем наши будущие потребности и средства, которые служат для их удовлетворения*» ²⁾. Бём-Баверк нисколько не сомневается в самом факте; он говорит только, что этот факт имеется лишь в различной степени, смотря по нации, возрасту, личности; особенно ярко — говорит Бём — проявляется он у детей и дикарей («*ganz krass tritt sie uns bei Kindern und Wilden entgegen*»). Бём-Баверк приводит три основания, которые вызывают это явление: 1) неполнота (Lückenhaftigkeit) представлений о будущих потребностях; 2) «порок воли», который заставляет предпочитать настоящее,

¹⁾ Böhm-Bawerk, «Positive Theorie», S. 510 (Курсив наш): «Würden die Kapitalisten ihren ganzen Vermögensstamm als gegenwärtige Güter verwerten, das ist, in gegenwärtigem Genusse verzehren, so würde augenscheinlich der Bedarf der Gegenwart überfließend versorgt, während der Bedarf der Zukunft ganz unbedeckt bliebe... So weit es auf nichts anderes ankommt, als auf die Verhältnisse von Bedarf und Deckung in Gegenwart und Zukunft, sind für Besitzer eines den Bedarf der Gegenwart übersteigenden Vermögensstammes gegenwärtige Güter als solche sogar weniger wert als künftige».
²⁾ «Wir unterschätzen systematisch unsere künftigen Bedürfnisse und die Mittel, die zu ihrer Befriedigung dienen» (Ibid., S. 445).

несмотря даже на сознание негодности такого действия; 3) «соображения о краткости и непрочности нашей жизни» («die Rücksicht auf die Kürze und Unsicherheit unseres Lebens»).

Нам кажется, что эта «вторая причина» настолько же недостаточна, как и первая. Поскольку имеется хозяйство, постольку имеется определённый хозяйственный план, принимающий во внимание потребности не только настоящего, но и потребности будущего. «Дикарей» и «детей», о которых говорит Бём-Баверк, никоим образом нельзя брать, как пример. Какое влияние может оказать «неполнота представлений о будущем», «порок воли» или «соображение о краткости и непрочности нашей жизни» на бухгалтерские расчёты современного крупного предпринимателя? Хозяйство имеет свою логику, и мотивы хозяйственной деятельности, хозяйственный расчёт, как небо от земли, далеки от мотивов дикарей и детей. Наоборот, сбережение денег, — если оно выгодно, — выжидание конъюнктуры, сложные планы относительно будущего etc. суть отличительные признаки капиталистического хозяйства; если капиталист и бывает «ребёнком», то он поступает так лишь с своими «карманными деньгами», основные же ценности, операции предпринимательского характера, ведутся на основе самого строгого расчёта. По этому поводу совершенно правильно замечает Визер: «Мне кажется, что в условиях цивилизации всякий хороший хозяин, а по сути дела также и все средние элементы научились в некотором отношении преодолевать эту слабость человеческой природы (т. е. недооценку будущих благ. Н. Б.) ... Необходимость забот о будущем здесь особенно велика, и не было бы никакого чуда в том, если бы она тут особенно резко проявлялась» ¹⁾.

Кроме того, привлекать для объяснения прибыли на капитал риск, связанный с «будущим», нельзя даже с точки зрения Бёма, ибо, как говорит Борткевич, «в бём-баверковской теории речь идёт об объяснении процента на капитал в собственном смысле

¹⁾ Wieser, «Natürlicher Wert», S. 17. «Es scheint mir..., dass im Stande der Civilisation jeder gute Wirtschafter und der Hauptsache nach auch alle mittelmässigen gelernt haben, in einer gewissen Beziehung dieser Schwäche der menschlichen Natur Herr zu werden... Die Aufforderung zur Vorsorge ist in dieser Beziehung eine besonders starke, und es dürfte nicht Wunder nehmen, wenn sie hier vor allem wirksam geworden wäre». См. также Bortkiewitz, «Kardinalfehler der Böhm-Bawerkschen Zinstheorie»: «...spricht gegen die v. Böhm-Bawerksche Behauptung, dass eine Neigung zur Unterschätzung des Wertes künftiger Güter allgemein verbreitet sei, der Umstand, dass Fälle entgegengesetzter Art durchaus nicht zu den Seltenheiten gehören» (S. 949). То же у Stolzmann'a, I. c., S. 308–309.

т. е. чистого процента, а не валового, который, среди прочих составных частей, содержит и премию на риск, причём последняя считается с моментом неустойчивости и выключается из рассмотрения, поскольку вопрос касается чистого процента» ¹⁾.

Перейдём теперь к рабочим и капиталистам. Бём-Баверку представляется, что рабочий мог бы сам выступить в роли предпринимателя и получить в будущем продукт своего труда. Но он предпочитает получить хоть часть его в настоящем, так как он «систематически недооценивает» будущие блага; на самом же деле происходит совсем не то, что представляется Бём-Баверку. А именно, рабочий продаёт свою рабочую силу не потому, что он «недооценивает» будущие блага, а потому, что у него нет возможности получить какие бы ни было блага иначе, чем путём продажи своей рабочей силы (труда у Бём-Баверка); выбора между собственным производством и производством на фабрике капиталиста для него просто не существует; он не имеет никакой возможности превратить будущее благо — «труд» в настоящее благо; поэтому он *вовсе* не оценивает своего труда, как будущего блага — такая точка зрения ему абсолютно чужда. Это обстоятельство настолько ясно, что его видят даже буржуазные экономисты из тех, которые не возводят апологии капитализма в систему, или, по крайней мере, проделывают это не с таким усердием, как Бём. «Промышленный рабочий — пишет проф. Лексис — теперь не может вообще реализовать свою рабочую силу самостоятельно; для этого он нуждается в новых могучих средствах производства, которые находятся в обладании капитала и делаются доступными для него только на условиях, поставленных капиталом... Рабочий не ведёт собственного производительного хозяйства, продукт его труда ему не принадлежит и для него безразличен; хозяйствование состоит для него в добывании и расходовании его заработной платы» ²⁾.

¹⁾ Bortkiewitz, I. c. S. 950: «...bei der Böhm-Bawerkschen Theorie handelt es sich um die Erklärung des Kapitalzinses im eigentlichen Sinne, d. h. des Nettozinses nicht aber des Bruttozinses, der unter anderen Bestandteilen die Riskoprämie enthält, welche letztere dem Mement der Unsicherheit Rechnung trägt und für die Frage des Nettozinses aus der Betrachtung ausscheidet».

²⁾ W. Lexis, «Allgemeine Volkswirtschaftslehre», S. 7: «Der industrielle Arbeiter aber konnte jetzt aus eigenen Mitteln seine Arbeitskraft überhaupt nicht verwerten, er bedurfte dazu der neuen mächtigen Produktionsmittel, die sich im Besitz des Kapitals befanden und ihm nur unter den vom Kapital gestellten Bedingungen zugänglich waren... Der Arbeiter führt keine eigene Produktionswirtschaft, das Produkt seiner Arbeit gehört ihm nicht und ist ihm gleichgültig, das Wirtschaften besteht für ihn in dem Erwerb und Verarbeiten seines Lohnes». Курсив наш. Ср.

Так обстоит дело на стороне рабочего. Посмотрим, что происходит на стороне капиталистов. Относительно этого пункта сам Бём-Баверк признаёт, что для капиталистов, поскольку они выступают именно, как капиталисты, а не моты («Verschwender»), переоценка настоящих благ не играет роли ¹⁾. Таким образом, и здесь, как на стороне спроса, так и на стороне предложения «вторая причина» оказывается такой же недействительной, как и первая.

«Из трёх моментов... оба первых, таким образом, для массы капиталистов (мы видели, что это относится и к рабочим. *Н. Б.*) не проявляются в действительности. Наоборот, здесь может проявить своё действие хорошо знакомый нам третий момент: *техническое превосходство настоящих благ*, или то, что иногда называют «производительностью капитала» ²⁾.

Мы должны разобрать, таким образом, последнюю «причину» — техническое превосходство настоящих благ.

2. ТРЕТЬЯ ПРИЧИНА ПЕРЕОЦЕНКИ НАСТОЯЩИХ БЛАГ:
ТЕХНИЧЕСКОЕ ИХ ПРЕВОСХОДСТВО

Этот третий довод, которому Бём-Баверк придаёт исключительное значение, состоит в том, что «обычно настоящие блага в силу технических причин являются лучшими средствами для удовлетворения наших потребностей и поэтому гарантируют нам более высокую предельную пользу, чем будущие блага» ³⁾. Здесь мы должны сделать оговорку и попросить пока читателя запомнить следующее: до сих пор везде у Бём-Баверка предполагалось, что под настоящими благами разумеются Genussgüter, блага первого порядка, в худшем случае — «настоящие» гульдены, которые легко трансформируются в потребительные блага, уже совсем непосредственно удовлетворяющие человеческие

Parvus, I. c., S. 550: «Der Gegenwartswert der Arbeit für den Arbeiter ist eine Fiktion, man kann höchstens von ihm mir mathematisch sprechen, als von einer Grösse, die gleich Null ist».

1) «Positive Theorie» S. 520–521.

2) Ibidem, 521: «Von den drei Momenten... treten also für die Masse der Kapitalisten (мы видели, что это действительно и для рабочих, *Н. Б.*) die beiden ersten nicht in Wirksamkeit. Dagegen kann hier das uns wohlbekannte dritte Moment wirksam werden: die technische Ueberlegenheit der gegenwärtigen Güter, oder das, was man sonst die «Produktivität des Kapitals» nennt».

3) Ibidem, 454: «...in aller Regel gegenwärtige Güter aus technischen Gründen vorzüglichere Mittel für unsere Bedürfnisbefriedigung sind und uns daher auch einen höheren Grenznutzen verbürgen als künftige».

потребности. Именно гульденами расплачивался наш капиталист, как настоящим товаром, который он отдавал в обмен на «будущее благо» — труд. Совсем не о том, однако, речь идёт в разбираемом случае. Тут Бём-Баверк сравнивает уже не средства производства в их противоположности со средствами потребления, а средства производства между собой, различные категории этих средств производства. Это влечёт за собой целый ряд последствий, о которых ниже.

Возвращаемся к теме. Из предыдущей главы мы знаем, что производственный процесс, по Бём-Баверку, тем успешнее, чем он длиннее. Если мы возьмём какую-нибудь единицу средств производства, например, месяц труда, вложенный в технически неодинаковые производственные процессы, то результат будет различен в зависимости от различной длины производственного процесса. Бём-Баверк приводит следующую таблицу:

Таблица I.
Месяц труда, затраченный в году
даёт для хозяйственного периода (т. е. к концу года)
единиц продукта

	1909	1910	1911	1912
1909	100	—	—	—
1910	200	100	—	—
1911	280	200	100	—
1912	350	280	200	100
1913	400	350	380	200
1914	440	400	350	280
1915	470	440	400	350
1916	500	470	440	400

Для удовлетворения потребностей 1909 г. — говорит Бём — месяц труда, затраченного в 1910 или 1911 году, не даёт нам ровно ничего; месяц труда, затраченного в 1909 г., даёт 100 единиц продукта; для удовлетворения потребностей 1914 г. месяц труда 1911 г. даёт 350, 1910 — 400, 1909 — 440 единиц продукта.

«С точки зрения какого промежутка ни сравнивать, всегда старшая (настоящая) группа средств производства в техническом отношении обладает преимуществами сравнительно с равновеликой младшей (будущей) группой» ¹⁾. Но это преимущество —

1) Ibidem, S. 457; «Mag also der Vergleich vom Standpunkte was immer für eines Zeitraumes ausgezogen werden, so zeigt sich überall die ältere (gegenwärtige) Produktivmittelmeng e der gleich grossen jüngeren (künftigen) technisch überlegen».

продолжает Бём-Баверк — не только техническое, но и *экономическое*: полученный продукт в отрасли «более капиталистической», т. е. с более длинным производственным путём, превосходит продукт в отрасли «менее капиталистической» не только по числу полученных единиц, но и по общей *ценности*.

«Но имеет ли она (старшая группа средств производства. *Н. Б.*) преимущество также и в смысле высоты своей предельной пользы, в смысле своей *ценности*? Конечно, да. Ибо, если оно даёт в наше распоряжение больше средств удовлетворения потребностей для любой сферы этих потребностей, ради удовлетворения которых мы можем или хотим её применить, то она имеет и большее значение для нашего благополучия» ¹⁾.

Для одного лица в один и тот же момент времени — говорит Бём — большее количество продукта будет иметь и бо́льшую ценность. Так обстоит дело с ценностью *продукта*. Как же обстоит дело с ценностью средств производства? Как мы знаем из соответствующего отдела главы о ценности, ценность средств производства при различных способах употребления определяется максимумом ценности продукта, т. е. ценностью продукта, произведённого в наиболее выгодных производственных условиях.

«У благ, которые допускают альтернативно различные способы употребления с разновеликой предельной пользой, решающим моментом является *высшая предельная полезность*. Следовательно, в нашем конкретном случае, тот продукт, *который представляет наивысшую сумму ценностей*» ²⁾.

Отсюда следовало бы, по-видимому, заключение, что ценность средств производства определяется максимальным *количеством продукта*, т. е. максимальным удлинением производственного процесса. Но — и это положение мы просим читателя особенно твёрдо запомнить — в действительности теория Бём-Баверка *даёт иной ответ*. «Высшая сумма ценности — говорит наш автор — не должна совпадать с тем продуктом, который содержит наибольшее число единиц: наоборот, она редко или никогда с ним не

¹⁾ *Ibidem*, S. 457: «Ist sie (Produktivmittelmengen. *Н. Б.*) aber auch in der Höhe ihres Grenznutzens und ihres Wertes überlegen? Ganz gewiss ist sie es. Denn wenn sie uns für jeden denkbaren Bedürfnisskreis zu dessen Gunsten wir sie verwenden können oder wollen, mehr Befriedigungsmittel zur Verfügung stellt, so muss sie doch auch eine grössere Bedeutung für unsere Wohlfahrt haben».

²⁾ *Ibid.*, 458: «Bei Gütern, die alternativ eine verschiedene Verwendung mit verschieden grossem Grenznutzen zulassen, ist der *höchste* Grenznutzen der massgebende. Also in unserem konkreten Falle *dasjenige Produkt, das die höchste* Wertsumme darstellt».

совпадает. Ибо наибольшее количество единиц (продукта) мы достигли бы путём необыкновенно долгого производственного процесса, который длился бы 100 или 200 лет; но блага, которые будут готовы лишь во времена наших правнуков и праправнуков, в наших теперешних оценках не имеют вовсе никакой ценности» ¹⁾. Поэтому наибольшая сумма ценности будет соответствовать тому продукту, сумма единиц которого, умноженная на ценность единицы, даёт максимальную величину, причём принимаются в расчёт «отношение между потребностями и средствами удовлетворения в соответствующий хозяйственный период и... имеющаяся для будущих благ перспективная редукция» (т. е. уменьшение ценности. *Н. Б.*) ²⁾.

Пусть у нас имеется лишь «первая причина», т. е. «*zunehmend — verbessernde Versorgungsverhältnisse*», пусть соответствующая (уменьшающаяся) ценность единицы продукта, которую Бём-Баверк называет «истинной ценностью», будет для продукта 1909 г. — 5; 1910 г. — 4; 1911 г. — 3,3; 1912 г. — 2,5; 1913 г. — 2,2; 1914 г. — 2,1; 1915 г. — 2; 1916 г. — 1,5. Тогда соответствующие цифры при действии *второй* причины, т. е. при *perspektivische Reduktion*, — будут: 5; 3,8; 3; 2,2; 1,8; 1,5; 1. Мы предполагаем таким образом, вместе с Бём-Баверком, уменьшение ценности «будущих благ» по сравнению с «настоящими» в силу двух ранее нами разобранных причин. На основании этого Бём составляет следующие таблицы:

Таблица II.
Один месяц труда, затрачиваемый в 1909 г., даёт

Для хозяйствен. периода	Число единиц продукта	Истинная пред. пол. единицы	Перспект. уменьш. ценности ед.	Ценностная сумма всего продукта
1909	100	5	5	500
1910	200	4	3,8	760

¹⁾ «Dieses muss beileibe nicht mit demjenigen Produkt zusammenfallen, welches die grösste Stückzahl enthält: im Gegenteil, es fällt selten oder nie damit zusammen. Denn die grösste Stückzahl würden wir durch einen unmässig langen vielleicht 100 oder 200 Jahre dauernden Produktionsprozess erlangen. Güter aber, die erst zu Lebzeiten unserer Urenkel und Ururenkel zur Verfügung gelangen, haben in unserer heutigen Schätzung so gut, wie gar keinen Wert». («Positive Theorie», S. 460).

²⁾ *Ibidem*, «...das Verhältniss von Bedarf und Deckung in der betreffender Wirtschaftsperiode und... Rücksicht auf die bei künftigen Gütern eintretende perspektivische Reduktion». Ср. стр. 461 того же сочин. Здесь, между прочим, Бём-Баверк определяет ценность суммы, как ценность единицы, помноженной на число единиц, что противоречит его же собственной теории. Из этого противоречия он тщетно пытается вывернуться в прим. на стр. 461 и 462. Впрочем, данный вопрос лежит в иной области и был уже нами разобран в соответствующем месте I отдела.

Для хозяйствен. периода	Число единиц продукта	Истинная пред. пол. единицы	Перспект. уменьш. ценности ед.	Ценностная сумма всего продукта
1911	280	3,3	3	840
1912	350	2,5	2,2	770
1913	400	2,2	2	800
1914	440	2,1	1,8	792
1915	470	2	1,5	705
1916	500	1,5	1	500

Таблица III.
Один месяц труда, затрачиваемый в 1912 г., даёт:

Для хозяйствен. периода	Число единиц продукта	Истинная пред. пол. единицы	Перспект. уменьш. ценности ед.	Ценностная сумма всего продукта
1910	—	4	3,8	—
1911	—	3,3	3	—
1912	100	2,5	2,2	220
1913	200	2,2	2	400
1914	280	2,1	1,8	504
1915	350	2	1,5	525
1916	400	1,5	1	400

Из этих таблиц видно, что максимум ценности для труда, затрачиваемого в 1909 г. (840 единиц ценности), выше максимума ценности, полученной в результате более позднего труда 1912 г. (525). Если мы проделаем необходимые вычисления и для 1910 и 1911 г.г. и составим сводную таблицу, аналогичную нашей таблице I-й, то получим следующие результаты ¹⁾.

Таблица IV. Месяц труда, затраченный в году, даёт для хозяйственного периода единиц ценности

	1909	1910	1911	1912
1909	500	—	—	—
1910	760	380	—	—
1911	840	600	300	—
1912	770	616	440	220
1913	800	700	560	400
1914	792	720	630	504
1915	705	660	600	525
1916	500	470	440	400

«Таким образом, в действительности, настоящий месяц труда имеет преимущество перед всеми будущими не только в смысле (большей) технической продуктивности, но и в смысле (большей) предельной полезности и ценности» ¹⁾.

Итак, здесь доказано, по Бём-Баверку, не только техническое, но и *экономическое* превосходство (т. е. превосходство при ценностных расчётах) *настоящих* производительных благ над *будущими* производительными благами. К собственно настоящим благам, т. е. к настоящим *потребительным* благам, Бём-Баверк переходит путём такого рассуждения: обладание известным

¹⁾ «Positive Theorie», S. 465. «Es ist also in der Tat der gegenwärtige Arbeitsmonat allen künftigen nicht bloss an technischen Produktivität, sondern auch an Grenznutzen und Wert überlegen». Для уяснения позиции *Бём-Баверка* следует отметить, что его понятие «производственного периода» («Produktionsperiode») существенно отличается от обычного. Это вовсе не сумма времени, последовательно затрачиваемая на все операции, начиная с подготовительных, ибо «in unserer Zeit, in der die kapitallose Produktion fast gans verschwunden ist... würde nach jener strengen Berechnung die Produktionsperiode fast jedes Genussgutes ihren Anfang in lang vergangene Jahrhunderte zurückverlegen dürfen» (S. 156). «Wichtiger und richtiger ist es vielmehr, auf den Zeitraum zu sehen, der *durchschnittlich* zwischen dem Aufwand der sukzessive in ein Werk verwendeten originären Produktivkräfte, Arbeit und Bodennutzungen, und der Fertigstellung der schliesslichen Genussgüter vergeht. Diejenige Produktionsmethode ist stärker kapitalistisch, welche den in ihr vollzogenen Aufwand an originären Produktivkräften durchschnittlich später lohnt». (157). Если производство единицы благ стоит, в общем, 100 рабочих дней, и если один рабочий день был затрачен до окончания процесса за 10 лет, каждый из следующих за 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2 и 1 год, а все остальные (90) дней, непосредственно перед окончанием всего процесса, то первый рабочий день вознаграждается через 10, второй 9 и т. д. лет. А все 10 дней *durchschnittlich* вознаграждают себя через

$$\frac{10 + 9 + 8 + 7 + 6 + 5 + 4 + 3 + 2 + 1}{100} = \frac{55}{100}$$

т. е. приблизительно через полгода. Это и есть *Produktionsperiode*. Таким образом, единица средств производства в 100 дней употреблена в производительном процессе, где период производства равен полугоду. Чем больше этот производственный период, тем «*ergiebig*» производство, тем выше «*Produktivität des Kapitaless*». О полной нелепости и пустоте этого понятия очень хорошо говорит *Lewin*: «Es ist vor allem unverständlich, wie und warum *Böhm-Bawerk* bei der Berechnung der Produktionsperiode zu jenem Durchschnitt gelangt. Das Werkzeug, das im obigen Beispiel, vor 10 Jahren erzeugt wurde und zur Herstellung des nunmehr fertigen Genussgutes notwendig war, gehört im *ganzen* und nicht etwa in seinem zehnten Teile zur Produktion diesen Gutes, die weiteren Zwischenprodukte dürfen ebensowenig als Bruchteile in Anrechnung gebracht werden. Für Kostenberechnung kommt nur ein entsprechender Teil der Produktionsmittel in Betracht, für die Bestimmung der Produktionsdauer muss dagegen jedes Produktionsmittel als *Ganzes* in Anrechnung kommen» (I. с., S. 201). Таким образом, самое понятие производственного периода, лежащее в основе вычислений Бёма, лишено всякого смысла. Впрочем, *Бём-Баверк* далеко не везде выдерживает это своё определение.

запасом настоящих потребительных благ позволяет затрачивать средства производства в наиболее производительных процессах; если средств существования мало, то ждать получения продукта в течение долгого времени нельзя. При данной величине средств существования дан и возможный производственный период. При этом, чем скорее имеем мы средства производства, тем лучше мы можем использовать их. Если у нас имеется запас настоящих потребительных благ на 10 лет, то настоящее производительное благо может быть затрачено в течение всех этих 10 лет; всякое же будущее благо будет находиться в производственном процессе меньшее количество времени; если мы получим средства производства лишь через 3 года, то максимум производственного процесса будет 10–3, т. е. 7 лет и т. д. ¹⁾ Таким образом, «зависимость здесь следующая. Распоряжение некоторой суммой настоящих потребительных благ покрывает наши потребности в текущий хозяйственный период, и этим самым освобождает имеющиеся как раз в данный период средства производства (труд, земля, капитальные блага) для технически более продуктивного применения ради будущего» ²⁾. Другими словами, так как настоящие производительные блага ценнее будущих и так как этому способствует наличность настоящих потребительных благ, то эти последние получают некоторый лаж. Повышенная ценность настоящих производительных благ влечёт за собою повышение ценности настоящих потребительных благ.

Такова «третья причина». Прежде чем перейти к критике этого важнейшего и, как нам кажется, наиболее схоластического аргумента Бём-Баверка, мы сформулируем вкратце весь ход его рассуждений по этому пункту.

Во-1-х. Настоящие производительные блага дают большее количество *продукта*, чем будущие производительные блага.

Во-2-х. Ценность этого продукта во всякий данный момент, а также *максимум ценности* больше у настоящих производительных благ.

¹⁾ Аналогичное толкование этого пункта даёт и *Шапошников*, I. с., стр. 120; собственно у Б.-Б. зависимость между длиной произв. процесса и величиной запаса более сложна (ср. «*Posit. Theorie*», S. 532–536); но в данном случае это не имеет для нас значения.

²⁾ *Böhm-Bawerk*, «*Positive Theorie*», S. 469: «Der Zusammenhang ist der folgende. Die Verfügung über eine Summe gegenwärtiger Genussmittel deckt unsere Subsistenz in der laufenden Wirtschaftsperiode, macht dadurch unsere in eben dieser Periode verfügbaren Produktivmittel (Arbeit, Bodennutzungen, Kapitalgüter) für den technisch ergiebigeren Dienst der Zukunft frei».

В-3-х. Поэтому ценность настоящих *средств производства* выше ценности будущих средств производства.

В-4-х. Так как настоящие потребительные блага позволяют вкладывать средства производства в наиболее производительные операции, т. е. пускать их теперь же в дело на долгий срок, то настоящие потребительные блага получают более высокую оценку по сравнению с будущим.

Обратимся теперь к критическому разбору всей этой аргументации.

Ad I. Настоящие производительные блага дают большее количество продукта, утверждает Бём-Баверк. В доказательство приводится наша таблица I. Для того, чтобы аргументация Бёма имела какой-нибудь смысл, необходимо, чтобы здесь было устранено всё то, что связано с выше разобранными двумя первыми «причинами» переоценки настоящих благ. Количество получаемого продукта должно браться независимо от того, *когда* оно получается. В таблице же Бём-Баверка производственные ряды обрываются на одном и том же году. В самом деле, если мы предположим, что срок получения продукта нам безразличен, то получим, как это указал Борткевич, существенно иной результат.

Таблица I.
Месяц труда, затраченного в году,
даёт для хозяйств. периода единиц продукта

	1909	1910	1911	1912
1909	100	—	—	—
1910	200	100	—	—
1911	280	200	100	—
1912	350	280	200	100
1913	400	350	280	200
1914	440	400	350	280
1915	470	440	400	350
1916	500	470	440	400

Таблица III.
Месяц труда, затраченного в году,
даёт для хозяйственного периода единиц продукта

	1909	1910	1911	1912
1909	100	—	—	—
1910	200	100	—	—
1911	280	300	100	—
1912	350	280	200	100
1913	400	350	280	200
1914	440	400	350	280
1915	470	440	400	350
1916	500	470	440	400
1917	—	500	470	440
1918	—	—	500	470
1919	—	—	—	500

А именно, если мы предположим, что производственные ряды 1909, 1910, 1911 и 1912 годов одинаково длинны, то *и количество* продукта будет тем же самым, что и в 1909 году; никакой разницы между *количествами* продуктов не будет. Разница — и притом единственная — будет заключаться лишь в том, что это одинаковое количество продукта будет получаться не в одно и то же время, а именно, чем дальше от «настоящего» данное производительное средство, тем позднее будет получаться одинаковый по своей абсолютной величине результат. В то время, как месяц труда, затраченного в 1909 году, принесёт 500 единиц продукта уже в 1916 году, месяц труда, затраченного в 1910 г., принесёт эти же 500 единиц не в 1916, а в 1917 году; месяц труда, затраченного в 1911 г., в 1918 и т. д. Итак, если мы не принесём различной оценки для полочки более поздней и менее поздней, то количество продукта окажется одинаковым.

Ad II. Переходим теперь к вопросу о ценности продукта и о максимуме ценности. Выше мы видели, что, если последовательно проводить точку зрения Бём-Баверка, то максимум ценности должен был бы получиться при максимальном удлинении производственного процесса и, следовательно, при максимальном увеличении количества продукта. Однако, Бём-Баверк отрицает это, *ссылаясь на тот факт, что продукты, полученные ко временам наших правнуков, для нас не имеют почти никакой ценности.* Эта предпосылка, лежащая в основе его вычислений, является методологически недопустимой. В самом деле, если мы уже заранее ссылаемся на действие недооценки

будущих благ (вызывается ли она «первой» или «второй» причиной), то мы делаем невозможным анализ «третьей причины», т. е. именно того вопроса, который нас интересует сейчас. В действительности, Бём-Баверк контрабандой вводит действие первого или второго фактора, и *только благодаря этому* у него получаются результаты, которые он *приписывает* действию третьего фактора. В самом деле, почему у него получился различный максимум ценности для продукта различных по времени средств производства? Да просто потому, что он *дважды* уменьшал ценность продукта в зависимости от времени:

1909 — 5 1913 — 2,2 1909 — 5 1913 — 2

1910 — 4 1914 — 2,1 1910 — 3,8 1914 — 1,8

1911 — 3,3 1915 — 2 1911 — 3,2 1915 — 1,5

1912 — 2,5 1916 — 1,5 1912 — 2,2 1916 — 1

Первые два столбца — уменьшение ценности благ под влиянием «*zunehmend verbessernde Versorgungverhältnisse*», второе — уменьшение ценности их под влиянием соображений о непрочности человеческой жизни и. т. п., т. е. под влиянием второй причины. Если бы этого не было, то для всех годов была бы одна и та же цифра, а именно 5. Составляя таблицу, аналогичную табл. IV, и принимая одинаковое для всех вертикальных рядов уменьшение ценности с ростом количества продуктов, получаем ¹⁾:

Таблица IV.
Месяц труда, затраченный в году, даёт для хозяйств. периода

	1909	1910	1911	1912
1909	500	—	—	—
1910	760	380	—	—
1911	840	600	300	—
1912	770	616	440	220
1913	800	700	560	400
1914	792	720	630	504
1915	705	660	600	525
1916	500	470	400	400

¹⁾ Для простоты берём ту же степень уменьшения, которая у Б.-Б. получалась под влиянием обеих первых причин, т. е. ряд: 5, 3,8, 3,2, 2,2, и т. д.

Таблица IVa.

Месяц труда, затраченный в году, даёт для хозяйств. периода единиц ценности

	1909	1910	1911	1912
1909	500	—	—	—
1910	760	500	—	—
1911	840	760	500	—
1912	770	840	760	500
1913	800	770	840	760
1914	792	800	770	840
1915	705	792	800	770
1916	500	705	792	800
1917	—	500	705	792
	—	—	500	705
	—	—	—	500

Сравнивая таблицу IV и таблицу IVa, убеждаемся, что maximum ценности различен в таблице IV (840, 720, 630, 525) и одинаков в таблице IVa (840). И получилось это разноречие *единственно* потому, что в таблице IV уменьшение ценности бралось в зависимости от *времени*, так что второй вертикальный столбец начинался уже с иной цифры (380, а не 500), в то время как в таблице IVa уменьшение ценности бралось в зависимости лишь от *количества* продуктов, и начальные цифры всех четырёх рядов оказывались одинаковыми, потому что и количество продуктов было одинаково ¹⁾. Таким образом, ясно, что выводы о большей экономической производительности настоящих средств производства получились лишь в силу того, что в вычисление были введены оба прежние момента. Разумеется, тот же результат, но лишь ослабленный количественно, мы получим, если оставим действовать *один* из двух моментов, все равно, будет ли то первый или второй. Ясно во всяком случае, что пресловутая «третья причина», как самостоятельный фактор, *просто-напросто не существует*. Этим решается и вопрос о ценности настоящих и будущих средств производства (пункт 3).

Ad IV. Но если бы даже признать правильность трёх первых «причин» «третьей причины», то всё же Бём-Баверку не удалось бы сделать перехода от производительных благ к благам

¹⁾ Между прочим, в своих таблицах Бём-Баверк не принимает во внимание уменьшения ценности продукта с ростом его количества, т. е. абстрагирует от *важнейшего* положения теории предельной полезности.

потребительным. Здесь, как мы знаем, он приводит такое рассуждение: так как настоящие производительные блага ценнее будущих, то и настоящие потребительные блага ценнее будущих потребительных благ. Таким образом, тут потребительные блага рассматриваются, если так можно выразиться, как средства производства средств производства, причём фактором определяющим являются производительные блага, а определяемым — блага потребительные. Это положение, однако, противоречит основной точке зрения всей школы, для которой потребительные блага есть нечто первичное, а производительные блага — блага более отдалённых порядков — по своей ценности суть производная величина. Мы видим и здесь, что объяснение вращается в кругу ¹⁾. Ценность продукта определяет ценность средств производства, ценность средств производства определяет ценность продукта. Это уже само по себе является противоречием. Но, кроме того, непонятно соотношение между определением ценности настоящих благ под влиянием их предельной полезности и определением, слагающимся под действием большей технической и экономической производительности настоящих средств производства. Пусть, в самом деле, предельная полезность известного запаса настоящих благ равна 500; если две первые причины вообще не действуют, а влияние третьей тоже не проявляется, то и будущий запас тех же благ равен 500. Предположим теперь, что в результате наиболее выгодного производственного периода, который обязан своим возникновением наличности нашего запаса, мы получаем 800 единиц ценности, а при запоздании на год (т. е. при более коротком производственном процессе) лишь 700 единиц. Тогда, по Бёму, должен установиться перевес ценности настоящих потребительных благ над будущими. Это может произойти (берём два *главные* случая) или тогда, когда ценность настоящих благ поднимается выше 500, или тогда, когда ценность будущих упадёт ниже 500. Первое не может произойти, потому что это было бы явным

¹⁾ Cp. Bortkiewicz, I. c., S. 957–958: «Ja, die technische Ueberlegenheit der gegenwärtigen Produktivgüter soll indirekt ein Wertagio zugunsten der gegenwärtigen Genussgüter herbeiführen, indem nämlich die Verfügung über die letzteren gewisse Produktivmittel «für den technisch ergebigeren Dienst der Zukunft» frei mache. Hier dreht sich die Argumentation im Kreise. Denn in Wirklichkeit kann ein Wertüberschuss gegenwärtiger Produktivgüter über künftige Produktivgüter nicht anders als nach Massgabe einer verschiedenen Bewertung zeitlich auseinanderliegender Genussgüter bestehen, und nun soll diese Verschiedenheit der Bewertung ihrerseits durch das Wertverhältniss zwischen gegenwärtigen und zukünftigen Produktivgütern erklärt werden».

нарушением закона предельной полезности. Может ли произойти второе? Тоже нет. Как, в самом деле, могут уменьшаться в ценности блага только потому, что при их помощи *нельзя* сделать чего-нибудь такого, что абсолютно не входит в «шкалу потребностей»? Это, конечно, абсурд. Дело объясняется довольно просто. Искусственное построение Бём-Баверка предполагает здесь, что потребительные блага зависят в своей ценности от производительных; потребительные блага рассматриваются, до известной степени, как средства производства для производства средств производства. Таким образом, окончательно теряется всякая устойчивость *основного* построения. Основы теории опирались на предельную полезность потребительного блага, которая являлась первопричиной всякой ценности. Поскольку же потребительные блага сами рассматриваются, как средства производства, постольку должна терять всякий смысл и теория предельной полезности.

Кроме того, вся аргументация Бём-Баверка, касающаяся «третьей причины», покоится на предположении, что имеются производительные процессы различной длины: ведь, именно, из преимущества более длинных производственных процессов выводится в данном случае прибыль. И так как сам Бём-Баверк, как мы видели выше, признает несостоятельность двух первых доводов, то «техническое преимущество настоящих благ» является, в сущности *единственной* причиной явления прибыли. Однако, не может быть ровно никакого сомнения в том, что даже при предположении совершенно одинаковых по своей длине производственных процессов прибыль не перестаёт существовать. Если (выражаясь в терминах Маркса) органический состав капитала одинаков во всех производственных отраслях, другими словами, если органический состав капитала в каждой отдельной отрасли производства будет равняться среднему общественному составу капитала, то этим отнюдь не уничтожается прибыль; отличие от конкретной «действительности» будет состоять лишь в том, что средняя норма прибыли будет реализоваться непосредственно, не вызывая перехода капиталов из одной отрасли в другую. С другой стороны, та «дифференциальная прибыль», которая получается в индивидуальном предприятии, где имеется улучшенная техника, ещё не сделавшаяся всеобщим достоянием, не может служить примером *прибыли вообще*, ибо последняя получается и при совершенно одинаковой технике, как специфический доход *класса* капиталистов, а не того или иного индивидуального предпринимателя. «Если все капиталисты

в состоянии получать одинаковую выгоду из повышенной производительности, то исчезает какое бы то ни было средство барыша, «прибавочная ценность» не может быть более выведена из различия той группы продуктов, которая произведена без окольных капиталистических путей, и той группы, которая произведена *при помощи* этих способов» ¹⁾.

Если мы обратимся теперь к мотивам капиталистов и рабочих, то увидим следующее. Для рабочего, вообще, не может быть речи относительно выбора тех или иных производственных путей просто потому, что, как мы уже говорили и раньше, для него, поскольку он рабочий, не существует возможности самостоятельного производства. Самая *постановка* вопроса по отношению к рабочему нелепа. Что же касается капиталистов, то здесь можно обратить против Бёма его же собственное оружие. А именно, труд, как средство производства, позволяет капиталисту применять, вообще, какие бы то ни было «окольные пути»; настоящие гульдены будут «мёртвым капиталом», если они не будут оплодотворены трудом. Другими словами, «настоящие блага» капиталиста имеют для него смысл лишь постольку, поскольку он может превратить их в труд (абстрагируя от других средств производства). Поскольку, таким образом, речь идёт о противопоставлении *денег* (не говоря уже о предметах потребления, которые капиталисту, как таковые, абсолютно не нужны) *труду, с точки зрения капиталистов, труд имеет более высокую субъективную ценность*. Это видно из самого акта обмена; если бы капиталисту не было выгодно покупать труд, т. е. если бы он не ценил его субъективно выше своих гульденов, он бы его не покупал вовсе. Ибо капиталист *заранее учитывает* ту прибыль, которую он может получить, и этот учёт оказывает своё влияние на каждую данную оценку.

Поставим теперь вопрос в более общей формулировке. Пусть перед нами настоящие 1 000 гульденов и будущие 1 000 гульденов. Может ли капиталист ценить настоящие выше будущих? Может. Почему? Да потому, что «деньги родят деньги». Более высокая оценка «наличных» покоится на основе кредитных операций, а, следовательно, в конечном счёте на базисе прибыли. Такого рода *типический* для капиталистического

¹⁾ Stolzman, I. c., 820: «Wenn alle Kapitalisten imstande sind, gleichen Vorteil aus der erhöhten Produktivität zu ziehen, so bleibt kein Mittel des Mehrgewinns, der «Mehrwert» kann nicht mehr aus der Divergenz der Produktenmenge, die *ohne* den kapitalistischen Umweg, und der Produktenmenge, die *mit* seiner Einschlagung hergestellt wird, abgeleitet werden». См. также Bortkiewicz, I. c., 943 ff.

общества случай не может быть привлечён для объяснения «нетрудовых доходов», ибо он сам их предполагает. С другой стороны, легко показать и иным путём, что перевес ценности настоящих благ не может объяснить прибыли. Мы видели, что при анализе «третьей причины» Бём-Баверк, в качестве основного аргумента в пользу переоценки настоящих благ и для объяснения прибыли, приводил тот факт, что настоящие блага дают возможность применять более производительные методы. Согласимся на время с таким преимуществом настоящих благ. Представим теперь себе, что капиталист, не имеющий денег и лишённый возможности применять более длинные производственные процессы, занимает деньги, платит за них известный процент. Ясно, что его *прибыль* не может быть объяснена здесь преимуществом настоящей суммы над будущей. Таким образом, «третья причина» оказывается ни при чём.

Мы подходили с разных сторон к оценке важнейшего аргумента Бём-Баверка, и все пути привели в один и тот же Рим: этот аргумент построен целиком на схоластических, крайне вымученных положениях, которые или противоречат действительности (оценки рабочего и капиталиста), или внутренне противоречивы (напр., третья причина, которая якобы независима от первых двух, определение ценности потребительных благ ценностью производительных и обратно, и т. д.). В стремлении вывести прибыль из разнообразия техники в различных предприятиях (более длинные и менее длинные производственные пути) ясно видно желание скрыть *общие причины* прибыли, вытекающие из *классовой* позиции буржуазии, прибыли, происхождение которой всячески затемняется своеобразной терминологией и схоластически-хитроумной манерой аргументации.

3. «ФОНД СУЩЕСТВОВАНИЯ» («DER SUBSISTENZFONDS»). СПРОС НА НАСТОЯЩИЕ БЛАГА И ИХ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ОБРАЗОВАНИЕ ПРИБЫЛИ

Теперь нам предстоит рассмотреть вопрос, что же представляют из себя «настоящие блага», обмен которых на будущее благо — труд — служит причиной образования прибыли. Это разрешается Бём-Баверком в его учении о «фонде существования».

«Предложение авансов на существование в народном хозяйстве, за немногими исключениями, представлено, — если мы отвлечёмся от земли, — общей суммой существующей в нём имущественной наличности. Функция этой имущественной

наличности состоит в том, чтобы поддерживать существование населения в течение промежутка, который проходит между затратой его основных производительных сил и получением готовых для потребления продуктов, т. е. в течение среднего общественного периода производства; а общественный период производства может быть тем длиннее, чем больше накопленная имущественная наличность» ¹.

«Таким образом, в действительности, весь накопленный имущественный запас общества — за весьма маленьким исключением тех имущественных запасов, которые потребляются их же собственниками — выносятся на рынок в качестве предлагаемых авансов для поддержания существования» ²).

«Вся имущественная наличность (запас) народного хозяйства служит в качестве фонда существования или фонда авансов, из которого общество черпает своё существование в течение общественно-обычного периода производства» ³). Несмотря на то, что весь «имущественный запас» (Vermögensstock) общества включает в себя также и средства производства, т. е. вещественные элементы постоянного капитала, непригодные для непосредственного потребления, Бём-Баверк всё же считает этот «запас» фондом *существования*, так как в обществе имеется постоянное «вызревание» будущих благ в настоящие.

Теперь необходимо выяснить позиции сторон, покупателей и продавцов, торгующих настоящими и будущими благами. На стороне *предложения настоящих благ* Бём-Баверк отмечает следующие.

Объём (Umfang) предложения зависит от величины всех накопленных запасов (durch den ganzen aufgehäuften

¹) «Positive Theorie», S. 525: «...das Angebot an Subsistenzvorschüssen in einer Volkswirtschaft mit einer geringfügigen Ausnahme repräsentiert durch die Gesamtsumme des — abgesehen von Grund und Boden — in derselben existierenden Vermögensstockes. Die Funktion dieses Vermögensstockes besteht darin, das Volk während der Zwischenzeit, die zwischen dem Einsatz seiner originären Produktivkräfte und der Gewinnung ihrer genussreifen Frucht vergeht, also während der durchschnittlichen gesellschaftlichen Produktionsperiode zu erhalten; und die gesellschaftliche Produktionsperiode kann desto länger gegriffen werden, je grösser der angesammelte Vermögensstock ist».

²) Ibid., 527: «Es wird also in der Tat der ganze aufgesammelte Vermögensstock der Gesellschaft mit der höchst geringfügigen Ausnahme jener Vermögensstämme, die die Eigentümer selbst verzehren, — als Angebot von Subsistenzvorschüssen auf den Markt gebracht».

³) Ibid., 528: «Der ganze Vermögensstock der Volkswirtschaft dient als Subsistenzfonds oder Vorschussfonds, aus dem die Gesellschaft ihre Subsistenz während der gesellschaftlich üblichen Produktionsperiode bezieht».

Vermögensstamm), отвлекаясь от земли и за вычетом тех благ, которые потребляются «с одной стороны беднеющими, с другой стороны, самостоятельно производящими владельцами имуществ» ¹⁾.

«Интенсивность предложения» (die Intensität des Angebotes) ²⁾ такова, что «для капиталистов субъективная потребительная ценность настоящих благ не больше, чем субъективная потребительная ценность будущих благ. Они поэтому были бы готовы, в крайнем случае, дать за десять гульденов, употребляемых в течение двух лет, или, что то же, за одну неделю труда, которая приносит им десять гульденов в два года, почти полных десять настоящих гульденов» ³⁾.

Спрос на настоящие блага предъявляют:

1. Многочисленные наёмные рабочие, Часть их оценивает свой труд в 5, часть даже в 2½ флорина (!).
2. Небольшой ряд лиц, ищущих потребительного кредита, которые готовы заплатить точно так же некоторый лаж на настоящие блага.
3. Ряд самостоятельных мелких производителей, ищущих производительного кредита, нужного им для удлинения «производственных путей».

Так как все продавцы — рассуждает далее Бём-Баверк — оценивают настоящие и будущие блага приблизительно одинаково, а покупатели — переоценивают настоящие блага, то равнодействующая будет зависеть от того, на какой стороне будет численный перевес (das numerische Uebergewicht).

Необходимо, таким образом, доказать, что спрос на настоящие блага постоянно превышает их предложение «dass das Angebot an Gegenwartsgüter durch die Nachfrage numerisch überboten werden muss» ⁴⁾.

¹⁾ S. 538.
²⁾ Как нам известно уже из отдела о ценности, с точки зрения австрийской школы важно знать не только количество предлагаемых и спрашиваемых благ («объём» спроса и предложения), но и субъективные оценки единицы с той и с другой стороны («интенсивность»). Только в результате соотношения этих обеих величин мы получаем определённые цены.
³⁾ Ibid., 538. «Für die Kapitalisten der subjektive Gebrauchswert der gegenwärtigen Güter nicht grösser ist, als der künftigen Güter. Sie würden daher äussersten Falles bereit sein, für zehn in zwei Jahre verfügbare Gulden, oder, was dasselbe ist, für eine Arbeitswoche, die ihnen zehn Gulden in zwei Jahren einbringt, nahezu volle Zehn gegenwärtige Gulden zu geben». Здесь, таким образом, Бём-Баверк признаёт, что капиталисты не ценят настоящих благ выше будущих.
⁴⁾ Ibid., S. 541.

Это доказывается Бём-Баверком следующим образом.

«Предложение — говорит он — ограничено даже у самой богатой нации состоянием народного имущества в данный момент. Напротив того, спрос есть практически безграничная величина: она увеличивается по крайней мере до тех пор, пока результаты производства могут повышаться в силу удлинения производственного процесса, а эта граница даже у самых богатых наций лежит ещё далеко за пределами состояния имущества в каждый данный момент» ¹⁾. Перевес, следовательно, имеется на стороне спроса. И так как рыночная цена должна быть выше цены, предложенной исключённым в конкурентной борьбе покупателем, и так как эта последняя уже содержит некоторый лаж на настоящие блага (переоценка настоящих благ покупателями), то и рыночная цена должна содержать некоторый лаж на настоящие блага ²⁾. Таким образом «Zins und Agio müssen sich einstellen» ³⁾.

Таковы заключительные теоретические штрихи бём-баверковской теории прибыли. Перейдём к их критическому разбору.

Прежде всего бросается в глаза искусственность и противоречивость понятия «фонд существования». В этот «фонд существования», который должен был бы охватывать только настоящие блага, входит всё решительно, за вычетом земли и предметов потребления капиталистов, т. е. сюда входят все средства производства. Бём-Баверк допускает такую возможность на том основании, что будущие блага «вызревают» в настоящие, что средства производства превращаются в предметы потребления. Но это последнее верно лишь отчасти, так как средства производства превращаются не только в средства потребления, но точно так же и в средства производства. В процессе общественного воспроизводства должны воспроизводиться не только предметы потребления, но и средства производства. Более того, при расширенном воспроизводстве доля средств

¹⁾ «Das Angebot ist auch in der reichsten Nation begrenzt durch den augenblicklichen Stand der Volksvermögen. Die Nachfrage dagegen ist eine praktisch grenzenlose Grösse: sie geht mindestens so weit, als durch Verlängerung der Produktionsprozesses sich das Produktionsertragnis noch steigern lässt; und diese Grenze liegt auch bei den reichsten Nationen noch weit jenseits des augenblicklichen Besitzstandes» («Positive Theorie», S. 541). Здесь, таким образом, в качестве основной причины прибыли приводится конкуренция между капиталистами из-за производительного кредита.
²⁾ Ср. стр. 540.
³⁾ Ibid., 541.

производства — по расчёту на трудовые затраты — возрастает. Таким образом, исключать постоянный капитал из анализа абсолютно невозможно. Бём-Баверк повторяет здесь, в сущности, старую и выясненную Марксом во II томе «Капитала» ошибку Адама Смита, который разлагал стоимость товаров на v (перем. капитал) и m (приб. стоимость), совершенно позабывая о c (постоянном капитале). «Адаму Смиту (Бём-Баверку. *Н. Б.*) тем более следовало бы уяснить себе, что часть стоимости ежегодно производимых средств производства, которая равна стоимости средств производства, функционирующей в этой сфере производства, — т. е. стоимость средств производства, которыми делаются средства производства, — следовательно, часть стоимости, равная стоимости употреблённого на это постоянного капитала, абсолютно не может служить составной частью дохода, — не может не только вследствие своей натуральной формы, но и вследствие своего функционирования в качестве капитала» ¹⁾.

Такое понятие «фонда существования» вдвойне нелепо, раз идёт дело о *противопоставлении* настоящих и будущих благ. Ведь задача Бём-Баверка состоит в том, чтобы выяснить меновое отношение между настоящими благами, с одной стороны, и будущими (трудом) — с другой. Настоящие и будущие блага должны были бы фигурировать здесь в их полярной противоположности; фонд существования с этой точки зрения может быть *только совокупностью предлагаемых на рынке настоящих благ* (сам же Бём-Баверк назвал соответствующую главу: «Der allgemeine Subsistenzmittelmarkt» — «Всеобщий рынок средств существования»). С этой точки зрения Бём-Баверк вполне правильно вычитает те потребительные блага, те «настоящие блага», которые поступают в индивидуальное потребление капиталистов, ибо эти блага не фигурируют на рынке в качестве объекта спроса со стороны рабочих и т. д. Но, с другой стороны, он включает в этот фонд средства производства, т. е. заведомо *будущие* блага, и противопоставляет их *будущему* же благу «труд» — хотя эти две категории благ ни в каком отношении друг к другу не находятся. Параллельно с этим на стороне спроса у Бём-Баверка имеются лица, ищущие производительного кредита, т. е. предъявляющие спрос не на средства существования, а на средства производства (рабочий хочет *есть*, капиталист — «удлинять производственные процессы»). Все построение приобретает,

¹⁾ *К. Маркс*, «Капитал», т. II, стр. 336. См. также §: «Разложение меновой стоимости у Смита на $v+m$ на стр. 340 и сл.

таким образом, характер какой-то невероятной мешанины из разнородных элементов. С другой стороны, лиц, ищущих производительного кредита, и рабочих можно ставить на одну доску лишь постольку, поскольку и те, и другие получают товарный эквивалент в виде *денег*. *Только* с этой точки зрения можно говорить, что «рынок ссуд и рынок труда — это два рынка, на которых... продаётся и покупается тот же самый товар, а именно, настоящие блага...» и что «наёмный рабочий и ищущий кредита образуют, таким образом, две ветви *одного* и *того же* спроса, которые взаимно усиливают своё действие и сообща помогают образованию результирующей цен» ¹⁾. Только поскольку мы имеем в виду *деньги*, мы можем рассматривать эти две категории совместно. Но раз мы рассматриваем спрос на Genussgüter, на средства существования, другими словами, раз мы рассматриваем Existenzmittelmarkt, всякое сходство между рабочим и лицом, ищущим производительного кредита, исчезает.

Перейдём теперь к анализу соотношения между спросом на настоящие блага и их предложением. Здесь у Бём-Баверка можно различить две ноты: с одной стороны, все теоретическое здание как будто покоится на факте покупки труда, и прибыль выводится из недооценки будущих благ *рабочими*, с другой стороны, в качестве последней инстанции, объясняющей прибыль, появляется спрос на настоящие блага со стороны лиц, ищущих производительного кредита.

В первом случае решающую роль имеет конкуренция между *рабочими*, во втором — конкуренция между *капиталистами*. Последняя точка зрения ²⁾ не выдерживает никакой критики уже по одному тому, что она не в состоянии объяснить, откуда же получается прибыль *класса* капиталистов, рынок ссуд, уплата процентов по займам — это лишь перераспределение ценностей между двумя видами класса капиталистов; и это *перераспределение* не в состоянии объяснить *происхождения* излишка ценностей. Можно представить себе теоретически общество, где «рынка ссуд» совсем не будет, и тем не менее прибыль будет существовать. Мы принуждены, таким образом, перейти к

¹⁾ «Darlehensmarkt u. Arbeitsmarkt sind zwei Märkte, auf denen... dieselbe Ware feilgeboten und nachgefragt wird: nämlich gegenwärtige Güter... Lohnarbeiter und Krediteuchende bilden so zwei Aeste derselben Nachfrage, die ihre Wirkung gegenseitig unterstützen und gemeinsam die Preisresultante bilden helfen». (524).

²⁾ См. напр., стр. 541, 542, 543, 544 der «Positiven Theorie». Мы не рассматриваем аргумента относительно лиц, ищущих *потребительного кредита*. Этому аргументу сам Б.-Б. не придаёт почти никакого значения. Ср. примеч. 296.

конкуренции между *рабочими*, как к основной причине прибыли.

Здесь дело представляется Бём-Баверку, как мы знаем, в таком виде. Капиталисты авансируют рабочим средства существования (покупка труда), причём рабочие оценивают свой труд ниже ценности продукта в будущем; отсюда — лаж на настоящие блага. Числовой перевес рабочих формирует и *цены* таким образом, что лаж на настоящие блага образуется *на рынке*. Из этого можно было бы заключить, что именно социально слабая позиция рабочего класса служит причиной образования прибыли. Но так как даже намёк на такую мысль страшит нашего профессора, то он — в противоречии с очень существенными элементами своей же теории — не устаёт твердить, что *все* рабочие постоянно находят работу, что спрос на рабочие руки нисколько не меньше их предложения и что, таким образом, из конкуренции между рабочими нельзя выводить прибыли. Вот, напр., образец подобных рассуждений: «Nur können allerdings die den Käufern ungünstigen Umstände durch einen regen Wettbewerb der Verkäufer wieder wett gemacht werden. Sind die Verkäufer auch wenige, so haben sie dafür desto grössere Gegenwartsgüter zu fruktifizieren... Glücklicherweise bilden diese Fälle im Leben die Regel» ¹⁾.

Оставим, однако, в стороне эти, впрочем, весьма и весьма существенные, теоретические прорехи. Примем, что прибыль всё же возникает из покупки будущего блага, *труда*, и рассмотрим сделку капиталистов и рабочих так, как она происходит в действительности, и так, как это представляется Бём-Баверку. И вот здесь мы наталкиваемся на одно соображение, которое делает излишними все вообще рассуждения Бёма. А именно, вся его теория покоится на той предпосылке, что капиталист выдаёт *аванс* рабочему. Ведь все основные идеи базируются на том, что труд постепенно созревает и, лишь достигнув этой зрелости, приносит прибыль; разница же в ценности затраты и получки получается потому, что оплата труда происходит *до начала трудового процесса*, т. е. в соответствии с той ценностью, которую имеет труд, как «будущее благо». Но как раз эта предпосылка ничем не обоснована и противоречит действительности. В действительности не капиталист авансирует заработную плату рабочему, а рабочий авансирует свою рабочую силу (свой труд — по Бёму) капиталисту. Расплата происходит не до

¹⁾ Ibid, 575. Курсив наш. Н. Б. «Конечно, неблагоприятные для покупателей условия могут быть снова сведены на нет оживлённым соревнованием продавцов. Если и продавцов мало, то зато тем больше массы настоящих благ им приходится реализовать... По счастью, такие случаи в жизни являются правилом».

трудового процесса, а *после* него. Это особенно ясно при поштучной системе расплаты, когда в зависимости от числа *сработанных* штук продукта выдаётся та или другая сумма заработной платы. «Деньги, получаемые рабочим от капиталиста, он получает лишь после того, как капиталист уже использовал его рабочую силу, после того, как она уже реализована в стоимости продукта труда. Капиталист владеет этой стоимостью, прежде чем оплатить её... Она (рабочая сила. Н. Б.), доставляет в товарной форме тот капитал, который придётся выплатить рабочему, — доставляет этот эквивалент раньше, чем капиталист выплатит его в денежной форме рабочему. Таким образом, рабочий сам создаёт платёжный фонд, из которого капиталист оплачивает его» ¹⁾. Правда, бывают случаи уплаты вперёд; но, во-1-х, это совершенно *не типично* для современной хозяйственной жизни; а, во-2-х, это нисколько не опровергает нашего утверждения. Ибо, если прибыль получается и в тех случаях, где заработная плата выдаётся после процесса труда, то ясно, что она имеет своей причиной какое-то иное явление, а не разницу в ценности настоящих и будущих благ. Это явление есть социальная мощь капитала, которая основана на монополизации капиталистами, как классом, средств производства, монополизации, которая вынуждает рабочего отдавать часть продукта своего труда. Социальное неравенство, наличность антагонистических социальных образований — это есть основной факт современной хозяйственной жизни; именно эти междуклассовые отношения в экономической области, т. е. производственные отношения, образуют ту характерную для капиталистического общества «экономическую структуру», без анализа которой всякая теория обречена на полное бесплодие. Но стремление затушёвывать классовые антагонизмы так велико, что современная буржуазная наука предпочитает измышлять тысячи совершенно пустых «объяснений», накручивать один пустой аргумент на другой, создавать целые «системы», воскрешать давно забытые «теории» и писать груды томов, с единственной целью доказать, что «im Wesen des Zinses liegt... nichts was ihn an sich unbillig oder ungerecht erscheinen liesse» («в существе процента не лежит ничего, что делало бы его сам по себе заслуживающим порицания или несправедливым»).

¹⁾ К. Маркс, «Капитал», т. II, стр. 351.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если мы будем рассматривать всю теоретическую «систему» Бём-Баверка в её целом и затем постараемся определить удельный вес частей этой системы, то увидим, что теория *ценности* является основой теории *прибыли*; теория ценности играет, таким образом, служебную роль. И это не у одного Бём-Баверка. Теория «вменения» Визера служит у последнего для выведения доли капитала, труда и земли, откуда путём подмена понятий выводятся доли капиталистов, рабочих и поземельных собственников, как «естественные», независимые от *социального* угнетения пролетариата величины. То же мы видим и у Кларка, самого крупного представителя американской школы. Всюду мы натываемся на один и тот же мотив: теория ценности есть теоретический подход к оправданию современного общественного строя, и в этом «общественная ценность» теории предельной полезности для тех классов, которые заинтересованы в сохранении этого общественного строя. И чем менее состоятельна эта теория логически, тем сильнее привязываются к ней психологически, ибо не хотят выходить из рамок того ограниченного кругозора, пределы которому поставлены *статикой* капитализма. Наоборот, для марксизма характерен, прежде всего, широкий кругозор, который лежит в основе всех построений, динамическая точка зрения, которая рассматривает капитализм, как одну из фаз общественного развития. Для марксистской политической экономии даже закон ценности служит познавательным орудием раскрытия законов движения всего капиталистического механизма. То обстоятельство, что категория цены, для объяснения которой в первую голову нужна теория ценности, является всеобщей категорией товарного мира, отнюдь не превращает политической экономии в «хрематистику»: наоборот, анализ обмена всегда выводит — при правильной постановке вопроса — за пределы обмена. С точки зрения марксизма, сам обмен есть одна из исторически преходящих форм распределения продукта. А так как всякая форма распределения занимает определённое место в процессе

воспроизводства соответствующих ей производственных отношений, то совершенно понятно, что только при ограниченной точке зрения, которая свойственна всем направлениям буржуазной теоретической мысли, можно останавливаться на рыночных соотношениях или принимать за основу наличный запас «благ». Ни те, кто ограничивается анализом движущихся на рынке «richesses venales», ни те, кто останавливает своё внимание на соотношении между потребляемой, заранее данной, вещью, «благом», и хозяйствующим индивидуумом, не могут понять функциональной роли обмена, как необходимого закономерного явления, имманентно присущего обществу товаропроизводителей. А между тем, совершенно ясно, какова должна быть правильная постановка вопроса.

«В совершении всех меновых актов, возможных в этом (товаропроизводящем. *Н. Б.*) обществе, должно найти себе выражение то, что в коммунистическом, сознательно регулируемом обществе сознательно определяется центральным органом общества: что и в каком количестве следует производить, где и кто должен производить. Словом, обмен должен довести до сведения товаропроизводителей то же самое, что членам социалистического общества сообщают его органы, которые сознательно регулируют производство, определяют распорядок работ и т. д. Задача теоретической экономии заключается в том, чтобы найти закон обмена, определяемый указанным образом. Из этого закона должно вытекать регулирование производства в обществе товаропроизводителей точно так же, как из законов, распоряжений и предписаний социалистического управления вытекает ненарушаемый ход социалистического хозяйства. Разница лишь в том, что закон этот не прямо сознательно предписывает людям то или иное поведение в производстве, а действует с «социальной естественной необходимостью», подобно законам природы»¹⁾.

Другими словами: нам дано, как объект исследования, анархически построенное общество товаропроизводителей, растущее и развивающееся, т. е. дана определённая бессубъектная система, находящаяся в условиях динамического равновесия. Спрашивается, *как возможно при таких условиях это равновесие?* Ответ даётся теорией трудовой ценности.

Развитие человеческого общества возможно лишь при росте его производительных сил, то есть производительности общественного

¹⁾ Рудольф Гильфердинг, «Финансовый Капитал», изд. «Книга». 1918, стр. 19.

труда¹⁾. В товарном хозяйстве этот *основной* факт должен найти — и находит — своё выражение также и «на поверхности явлений», т. е. на *товарном рынке*. Эмпирический факт, лежащий в основе «трудовой теории», это тот факт, что с ростом производительности труда падают цены. С другой стороны, именно колебания цен вызывают в товарном общественном хозяйстве *перераспределение производительных сил*. Таким образом, явления рынка связаны с явлениями воспроизводства, то есть движениями всего капиталистического механизма в его общественном масштабе.

Если дана связь между основным явлением, развитием производительных сил, и объективно слагающимися ценами, то появляется вопрос о *характеристике* этой связи. При ближайшем анализе оказывается, что это — очень сложная связь. Третий том Марксова «Капитала» посвящён как раз выяснению вопроса о типе этой связи.

Таким образом, закон ценности выступает здесь как объективный закон, выражающий связь между различными рядами общественных явлений. Нет поэтому ничего более нелепого, как обвинять марксистскую теорию, как теорию «этическую». Никакой другой закономерности, кроме закономерности причинной, марксистская теория не знает и знать не может. Теория ценности раскрывает эти причинные соотношения, которые выражают не только закономерности рынка, но и всей движущейся системы в её целокупности.

Точно так же стоит и вопрос о распределении. Процесс распределения проходит в ценностных формулировках. «Социальное» отношение между капиталистом и рабочим имеет «экономическую» формулировку, потому что рабочая сила становится товаром и, раз ставши товаром, попав в орбиту товарного обращения, тем самым подчиняется стихийному закону цены и ценности. Точно так же, как в сфере товарного обращения вообще, без регулирующего действия закона ценности не могла бы

¹⁾ Один старый и почти совсем неизвестный экономист *Н. Ф. Канар (N. F. Canard)* прекрасно формулировал эту марксистскую мысль, и притом несколько не хуже хвалёного *Родбертуса*. См. его «*Principes d'économie politique*». Paris, an X (1801). В этой работе, премированной Национальным Институтом, *Канар* пишет: «Ainsi ce n'est qu'à son activité et à son travail qu'il doit cette grande différence qui sépare l'homme civilisé de l'homme naturel ou du sauvage» (p. 3). «Il faut donc distinguer dans l'homme le travail nécessaire à sa conservation, et le travail superflu» (p. 4). «Ce n'est qu'en amassant une quantité de travail superflu, que l'homme a pu sortir de l'état sauvage, et se créer successivement tous les arts, toutes les machines et tous les moyens de multiplier le produit du travail enpee simplifiant» (p. 5).

существовать капиталистическая система, точно так же капитал не мог бы постоянно воспроизводить своего собственного господства, если бы не было законов, имманентных воспроизводству рабочей силы, как таковой. Но поскольку потребляемая рабочая сила развивает больше общественно-трудовой энергии, чем необходимо для её общественного воспроизводства, постольку дана возможность прибавочной ценности, законами товарного обращения непрестанно проталкиваемой к покупателям рабочей силы, т. е. собственникам средств производства. Развитие производительных сил, осуществляемое в капиталистическом обществе при посредстве механизма конкуренции, принимает здесь форму накопления капитала, в зависимости от которого стоит и движение рабочей силы, причём развитие производительных сил постоянно сопровождается вытеснением и вымиранием целых производственных групп, где индивидуальная трудовая ценность товаров превышает их общественно-трудовую ценность.

Таким образом, закон ценности является основным законом движущейся капиталистической системы. Само собою разумеется, что, вытекая из противоречивой природы капиталистического общества, он реализуется путём постоянных «нарушений». Само собою разумеется, что противоречивая структура капиталистического общества, ведущая его к неизбежному краху, приведёт, в конце концов, и к крушению «нормального» закона капитализма — закона ценности¹⁾. В новом же обществе ценность потеряет свою фетишистическую оболочку, она перестанет быть слепым законом бессубъектного общества, то есть перестанет быть ценностью.

Таковы общие контуры марксистской теории, политической экономии пролетариата. Она выводит «законы движения» специфической общественной структуры, но она их, действительно, выводит.

Но как раз потому, что марксизм идёт дальше ограниченных рамок буржуазного кругозора, он все более и более становится ненавистен буржуазии. Общественное сотрудничество в области социальных наук — и в теории экономики в особенности — отнюдь не возрастает; наоборот, наблюдается все более резкая дифференциация. Буржуазная экономия может прогрессировать теперь лишь постольку, поскольку она не выходит из

¹⁾ Крах капитализма, наступивший в России и наступающий во всей Европе, заставляет теперь выпячиваться материально-вещественную форму продукта, отодвигая на задний план продукт, как ценность. Но это и есть выражение всей «ненормальности» положения с точки зрения капитализма.

рамок чисто описательной работы. Тут она может делать и делает, так сказать, общественно-полезное дело. Нельзя, конечно, принимать на веру всего, что сделано и в этой области. Ибо всякое описание, даже наиболее «чистое», производится под известным углом зрения: выбор материала, выставление на первый план одного и оставление в тени другого и т. д., — всё это определяется так называемыми «общими взглядами» авторов. Но всё же, при критическом отношении, здесь можно почерпнуть богатый материал для обобщений. Что же касается собственно теории, то она представляет, как мы убедились на примере Бём-Баверка, пустыню. Следует ли из этого, что марксисты должны абсолютно игнорировать эту область? Ничуть. Ибо процесс развития пролетарской идеологии есть процесс *борьбы*. Точно так же как в области экономической и политической, пролетариат идёт вперёд, непрерывно борясь с враждебными ему элементами, так точно обстоит дело и на более высоких ступенях идеологии. Эта последняя не сваливается с неба в виде законченной, готовой во всех своих частях системы: она вырабатывается в трудном и мучительном процессе развития. Путём критики враждебных взглядов мы не только непосредственно отражаем нападение врага, но и оттачиваем своё собственное оружие, прокритиковать противоположную систему — это значит, прежде всего, продумать свою. Внимательное изучение буржуазной экономии необходимо и с другой стороны. В идеологической борьбе годится то же правило, что и в непосредственной практической борьбе. Необходимо использовать все противоречия противников, все несогласия между ними. Дело в том, что, несмотря на единство цели — оправдать капитализм, среди буржуазных учёных до сих пор господствует большая разногласица. И в то время, как в области теории ценности достигнуто некоторое единство на основах, выработанных австрийской школой, в области теории распределения почти каждый теоретик строит свою собственную теорию, апеллируя при этом к «общепринятой» теории ценности. Это лишний раз показывает, насколько трудна — с чисто-логической стороны — поставленная задача, и каких «усилий мысли» требует она от современных схоластиков. Но это же обстоятельство в высокой степени облегчает задачу критики и позволяет быстрее найти общие логические промахи и слабые места противника. Критика буржуазной экономии способствует, таким образом, развитию собственной экономической науки пролетариата. Буржуазная наука перестала уже ставить себе цели познания социальных отношений. Она занимается лишь их

оправданием. Поле научной битвы остаётся за марксизмом, который не страшится анализировать законы общественного развития, даже если они и ведут современное общество к неизбежной гибели. В этом смысле марксизм был и остаётся теоретическим красным флагом, знаменем, под которым собираются все, кто имеет смелость смотреть в лицо надвигающейся грозе.

Приложение

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПРИМИРЕНЧЕСТВО ¹⁾

(ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ Г. ТУГАНА-БАРАНОВСКОГО)

«Люди, которые претендовали ещё на научное значение и хотели быть чем-либо большим, чем простыми софистами и сикофантами господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капитала с требованиями пролетариата, которые уже нельзя было игнорировать. Отсюда бездарный синкретизм...»

К. Маркс.

Та быстрая эволюция, которую проделали бывшие «легальные марксисты» 90-х г.г., выражает собою весьма определённую тенденцию: образование либерально-буржуазной идеологии в её противоположности не только к враждебной капитализму идеологии *народничества*, но и в противоположности к идеологии революционного пролетариата, т. е. к *марксизму*. Эта единая тенденция, как и всякое общественное явление, была, однако, явлением сложным. Не все носители «новой» буржуазной идеологии развивались с одинаковой быстротой «от марксизма к идеализму». В бешеной скачке к «новым вехам» одни из них уже давно достигли призового столба и с гордым видом посматривают на отставших, другие уже совсем близко к цели; третьи ковыляют далеко позади. С этой точки зрения очень любопытно посмотреть на *отдельных* участников этого состязания. Вот

¹⁾ Настоящая статья была написана в своё время для марксистского журнала «Просвещение». Она является разбором эклектической теории, «коалиционного начала» в теории ценности. В качестве таковой мы и прилагаем её к нашей работе. Само собой разумеется, что некоторые места статьи, не имеющие прямого отношения к логической стороне теории Тугана, устарели. События их в значительной степени опередили. Мы оставляем, однако, всё в первоначальном виде, тем более, что кое-что из предсказанного оправдалось буквально (напр., пострижение г-на С. Булгакова), а сам г. Туган успел побывать министром контр-революционного правительства. Любопытно, что упражнениями à la Туган занимается и П. П. Маслов.

перед вами «бывший марксист» С. Булгаков, профессор политической экономии, которому стоит лишь надеть рясу, чтобы превратиться в типичного «учёного батюшку», верующего в чертей и все «таинственное». Рядом с ним другой бывший марксист и тоже христианин, любящий поговорить (у всякого свои склонности!) об «Афродите земной» и «Афродите небесной» — г. Н. Бердяев. Несколько в стороне — несравненный Пётр Струве, тяжёлая артиллерия кадетско-октябристской учёности. Все эти почтенные личности порвали со своим прошлым раз навсегда; они плотно уселись на новых местах и не хотят иметь ничего общего со своими «грехами молодости»; они идут вперёд без всяких компромиссных сделок, — эти рыцари российского капитализма. И вот далеко позади, но с явным намерением догнать своих коллег, мелкими шажками бежит ещё один бывший марксист, а теперешний советчик фабрикантов, профессор Туган-Барановский; он позже других стал бормотать о христианстве; он не подмигивает ещё нововременскому ябеднику В. Розанову; он продолжает ещё кокетничать с марксизмом, за что некоторые наивные люди считают его почти «красным». Одним словом, это «примиренец». Он не решается целиком и откровенно записаться во враги пролетариата и его теории; он предпочитает лишь «очищать марксизм от ненаучных элементов», как он сам же выражается. И именно этим он может ввести в обман, именно в этом вреднейшая сторона его теоретической деятельности. Он не хочет просто «отвергнуть» трудовую теорию, он старается «примирить» её с теорией Бём-Баверка, этого классического выразителя буржуазных вожделений. Читатель увидит сейчас, каковы результаты стараний Тугана-Барановского в области центральной проблемы всей политической экономии — в области *теории ценности*.

I. «ФОРМУЛА» Г. ТУГАНА

Г. Туган-Барановский воздаёт, прежде всего, хвалу г. Бём-Баверку. «Великая заслуга новой теории (т. е. теории австрийских экономистов. *Н. Б.*) заключается в том, что она обещает навсегда покончить споры о ценности, дав полное (!) и исчерпывающее (!!) объяснение *всем* явлениям процесса оценки, исходя из *одного* основного принципа» ¹⁾ — такова «оценка» новой школы г. Туганом.

¹⁾ Туган-Барановский, «Основы политической экономии». 2-е изд. Спб. 1911, стр. 40.

И в другом месте: «Теория предельной полезности навсегда останется основанием учения о ценности, — она может быть дополнена и изменена в частностях в будущем, но основные идеи её составляют *χτήρα εις αἰ* (вечное приобретение) экономической науки» ¹⁾.

«Вечное приобретение науки» — это звучит гордо! Правда, в действительности это «приобретение» выглядит довольно жалко, но мы пока не будем возражать г. Тугану и постараемся сначала передать его «объединительную платформу».

По учению сторонников австрийской школы, ценность вещи определяется её предельной полезностью. Эта предельная полезность зависит, в свою очередь, от количества благ данного рода. Чем больше их, тем более «насыщен» спрос, тем менее настоятельна потребность, тем ниже падает предельная полезность блага. Итак, австрийская школа оканчивает свой анализ принимая за данное определённую массу, определённое количество оцениваемых благ. Г. Туган-Барановский вполне резонно ставит дальнейший вопрос: чем же определяется это количество благ? По мнению Тугана-Барановского, количество благ зависит от «хозяйственного плана», т. е. от того или иного распределения человеческого труда между различными отраслями производства. А в составлении этого хозяйственного плана «решающую роль» играет *трудовая стоимость*.

«Предельная полезность — полезность последних единиц каждого рода продуктов, — говорит наш автор, — изменяется в зависимости от размеров производства. Мы можем понижать или повышать предельную полезность путём расширения или сокращения производства. Напротив, трудовая стоимость единицы продукта есть нечто объективно данное, не зависящее от нашей воли. Отсюда следует что при составлении хозяйственного плана определяющим моментом должна быть трудовая стоимость, а определяемым — предельная полезность. Говоря математическим языком, предельная полезность должна быть функцией трудовой стоимости ²⁾.

Какова же зависимость между предельной полезностью благ и их трудовой стоимостью? Г. Туган рассуждает следующим образом. Пусть у нас две отрасли производства А и В. Рациональный хозяйственный план требует тогда такого распределения труда между двумя этими отраслями, чтобы польза, получаемая в трудовом процессе в последнюю единицу времени, стояла в обеих отраслях на одинаковом уровне ³⁾. Без этого

¹⁾ Ibid., стр. 55.
²⁾ L. c., 47.
³⁾ Точнее выражаясь, она должна быть одинаковой *в пределе*.

равновесия рациональный план, т. е. получение суммы пользы, немислим, ибо, если, напр., в последний час в производстве А можно получить сумму полезности, выражаемую цифрой 10, а в производстве В — эта полезность будет выражаться лишь цифрой 5, то, очевидно, благо В выгоднее не производить и время следует затрачивать на производство А. А если трудовая стоимость продуктов различна, но польза, получаемая в последнюю единицу времени одинакова, то отсюда следует, «что *полезность последних единиц свободно воспроизводимых продуктов каждого рода — их предельная полезность — должна быть обратно-пропорциональна относительному количеству этих продуктов, производимому в единицу рабочего времени, иначе говоря, должна быть прямо пропорциональна трудовой стоимости тех же продуктов*» ¹⁾.

Такова, по Тугану-Барановскому, зависимость между предельною полезностью и абсолютною трудовою стоимостью продукта. Здесь нет места никакому противоречию; наоборот, господствует полнейшая идиллия:

«Обе теории, — пишет г. Туган, — по обычному мнению взаимно исключают друг друга, находятся в действительности в полной гармонии друг с другом. Обе теории исследуют различные стороны одного и того же хозяйственного процесса оценки. Теория предельной полезности выяснила субъективные, трудовая теория — объективные факторы хозяйственной ценности» ²⁾.

Таким образом, нет никакой речи о противоположности двух теорий, и сторонники теории предельной полезности должны подать руку сторонникам «трудовой» теории. Так, по крайней мере, утверждает Туган-Барановский. Мы надеемся, однако, показать, что признание этих добрососедских отношений покоится на весьма наивном понимании (т. е. на *непонимании*) обеих теорий: и теории трудовой стоимости, и теории предельной полезности. Но прежде чем перейти к «основной ошибке» г. Тугана, нам следует сделать несколько критических замечаний о теории трудовой стоимости «в свете учения» нашего миротворца. При этом обнаружатся некоторые любопытные особенности мышления Тугана, открытие которых, в свою очередь, проливает свет на примиренческую позицию г-на профессора.

¹⁾ L. c, 47, курсив автора.
²⁾ Ibid., стр. 49.

II. «ЛОГИКА» Г. ТУГАНА

Из вышеизложенного для всякого разумного человека обязателен следующий вывод ¹⁾. Так как ценности (субъективные ценности, определяемые предельной полезностью блага) пропорциональны трудовым стоимостям и так как эти ценности являются основой цен, то можно сказать, что основой цен является, именно, трудовая стоимость. В самом деле, если трудовая стоимость и предельная полезность связаны такой прочной и определённой связью, как прямая пропорциональность, то ясно, что при анализе мы можем свободно заменить одну величину другой. Эта точка зрения будет для нас прямо-таки *обязательна*, если мы, подобно Тугану, заявляем, что «*определяющим моментом должна быть трудовая стоимость*, а определяемым — предельная полезность» ²⁾. Ясно, что, рассуждая так, мы имеем ряд: цена — предельная полезность — трудовая стоимость. Трудовая *стоимость* связывается здесь с субъективной *ценностью* и, след., с ценой. Это обстоятельство позволяет г. Тугану-Барановскому написать даже, что:

«с известной точки зрения... трудовая теория оценки есть экономическая теория *ценности* по преимуществу, между тем как теория предельной полезности есть обще-психологическая, а не специально-экономическая теория оценки» ³⁾.

Итак, трудовая стоимость определяет предельную полезность, которая, в свою очередь, определяет цену; иными словами, трудовая стоимость есть *конечная основа* цены. Прекрасно. Перелистываем *шесть* страничек и натываемся на следующую «критику Маркса».

«Вместо теории трудовой *стоимости* Маркс дал теорию абсолютной трудовой *ценности*...».

«В своей известной критике III тома «Капитала» Зомбарт ⁴⁾ попытался защитить трудовую теорию ценности Маркса, истолковавши её, как теорию трудовой стоимости. Под трудовой ценностью он понимает «степень общественной производительности труда». Но если это так, то зачем именовать трудовую *затрату* «ценностью» и этим возбуждать представление, что *трудовая затрата* есть основа цены, меновых отношений продуктов

¹⁾ Во избежание недоразумений считаем нужным оговориться: пока мы оставляем без критики терминологию г. Тугана и вкладываем в слова «ценность» и «стоимость» то самое содержание, какое имеется у него.

²⁾ Ibid., 47.

³⁾ Ibid., 50. Курсив наш. Н. Б.

⁴⁾ Г. Туган-Барановский имеет в виду статью Зомбарта: «Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx» в Archiv'e Брауна (B. VII).

(что заведомо неверно), а не признать самостоятельное право на существование двух различных категорий — ценности и стоимости» ¹⁾.

Г-н Туган-Барановский спрашивает, верно ли, что трудовая *ценность* должна толковаться в смысле общественной трудовой *стоимости* ²⁾. Совершенно верно. Но не верно *всё* то, что следует у Тугана дальше. Он так увлёкся критикой, что начинает «критиковать» не только Маркса, но и самого себя. Как мы видели выше, из утверждений Тугана следует, что трудовая стоимость есть основа цены. Теперь же оказывается, что это «заведомо неверный» взгляд. Нечего сказать, хороша «критика»! Чему же верить? Тому, что написано раньше, или тому, что написано шестью страницами позже? Во всяком случае, необыкновенная ясность мысли! Этакая, что называется, железная логика! Быть может, читатель сомневается в прочности последней из приведённых «мыслей» г. Тугана-Барановского? Тогда мы приведём ещё одну цитату:

«Трудовая ценность Маркса, в сущности, есть не что иное, как трудовая стоимость. Но ошибка Маркса не терминологического свойства. Маркс не только называл общественно-необходимый труд производства *ценностью* товара, но и постоянно стремился свести меновые отношения товаров к труду... *Только совершенно разорвавши понятия ценности и стоимости*, мы можем построить логически правильную и согласующуюся с фактами теорию ценности и стоимости» ³⁾.

Или вот ещё одно место:

«Ошибка Маркса заключалась... в том, что он не понял самостоятельного значения этой категории (т. е. категории стоимости. Н. Б.) и пытался связать её с теорией цены, почему и назвал трудовую затрату ценностью, а не стоимостью» ⁴⁾.

Никаких сомнений быть не может. Туган-Барановский позабыл, как *он сам* «связывал» трудовую стоимость с ценностью и ценой, и хлопочет теперь над расторжением этой преступной связи. Логика, действительно, удивительная.

¹⁾ «Основы», стр. 58.

²⁾ Мы говорим: «общественной». Сейчас это добавление для нас неважно. Но как мы увидим ниже, оно крайне существенно.

³⁾ Ibid., 69. Последний курсив наш. Н. Б.

⁴⁾ Ibid., 70. Кстати, отметим один пункт, не имеющий прямого отношения к делу. Г-н Т.-Б. не понимает (см. стр. 68 и 69) значения меновой ценности (Tauschwert) Маркса. Охотно поясним. В ходе анализа Марксу необходимо иногда *принимать, что товары продаются по стоимостям (ценностям)*. В таком случае отношение стоимостей и будет меновая ценность. Познавательное значение этого понятия заключается в том, что оно говорит нам не об абсолютной, а об *относительной* величине.

А теперь один вопрос. Если категория стоимости так уж самостоятельна, что смертный грех (по Тугану «второй манеры») ставить её в вышеозначенную связь, то где *экономическое* значение этой категории? Г-н Туган говорит, правда, что оно «огромно» (см. стр. 55), но кроме «этической болтовни», которую всерьёз принимать невозможно, мы не находим ровно ничего.

Теперь мы можем перейти к «основной ошибке» Тугана. Немудрено, что при его способности спутывать и «мирить» самые противоречивые положения, нам придётся узреть в его «формуле» опять-таки не что иное, как сугубую путаницу.

III. ОСНОВНАЯ ОШИБКА Г. ТУГАНА

До сих пор мы принимали без критики формулу Тугана-Барановского о пропорциональности трудовых стоимостей и предельных полезностей. Здесь мы постараемся вскрыть теоретическую бесполезность этой знаменитой формулы. Для этого мы должны сперва сообщить читателю взгляд Тугана-Барановского на политическую экономию вообще, а, следовательно, и на всяческие «формулы», взгляд, к которому и мы вполне присоединяемся. Мы питаем очень большое уважение к господину профессору, а потому попросим его самого изложить этот, как было замечено выше, совершенно правильный взгляд.

«То, что отличает экономическую науку от других общественных наук — установление ею системы причинных законов экономических явлений — вызывается, именно, характерными особенностями её современного предмета изучения — свободного менового хозяйства... Есть полное основание признавать судьбу политической экономии, как своеобразной науки о причинных соотношениях хозяйственных явлений, тесно связанной с современным народным хозяйством. Вместе с ним она возникла и развилась и вместе с ним должна сойти со сцены» ¹⁾.

Здесь ясно сказано, что политическая экономия изучает *меновое* хозяйство и, в частности, хозяйство *капиталистическое*. С этой точки зрения мы и подойдём к формуле Тугана. Как мы знаем, он устанавливает пропорциональность между предельными полезностями и трудовыми стоимостями. Начнём разбор с последней части формулы, с трудовых стоимостей. По мнению г. Тугана-Барановского, трудовая стоимость определяет собою хозяйственный план. Но тот «хозяйственный план», о котором говорит наш автор, есть категория *индивидуального* хозяйства и притом хозяйства *натурального*, которое производит для себя самые разнообразные «блага». В самом деле, если мы возьмём *современное*

¹⁾ «Основы», стр. 17.

индивидуальное хозяйство, то есть капиталистическое предприятие, то мы не найдём там, прежде всего, никакого «хозяйственного плана» в смысле Тугана по той простой причине, что фабричное производство есть производство *специализированное*, где нечего распределять время между несколькими «отраслями»: каждое хозяйство производит только *один* продукт. Кроме того, категория трудовой стоимости вообще не интересует субъекта капиталистического предприятия, ибо он не «трудится» сам, а «работает» при помощи нанятых рабочих рук и купленных на рынке средств производства. Таким образом, если и может идти речь о трудовой стоимости, то последняя может мыслиться для современного способа производства (а именно его и изучает политическая экономия) исключительно как *общественная* категория, то есть нечто такое, что приложимо лишь ко всему общественному целому, а не к отдельным хозяйствам, составляющим это общественное целое. Именно так строил своё понятие трудовой стоимости Маркс. Верна или неверна его теория, это — вопрос, который сюда не относится. Мы думаем, что она верна, г. Туган-Барановский думает, что она не верна. Но во всяком случае Маркс отчётливо понимал, что категория трудовой стоимости, как категория индивидуального хозяйства, это — нелепость, сапоги всмятку, и что только тогда она получает смысл, когда говорят о ней, как о некоторой *общественной* категории. Теперь возникает вопрос о предельной полезности — втором члене формулы г. Тугана-Барановского. Предельная полезность — это, по определению всех теоретиков, являющихся её сторонниками, есть не что иное, как «значение» блага для благополучия «хозяйствующего субъекта»; это известная *оценка*, предполагающая сознательный расчёт. Понятно, что категория предельной полезности имеет смысл лишь, как категория *индивидуального* хозяйства и, наоборот, она *непосредственно* не может играть *никакой* роли (даже с точки зрения её сторонников), если мы имеем в виду все общественное хозяйство. Последнее отнюдь не «оценивает» подобно отдельному хозяину, ибо это есть *стихийно* развивающаяся система, закономерность которой обладает особой характеристикой. Таким образом, предельная полезность, если и имеет какой-нибудь смысл, то только как категория *индивидуального* хозяйства.

Как мы знаем, г. Туган-Барановский устанавливает пропорциональность между предельной полезностью и трудовой стоимостью блага. Трудовую же стоимость можно понимать двояко: как категорию общественную (такое понимание *обязательно*,

если мы рассматриваем *капиталистическое* хозяйство) и как категорию индивидуальную. Совершенно понятно, что трудовую стоимость в первом смысле поставить в непосредственную связь с предельной полезностью нельзя: это две величины, которые *принципиально* не могут иметь между собой ничего общего, так как они лежат в совершенно различных плоскостях. Утверждать, что одна величина, которая, вообще, может встречаться лишь в сфере *индивидуального* хозяйства, пропорциональна другой, которая может иметься лишь в сфере *общественного* хозяйства, — это воистину всё равно, что прививать оспу телеграфным столбам. Таким образом, *правильное* понимание теории трудовой стоимости приводит к выводу о полнейшем противоречии между нею и теорией предельной полезности. Остаётся «соединять» с предельной полезностью *нелепое* понятие трудовой стоимости, как категории *индивидуального* хозяйства, что и делает г. Туган. От этого его теория не становится, конечно, лучше: она терпит жесточайший крах, как только мы сопоставляем её с капиталистической действительностью. Получается, в общем, та же история, что и с представителями австрийской школы. Дело идёт сравнительно гладко, пока мы вращаемся в сфере интересов хозяйствующего Робинзона и намеренно или ненамеренно держимся в стороне от капиталистических отношений. Но лишь только мы приближаемся к тем отношениям, объяснить которые и призвана политическая экономия (это признает и сам Туган), — как вся теория разлетается в прах.

Мы подходим к концу. Но нам хочется сделать ещё одно небольшое замечание. Вся «теория» г-на Тугана касается хозяйств, *производящих* продукты. Это выгодно отличает его от чистых Grenznützer'ов, которые как будто забывают, что товары — не «дар небес», а продукты производства. Туган-Барановский и устанавливает свою «пропорциональность» как раз для *таких* хозяйств. Это весьма хорошо. Посмотрим ещё, что говорит о них г. Туган в другой части своей книги.

«Мы должны, — советует сей учёный муж, — держаться тех реальных хозяйственных отношений, в которых строятся цены в современном капиталистическом хозяйстве. Мы не должны предполагать, как это делает, напр., Бём-Баверк, что продавец известного товара нуждается сам в своём товаре и готов сохранить его у себя для собственного потребления, если ему предложат слишком низкую цену за товар» ¹⁾.

И это правильно. И здесь шаг вперёд по сравнению с теоретиками предельной полезности, так сказать, чистой воды.

¹⁾ «Основы», стр. 212–213.

Только... только как же будет чувствовать себя теория самого Тугана, если его производящие хозяйства не будут оценивать своих продуктов по полезности (т. е. по предельной полезности)? Ведь для того, чтобы была пресловутая пропорциональность, необходимо, чтобы были те величины, между которыми данная пропорциональность устанавливается. Выше мы видели, что с трудовой стоимостью дело обстоит из рук вон плохо. А теперь *сам г. Туган*, во всем своём критическом великолепии, объявляет, что оценка по предельной полезности в условиях капитализма (или простого товарного хозяйства) для продавцов является полнейшей бессмыслицей.

Мы разобрали теорию г. Тугана, не касаясь правильности одной из её составных частей — теории предельной полезности, взятой самой по себе. А между тем она отнюдь не защищена нашим теоретиком. Это весьма любопытный факт. В поисках новых путей российские буржуа удивительно «критически» настроены по отношению к Марксу; но к капиталистической научной идеологии Запада они относятся с почти религиозным преклонением. Это обстоятельство лишний раз показывает истинную природу тех «новых идей в экономике», проповедью которых занимаются г-да Туган-Барановские, Булгаковы, фон-Струве с tutti quanti.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН И ЦИТИРОВАННЫХ СОЧИНЕНИЙ

Adler, K. Dr. Kapitalzins und Preisbewegung. Münch. u. Leipzig. 1913. 106.
Ammon, Alfr. Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie. Wien u. Lpz. 1911. 29.
Bastiat, Er. Harmonies économiques. Bruxelles. 1850. 37, 38.
Bernstein, E. Theorie und Geschichte d. Socialismus. IV Aufl. 119.
Böhm-Bawerk. Капитал и прибыль. 16, 72, 73.
Positive Theorie d. Kapitals. III Aufl. 24, 61, 72, 121, 122, 123, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 136, 137, 140, 141, 142, 144, 145, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 163, 164, 165, 167, 168.
Основы теории ценности хозяйственных благ, пер. А. Санина. Спб. 33, 36, 37, 60, 61, 64, 66, 67, 68, 72, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 85, 88, 89, 91, 93, 94, 97, 98, 99, 101, 103, 104, 107, 108, 109, 110, 111, 113, 114, 115, 116.
Статья в «Zeitschrift für Privat- u. - öffentl. Recht». Wien, 1884, B. XI. 36.
Теория Карла Маркса и её критика, пер. проф. Георгиевского. Спб. 1897. 41, 42.
Kapital u. Kapitalzins B. II. 1909. 49, 50, 55, 64, 67, 70, 72, 77, 80, 83, 84, 86, 83, 98, 101, 104, 106.
Der letzte Maalzstab des Güterwertes, ст. в Zeitschrift für Volksw. Sozial-pol. u. Verw. III. 67.
Капитал и прибыль, пер. под ред. Туган-Барановского. 8, 72, 135.
Bortkiewitz, L. Der Kardinalfehler der Böhm-Bawerkschen Zinstheorie. Schmoller's Jahrb. B. 30. 143, 146, 146, 159, 161.
Boudin, L. Das theoretische System v. K. Marx. Stuttg. 1909. 39.
Bucharin, N. Eine Oekonomie ohne Wert. N. Z., 1914, №№ 22 и 23, 44.

Булгаков, С. Философия хозяйства. 46, 62.
Bücher, Karl. 9.
Canard, N. F. Principes d'économie politique. Paris. 1810. — 172.
Carver, Thomas Nixon, The distribution of Wealth. N. J. 1904. 38, 54, 74, 90, 124.
Cassel. Die Produktionskostentheorie Ricardo's etc. (Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. Bd. 57.) 77.
Charasoff, Georg. Das System des Marxismus. Berlin. 1910. 32, 45, 57, 138.
Clark, пред., 38.
 The Distribution of Wealth. N. J. 1908. 124, 125.
Condillac, стр. 14.
 Le Commerce et le Gouvernement, considérés relativement l'un à l'autre. Paris, an III (1795). 25, 67.
Cossa, Luigi. Introduzione allo studio dell'economia politica. Milano 1892, стр. 14.
Dietzel, Heinrich. Theoretische Sozialökonomik, 14, 16, 47, 65, 66, 128.
 Zur klassischen Wert und Preistheorie. Conrad's Jahrbücher, III Folge. I B. 106.
Eckstein, G. Zur Methode d. polit. Oekon. N. Z. XXVIII. B. I. 81, 93, 110.
 Die vierfache Wurzel des Satzes vom unzureichenden Grunde d. Grenzmitzentheorie (N. Z. XXII, II). 96.
Engels, Friedrich. 45.
 Людв. Фейербах, пер. Плех. Женева. 1905. 34.
 Анти-Дюринг, пер. Яковенко. Спб. 1906. 52.
Франк, С. 54.
 Теория ценности Маркса и её значение. 56.
Galiani. 14.
Gossen, Hermann. 26. Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs u. daraus fließender Regeln für menschliches Handeln. 1854. 26, 72, 75.
Gresham. 22.
Hildebrand. 9.
Hilferding, R., 34.
 Das Finanzkapital 8, 24, 40, 171.
 Böhm-Bawerks Marx-Kritik. 66, 71, 72, 90, 97.
Jevons, Stanley. 26, 27, 75.
 The theory of political economy. London F. N.-Y. 1871. 27, 38, 54, 75.
Железнов, В. Очерки политической экономии, М. 1912. 90.
Жид, Шарль. Основы пол. эк. Изд. Павленкова. Спб. 1896. 19.

Кауфман, Илар. 33, 44.
Kaulla. Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien. Tübingen. 1906, стр. 23.
Kautsky, K. Vorwort zum Boudins Theor. System v. K. Marx 55, 39.
Кейнс, Джон. Предмет и метод пол. эк., пер. под ред. Мануйлова. М. 1899. 42, 51.
Knies, Karl 9, 10. Die pol. Oekon. vom geschichtlichen Standpunkte, Neue Auflage. 1883. 10.
Komorzinsky. 16.
Lassale. Kapital und Arbeit. 72.
Lehr. 65.
Lewin. Arbeitslohn und Soziale Entwicklung. 84, 153.
Lewis, W. Allgemeine Volkswirtschaftslehre. 1910. 71, 147.
Liefmann, R., 5.
 Ueber Objekt, Wesen und Aufgabe der Wirtschaftswissenschaft. Conr. Jahrb., 13, 30, 31, 34, 41, 53.
Lifschitz. Zur Kritik der Böhm-Bawerkscher Werttheorie. Lpz. 1908. 42.
List L. Das nat. Syst. der pol. Oek. 10.
Мануйлов. Понятие ценности по учению экономистов классической школы. 96.
Marx, Karl. passim.
 Theorien über d. Mehrw. 4, 35, 44.
 Капитал, т. I. 7, 29, 33, 44, 47, 50, 56, 59, 65, 68, 71, 72, 74, 75, 95.
 Капитал, т. II. 22, 48, 49, 54, 57, 134, 166, 169.
 Капитал, т. III. 49, 53, 54, 56, 120, 124, 124.
 Misère de la phil., ed. G. et Brière 1908. 33, 90.
 Einleitung zu einer Krit. der pol. Oek. в Kr. d. p. Oek. Stuttg. 1907. 36, 39, 48, 49, 56, 59.
Menger, Karl. 400.
 Die Irrtümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie. Wien. 1884, стр. 15.
 Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Wien. 1871. 26, 37, 64, 67, 70, 94, 37, 66.
 Untersuchungen über die Methoden etc. 30, 38.
Макферлен. 133.
Миклашевский, А. История политической экономии, Юрьев 1906. 11–12.
Mill J. S. Grundsätze der pol. Oek. Übers. Soetbeer. III Aufl. 1869, II B. 61.
Mises Ludw. v. Theorie d. Geldes und der Umlaufsmittel. 96.
Mun, Thomas, стр. 22.
Neumann. Naturgesetz und Wirtschaftsgesetz. Zeitschr. für gesammte Sozialwiss. Hg. v. Schäffle. 11, 47.

Wirtschaftliche Grundbegriffe. Handb. der Pol. Oekon., gb v. Schönberg. 65.
North Dudley 22.
Oncken. Geschichte der Nationalökonomie. 22, 45.
Oppenheimer, Fr. Die soziale Frage u. Sozialismus. 50.
Pareto, Vilfredo. Cours d'Econ. politique. Lausanne. 1896. 57, 68.
Parvus. Der Staat, die Industrie und die Sozialismus. Verl. v. Kaden. Dresden, 19.
 Oekonomische Taschenspielererei (N. Z., Jahrg. X. под псевдон. J. H.). 100, 139, 148.
Пирсон. 143.
Плеханов, Г. В. 34.
Pribram, Karl. Die Idee des Gleichgewichtes in der älteren nationalökonomischen Theorie.
 Zeitschr. für Volksw., Sozialpolitik u. Verw. 17 Band. 22.
Ricardo, D. 10, 14, 22, 61.
 Начала политической экономии, пер. Н. Рязанова. 118.
Rickert, R. 14.
Родбертус. 50, 129, 172.
 Капитал, пер. Давыдова. 120, 134.
Рошер. 9, 88.
Засулич, В. И. 39.
Sax, Emil Das Wesen u. die Aufgaby der N. Oek. Wien. 1884. 14, 41, 52.
 4 ст. в Conrad's Jahrb. f. Nat.-Oek. und Staat. 1894. III Folge, 8 Band. 29.
Шапошников, Н. Н. Теория ценности и распред. М. 1912. 61, 74, 110, 119, 121, 154.
Sharling, Will. Grenznützentheorie u. Grenznutzenlehre. Conrad's. Jahrb. III Folge, 27 Band
 (1904). 78, 82, 84, 95, 107.
Schatz, Albert. L'individualisme économique et social. 1907. 23.
Schmoller, Gustav. 9, 11, 12.
 Grundriss der Allgem. Volkswirtschaftslehre. Leipz. 1908. 13.
 Ueber einige Grundfragen der Sozialpolitik u. d. Volkswirtschaftslehre, Leipz. 1898. 15, 16.
Schor, Alex. Kritik d. Grenznützentheorie. Conrad's. Jahrb. B. 23. 89.
Schumpeter, Josef. 57.
 Die neuere Wirtschaftstheorie in den U. St. Jahrb. für Gesetzgeb., Verw. u. Volkswirt. hg. v.
 Schmoller. 31 Jahrg. II. 3. 25.
 Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalök. Lpz. 1908. 57.

Bewerkungen über das Zurechnungsproblem. Zeitschrift für Volkswirt., Soc. Tol. u. Verwalt. B.
 18. (1909). 100, 101, 102.
Smith, Adam. Стр. 23, 24.
 «Wealth of nations», Lnd. 1895. 31.
Sombart, Werner. 19.
 Der Bourgeois. Münch. u. Leipz. 1913. 16, 17, 25, 69.
 Luxus u. Kapitalismus Verl. Duncker u. Humblot. 1913. 19.
 Zur Kr. des ök. Syst. von K. M. Brauns Archiv. B. VII. 31, 32, 66, 180.
Стенанов. 8.
Stolzmann, Rud. 5, 34.
 Der Zweck in der Volkswirtschaftslehre. 1909. 33, 39, 50, 51, 53, 54, 65, 82, 89, 123, 137, 144,
 146, 161.
 Sociale Kategorie. 42.
Струве, П. Б. «Хозяйство и цена», М. 1913. 35, 36, 41, 47, 49, 61, 98.
 К критике основ. понятий политич. эконом. Ст. в журн. «Жизнь». 119.
Torrens. An Essay on the Produktion of Wealth. 50.
Туган-Барановский. Основы пол. экон. 9, 58, 61, 64, 44, 66, 88, 88, 176, 177, 178, 179, 180, 181,
 182, 184.
Чупров, А. А. Очерки по теории статист. Спб. 1909. 14, 39.
Wagner, Ad. Grundlegung der polit. Ökonomie II Aufl. 129.
Walras, Auguste. De la nature de la richesse et de l'origine de la valeur. 1831. 20, 68.
Walras, Léon. Etudes d'économie sociale. Théorie de la repartition de la richesses sociale.
 Lausanne — Paris, 1896. 14, 27, 38, 54.
 Théorie mathématique de la richesse sociale. Lausanne. 1883. 26.
 Principe d'une théorie mathém. de l'échange. «Journ. des Econ». 1874. 28, 55, 67, 72, 74, 74, 82,
 83.
Wieser. Ursprung d. Wertes. 9. 64, 82, 83.
 Der natürliche Wert 73, 75, 76, 95, 98, 100, 146.
Wicksell. Zur Verteidigung der Grenznutzenlehre. 77.
Windelband. 14.
Verri, Comte de. Economie politique ou considerations sur la valeur de l'argent et les moyens d'en
 faire baisser les intérêts sur les banques, la balance de commerce, l'agriculture, la population, les
 impôts etc. Paris. An. III 26, 67, 67.
Bunpner, проф. Очерки теории ист. позн. М. 1911. 34.